

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947.088

В. Е. СТЕПАНОВОмский государственный
педагогический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ «НАШ ДОМ – РОССИЯ» В КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 1996 г. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В данной статье рассматривается деятельность региональных отделений движения «Наш дом – Россия» в Западной Сибири в кампании по выборам Президента РФ 1996 года. Характеризуются положение данных организаций накануне выборов, основные методы ведения кампании, а также степень участия региональных отделений в рассматриваемом процессе.

Президентские выборы 1996 г., завершавшие череду «учредительных выборов», носили критический характер для выживания политического режима. В условиях российского институционального дизайна они являлись «игрой с нулевой суммой» — их исход мог привести и к полновластию, и к полной утрате власти либо правящей группировки, либо ее противников [1, с. 50]. Рассматривая участие политических партий в данной выборной кампании в Западной Сибири, актуальным представляется вопрос о деятельности «партии власти» в лице движения «Наш дом – Россия» в процессе переизбрания Б. Ельцина

на второй президентский срок, вкладе движения в окончательную победу первого президента России.

В феврале 1996 г. Б. Н. Ельцин принял твердое решение баллотироваться на второй срок и начал предвыборную кампанию. Еще ранее, 15 января 1996 г., был организован Общероссийский штаб по выборам президента, руководителем которого назначен О. Сосковец, а заместителем — бывший глава администрации Президента С. Филатов [2].

8 февраля на расширенном заседании Совета движения НДР, премьер-министр В. Черномырдин сделал официальное заявление о том, что он отказыва-

ется от участия в президентских выборах в пользу президента. При этом В. Черномырдин подчеркнул, что он будет оказывать личное содействие Б. Ельцину в проведении мощной предвыборной кампании и призвал включиться в нее все структуры НДР [3]. Была предпринята попытка трансформации НДР в партию, стремившуюся привлечь на свою сторону демократически настроенную часть общества, с тем чтобы в июне 1996 года вместе с другими партиями демократического толка дать решительный бой «левым» и продвинуть на президентский пост своего кандидата.

Президентские выборы хотя и были частично свободными в смысле доступа борьбы за власть, по крайней мере, основных кандидатов, но не были справедливы в плане равенства прав кандидатов и избирателей. Государственный аппарат на всех уровнях, внутренние и внешние финансовые потоки, все некоммунистические силы российского общества работали на Б. Ельцина [4, с. 113].

Весь подготовительный и выборный период был ознаменован серьезным и интенсивным процессом политического самоопределения финансовых новых и старых экономических групп по отношению к Президенту РФ, правительству В. Черномырдина, к основным публичным политическим силам и друг к другу. Уже на первом этапе избирательной кампании активную поддержку кандидатуре Б. Н. Ельцина оказали представители новой экономической элиты. Сформировался «пул» ведущих коммерческих банков страны («группа 13») с соответствующей политической надстройкой и представительством в окружении Президента в лице, прежде всего, А. Чубайса и В. Илюшина [5, с. 71]. К числу наиболее влиятельных имен и финансовых структур относились Б. Березовский (ЛогоВАЗ, Объединенный банк, Сибнефть), В. Гусинский (Мост), В. Потанин (ОНЭКСИМ-банк), М. Ходорковский (Менатеп), А. Смоленский (СБС-АГРО), М. Фридман и П. Авен (Альфа-групп) [6, с. 49].

Между тем в конце февраля 1996 г. НДР официально дало согласие на участие в работе координационного совета по выборам президента. По словам председателя исполкома НДР В. Бабичева, НДР намерен стать частью «огромного механизма, который будет работать на переизбрание нынешнего Президента» [7]. Лидер движения В. Черномырдин так охарактеризовал предвыборную задачу «партии власти»: «объединить сторонников демократических преобразований и убедить их голосовать за Президента» [8]. В дальнейшем НДР были организованы 40 «народных домов», выполнявших координирующую функцию для групп поддержки Президента.

Основная концепция избирательной кампании Б. Ельцина строилась на идее согласия и сплочения всех россиян вокруг действующего Президента во имя стабильности и будущего. Поэтому Б. Ельцин не мог быть представителем какой-либо одной партии или политического движения. Он должен был стать политически нейтральным, общенациональным лидером, для которого одинаково дороги все граждане страны, независимо от их убеждений. Именно поэтому организационное обеспечение кампании не могло быть доверено какой-либо существующей и уже политически ангажированной структуре, какой являлся НДР. Предвыборные агитационные материалы в поддержку действующего Президента гласили: «Президент должен быть свободен от подозрений в партийных пристрастиях» [9, л. 200]. В связи с этим тактика деятельности НДР в избирательной кампании 1996 г. должна была, с одной стороны, продолжать выпол-

нять функции «партии власти», но с другой — действовать, не позиционируя себя как «партию власти», выступая от лица широкой коалиции демократических политических сил. Эту сверхзадачу было возможно лишь выполнить, опираясь на региональные отделения НДР.

О потенциале региональных отделений НДР, в частности, в Западной Сибири можно судить, дав характеристику положению данных организаций в регионах. В целом ситуация складывалась неоднозначно. Уровень поддержки населением этих структур, показанный на думских выборах 1995 г., был значительно ниже среднероссийского и позволял сделать вывод об ограниченных возможностях местных структур «партии власти» по мобилизации электората в поддержку действующего президента. Тревогу о будущем «партии власти» в Алтайском крае высказал заместитель главы администрации этого региона П. Пригон. В интервью «Веку» он рассказал, что алтайский губернатор Л. Коршунов горячо поддерживает НДР. «Но надо понимать, — подчеркнул он, — что в Сибири тяжело воспринимается любая власть. Даже, несмотря на то, что в последнее время у НДР появилось новое лицо, что это движение старается быть ближе к нуждам людей, точнее и быстрее решать социальные задачи и новое, и старое лица пока у сибиряков популярностью не пользуются» [10]. Несмотря на сложное и неустойчивое положение региональных структур НДР в Западной Сибири они активно включились в предвыборную кампанию.

В Кемеровской области собрание представителей политических и общественных организаций, предпринимателей, промышленников, объединившихся в поддержку Б. Ельцина, прошло значительно раньше, чем в других административно-территориальных образованиях Западно-Сибирского региона, — 24 января 1996 г. На нем был избран областной общественно-политический координационный совет [17, с. 176]. Более ранняя активизация сторонников Б. Ельцина была обусловлена целым комплексом причин. Это низкий уровень поддержки президента населением Кузбасса, на выборах в Госдуму 1995 г. результат «партии власти» оказался не только самым низким по Западной Сибири, но и по России (хуже результат по стране был зафиксирован только в Приморском крае). Кроме того, один из лидеров левых сил, губернатор Кемеровской области А. Тулеев намеревался вступить в борьбу за должность президента.

В Новосибирской области после поражения на декабрьских губернаторских выборах прежнего главы обл администрации И. Индинка новосибирские активисты НДР находились в достаточно затруднительной ситуации: по сути, «партия власти» оказалась без власти. И это, несомненно, значительно усложнило жизнь местным агитаторам президента. Так, Г. Пугачев, назначенный координатором работы групп поддержки Ельцина во всем Западно-Сибирском регионе, долгое время не имел ни штаба, ни даже контактного телефона. Сам факт, что недавним хозяевам области приходилось сталкиваться со столь прозаическими проблемами, выглядел весьма показательно. Первые консультации по согласованию позиций по различным проблемам грядущей избирательной кампании состоялись в Новосибирске в начале февраля 1996 г. В консультациях помимо НДР приняли участие ДВР, РПРФ, ПРЕС, СДПР, «Вперед, Россия!» [11, л. 3].

Так или иначе, но общественная группа поддержки Ельцина на областном уровне была сформирована. В нее вошли НДР, Народно-демократический фронт,

экологическое движение «Кедр», Союз ветеранов Афганистана, общественное движение «Реформы — новый курс» (лидер — В. Шумейко) и Социал-демократическая партия России. Областную группу возглавил О. Шуваев — лидер местного отделения движения В. Шумейко [12]. «Партия власти» строила свою работу таким образом, чтобы привлечь к Общественному движению в поддержку Б.Ельцина максимальное количество политиков, партий и движений, обладающих необходимым реальным потенциалом для реализации главной задачи — избрания Б. Ельцина на пост Президента Российской Федерации. По словам О. Гонжарова, новосибирская организация НДР — одна из лучших в стране и в качестве положительных моментов деятельности выделил то, что «удалось наладить продуктивные отношения с другими участниками президентской кампании» [11, л. 36].

НДР в Алтайском крае приняло активное участие в создании общественно-политической организации «Согласие». Главной целью новообразованной структуры стала поддержка Б.Ельцина на выборах. Помимо «партии власти» в рамках движения объединились представители Крестьянской партии, ДВР, Союза предпринимателей Алтая, Алтайского краевого движения железнодорожников, движения «Гражданское согласие» и «За мир против насилия». «Согласие» стало очередной попыткой создания в Алтайском крае демократического движения, способного сыграть серьезную роль в политической жизни края. Аналогичные попытки предпринимались уже ранее: создание в 1993 году «Выбора Алтая», в 1995 году — движения «Возрождение Алтая», которые практически не смогли занять заметного места на политической сцене [18].

Таким образом, под эгидой НДР была предпринята попытка консолидации разобщенных демократических сил региона. Более удачный момент для объединения данных структур было трудно придумать. В преддверии выборов с конечным результатом «или все, или ничего» идеологические и программные разногласия отходили на вторые роли.

Тем временем В.Черномырдин сформулировал основные задачи «партии власти» на ближайший период. В оставшиеся недели до президентских выборов, которые, по его мнению, ознаменуются «жесточкой политической борьбой», движение должно строить свою работу «на трех китах»: практической реализации политики президента, активном законодательстве в Госдуме и фракции НДР и пропагандистских усилиях членов движения общественной поддержки Б. Н. Ельцина в регионах [16].

Пропагандистская машина «партии власти» раскручивала кампанию антикоммунизма. В апреле 1996 г. в почтовых ящиках появилась бесплатная газета «Не дай Бог!». На страницах издания пугающими выглядели страницы советской истории: красный террор, военный коммунизм, ГУЛАГ, колхозы, очереди. Чтобы все выглядело более правдоподобно, в качестве экспертов выступали авторитетные люди из областей политики, культуры, спорта. На вооружение президентской кампании было взято последнее изобретение шоу-бизнеса — совместный проект «Голосуй или проиграешь!», нацеленный на привлечение молодых избирателей. В концертных акциях были задействованы около 100 артистов.

Подобная тактика ведения предвыборной борьбы использовалась и региональными структурами НДР. Основной формой работы стало обращение к избирателям через телевидение и областные газеты. Такое сотрудничество происходило как на коммерческой

основе, так и «полюбовно». Тем более большинство СМИ относились к Б. Н. Ельцину с большей симпатией, чем к В. В. Жириновскому или Г. А. Зюганову. Анализ публикаций 12 областных и городских газет Омской области, проведенный В. Новиковым, дал следующие результаты: из 134 публикаций — 70 были посвящены кандидатуре Б. Ельцина [22, с. 39].

Планировалось и привлечение в качестве агитаторов разного рода известных и авторитетных фигур — от директоров предприятий до деятелей искусств. Правда, привлечение к агитационной кампании даже суперизвестных личностей, как показали предыдущие выборы, далеко не всегда имеет необходимый результат. Во всяком случае, экс-губернатору И. Индинку, мобилизовавшему чуть ли не всех мыслимых знаменитостей, для победы этого не хватило. Новосибирским отделением НДР был выпущен вышедший сорокатысячным тиражом предвыборный материал, содержание которого сводилось к разоблачительным высказываниям, направленными против КПРФ и непосредственно ее лидера Г. Зюганова [15].

Попытки эффективно действовать на региональном электоральном поле вступали в противоречие с реальным политическим весом местных структур «партии власти», к тому же президентская кампания не просто усилила персонализацию политики, вообще характерную для России, но и ослабило влияние политических партий на избирательный процесс. Столкновение двух основных групп элиты (стоящей у власти и оттесненной от нее) приобрело форму исторического «выбора пути», когда противостояние «власть-оппозиция» было отождествлено с главной борьбой «реформы-контрреформы», затушевав всё остальное. Вновь восторжествовала привычная для России биполярная логика политического противостояния [14, с. 43].

Все основные политические акции Б. Ельцина в предвыборные месяцы оставались в рамках демократических ценностей, но в то же время были приемлемы для массы центристского и неопределенного электората. По мере того, как кампания становилась все более активной, рейтинг Ельцина шел вверх, а надежды других некоммунистических кандидатов на завоевание более широкой поддержки таяли [19, с. 323]. Рост электората Б. Ельцина шел, в том числе, за счет привлечения тех избирателей, которые не принимали участия в голосовании 17 декабря 1995 года.

Пик активности политических партий пришелся на май — июнь 1996 г., совпавший с визитом в регион делегации депутатов Государственной Думы — членов фракции НДР (С. Беляев, Н. Травкин, А. Страхов) и был обусловлен завершающим этапом предвыборной кампании. Визит членов фракции НДР продемонстрировал степень заинтересованности властных структур региона в деятельности «партии власти» [11, 20, 21].

Итоги голосования 16 июня 1996 г. дали следующие результаты: Б. Ельцин (34,8 %), Г. Зюганов (32,31 %), А. Лебедь (14,38 %), Г. Явлинский (7,42 %), В. Жириновский (5,7 %) [23, с. 125].

В Западной Сибири результаты первого тура выборов оказались неоднозначными, но отражающими особенности политического и социально-экономического развития отдельных областей и краев региона. В Кемеровской области и Алтайском крае, как и на выборах в Государственную Думу, убедительную победу одержали коммунисты.

Результаты первого тура президентских выборов на Алтае ни для кого не стали сюрпризом. Как и ожидалось, больше всех голосов набрал Г. Зюганов (41,92 %),

на втором месте — Б. Ельцин (21,78 %), на третьем — А. Лебедь (19,36 %) [24].

Более чем двукратное преимущество Г. Зюганова над основным конкурентом было зафиксировано и в Кузбассе (39,46 % против 23,36 %) [25]. В Омской области победа Г. Зюганова над Б. Ельциным была менее убедительной (36,8 % против 32,8 %) [26]. Победу Г. Зюганова преопределили голоса сельского населения области. Аналогичная картина повторилась в Новосибирской области с той разницей, что здесь превосходство лидера КПРФ над действующим Президентом составило свыше 9 % (35,48 % против 25,99 %) [27]. И лишь в Томской области Б. Ельцин праздновал успех (34,95 % против 22,13 %) Г. Зюганова [28].

Попытки исправить ситуацию были предприняты властными структурами в короткий период подготовки второго тура голосования. Так, Кузбассу накануне второго тура выборов был выделен транш в размере 1,6 триллионов рублей [13, с. 378]. В Томске с 25 июня началась активная агитация за Б. Ельцина посредством А. Лебеда. 2 июля «Томский вестник» опубликовал информацию, обезоруживавшую пассивную часть населения: «Даже при равенстве голосования по всей России Москва и Санкт-Петербург отдадут голоса Ельцину, сделав его победителем» [13, с. 378]. Как видим, роль региональных структур НДР в этом процессе отсутствует. Становится очевидным, что эти организации не были способны коренным образом повлиять на ситуацию.

Результаты второго тура голосования принесли победу Б. Ельцину над Г. Зюгановым. Кампания характеризовалась необычайным ростом популярности первоначально непопулярной фигуры, на фоне стремительного падения рейтингов более популярных фигур. За время этой кампании действующий президент Б. Ельцин совершил рывок от самых низких рейтингов до победы [29, с. 29].

В Западной Сибири в регионах, где в первом туре успех праздновал лидер КПРФ, Г. Зюганов вновь одержал верх, но уже с менее убедительной разницей в голосах. В Омской области, по сравнению с первым туром голосования, отрыв Г. Зюганова был сведен к разнице менее 1 %. В Томской области успех Б. Ельцина и вовсе выглядел подавляющим: за него проголосовали 59,09 %, за Г. Зюганова — 33,65 % избирателей. В том числе в Томске Б. Ельцин набрал 66,03 %, Г. Зюганов — 26,83 % голосов [30].

Таким образом, главная цель политических сил, поддержавших Б. Ельцина в период избирательной кампании, была достигнута — действующий Президент был переизбран на новый срок. Анализируя роль «партии власти» в процессе переизбрания Б. Ельцина, приходится констатировать ограниченность ее влияния на данный политический процесс.

Попытка выйти на выборы Президента с испытанным, хотя и недостаточно эффективным, но тем не менее проверенным механизмом консолидации власть имущих, оказалась неудачной. При решении конкретной задачи НДР, будучи многосубъектной политической организацией, не сумела достигнуть необходимого для победы уровня объединения ресурсов. В результате «партия власти» была несколько отодвинута в сторону, первое место заняли большие деньги и тотальный, повсеместный информационный PR. Смещение акцентов в борьбе за сохранение и стабилизацию власти привело к нужному результату [31, с. 32].

Региональные структуры «партии власти» действовали в основном как административное подразделение исполнительной власти. Это способствовало

решению вопросов мобилизации необходимых ресурсов перед выборами. Но четкая организационная структура с привлечением в деятельность региональных отделений представителей различных социальных групп так и не была создана.

В Западной Сибири НДР функционировала как одна из групп поддержки Президента. Попытка активизировать влияние на ход избирательной кампании, организовав обратную связь с населением через «народные дома», также оказалась малоэффективной. В то же время опора на исполнительную вертикаль часто приводила также к чрезмерной зависимости структур НДР от региональной власти.

Таким образом, на данном этапе развития региональные отделения «партии власти» в лице НДР в Западной Сибири можно рассматривать лишь в качестве вспомогательного инструмента ведения электоральной политики в период кампании по выборам Президента в 1996 году.

Библиографический список

1. Гельман В.Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // *Общественные науки и современность*. — 1999. — №6.
2. *Вечерняя Москва*. — 1996. — 16 января.
3. *Известия*. — 1996. — 9 февраля.
4. Зеленко Б.И. *Партии и выборы в современной России*. — М., 2003.
5. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 1.
6. Зудин А.Ю. Олигархия как политическая проблема русского посткоммунизма // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 1.
7. *Коммерсантъ-Daily*. — 1996. — 28 февраля.
8. *Российская газета*. — 1996. — 23 марта.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (далее — ЦДНИТО). Ф. 5691. Оп. 1. Д. 104.
10. *Век*. — 1996. — 29 февраля.
11. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П. — 11979 — 1 — 6. Оп. 1. Д. 6.
12. *Коммерсантъ-Daily*. — 1996. — 19 апреля.
13. Новиков С.В. *Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия (1988 — 1996)*. — Омск, 2002.
14. Холодковский К.Г. *Политические партии России и выборы 1995 — 96 гг.* // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1997. — № 2.
15. Гонжаров О., Павлов Н. Знал бы Ю.В. Андропов, не лукавил бы Г.А. Зюганов, не писали бы на заборах... (Спокойные заметки о беспокойной программе КПРФ). — Новосибирск, 1996. — 24с.
16. *Коммерсантъ-Daily*. — 1996. — 27 апреля.
17. Пучкин Д.Т. *Становление политических организаций либеральной ориентации в Западной Сибири (1988 — 1996)*: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Новосибирск, 2003. — 214 с.
18. *Свободный курс*. — 1996. — 25 апреля.
19. Осипов А.Г., Козодой В.И. *Политический спектр (Формирование многопартийности в Западной Сибири 1986 — 1996)*. — Новосибирск, 2003.
20. *Коммерсантъ-Daily*. — 1996. — 5 июня.
21. *Красное знамя*. — 1996. — 6 июня.
22. Новиков В.С. *Избирательная кампания по выборам Президента РФ: роль и место печатных СМИ Омска, Новосибирска, Тюмени. 1996 год.* // *История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени : сб. ст. к конф. 21 декабря 2007 года*. — Вып. I. — Новосибирск, 2007.

23. Демидов В.А. Россия: президентская республика 1993 – 1996. – Новосибирск, 1998.
 24. Свободный курс. – 1996. – 20 июня.
 25. Новая сибирская газета. – 1996. – 4 июля.
 26. Омский вестник. – 1996. – 19 июня.
 27. Новая сибирская газета. – 1996. – 4 июля. Новая Сибирь. – 1996. – 20 июня.
 28. Томский вестник. – 1996. – 22 июня.
 29. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. – №1.
 30. Красное знамя. – 1996. – 6 июля.

31. Лоскутов В.П. «Партия власти»: сущность и формы развития // Проблемы соответствия партийной системы интересам гражданского общества современной России. – Ростов-на-Дону, 2004.

СТЕПАНОВ Владислав Евгеньевич, соискатель кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 25.08.08 г.

© В. Е. Степанов

УДК 947. 088 (093) Н 76

Г. В. НОВОСЕЛОВ

Омский государственный педагогический университет

АНАРХИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

В статье речь идёт об одном из самых противоречивых течений российской общественно-политической мысли первой четверти XX века. Несмотря на то, что единой партии сторонникам безгосударственного устройства общества создать не удалось, что в немалой степени обуславливается особенностями их мировоззрения, с полной уверенностью можно говорить о активизации анархистского движения в России в этот период. В то же время начало XX в. стало временем глубочайшего кризиса в анархистском мировоззрении. Кризис этот имел как внешние, так и внутренние причины.

Автор статьи характеризует три основные направления, выделившиеся в анархизме в первом десятилетии XX в.: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм и анархо-синдикализм и показывает, как представители этих направлений пытались не только обосновать свои теоретические взгляды, но и найти выход из кризиса, охватившего учение. Наиболее ярко это видно из исторических концепций теоретиков российского анархизма.

Начало XX в. в России большинством учёных характеризуется как период возникновения и развития политических партий. Действительно, с этим утверждением нельзя не согласиться. Политическая жизнь в то время буквально была ключом. Уже в течение первого десятилетия прошлого столетия в России возникло огромное количество политических партий и организаций различного толка — от крайне правых до крайне левых. Анархисты, о которых речь пойдет ниже, не были исключением. Несмотря на то, что единой партии сторонникам безгосударственного устройства общества создать не удалось, что в немалой степени обуславливается особенностями их мировоззрения, с полной уверенностью можно говорить об активизации анархистского движения в России в этот период. Некоторые современные исследователи, такие как В. Д. Ермаков, А. А. Штырбул и др., характеризуют начало XX в. как новый период в истории анархизма. Именно в это время противники государственной власти в России от теории перешли к практике, включавшей в себя как активную пропаганду среди рабочих и крестьян, так и индивидуальный террор. Но, несмотря на всё это, начало XX в. стало временем глубочайшего кризиса в анархистском мировоззрении. Кризис этот имел как внешние, так и внутренние причины. Среди внешних причин, прежде всего, следует назвать три революции, пришедшие на первые

два десятилетия прошлого века. Проблема определения как самостоятельной политической силы в каждой из них крайне остро стояла перед анархистами. Выработка собственной программы и тактики определённо была для анархистов первоочередной задачей. Октябрьская революция 1917 г. поставила перед анархистами ещё одну проблему. Вопрос об отношении к новому советскому государству буквально расколол анархистов на два враждующих лагеря. Среди них были как ярые противники, так и убеждённые сторонники советской власти.

Ещё одной внешней причиной стала Первая мировая война. Вопрос о том, стоит или нет рабочим и крестьянам поддерживать своё правительство в этой войне, для анархистов носил отнюдь не отстранённый характер. Вскоре после вступления России в войну на стороне Антанты ведущий теоретик анархизма П. А. Кропоткин выступил в поддержку царского правительства и призвал своих сторонников поддерживать участие России в этой войне против милитаристской Германии. Но далеко не все анархисты были согласны с Кропоткиным. Один из наиболее ярких анархистских деятелей России первых двух десятилетий XX века И. С. Гроссман-Рощин писал: «Нам, после пережитых великих годов, трудно уже представить себе, какое ошеломляющее впечатление произвела и, не только среди революционеров, весть о том,

что П. А. Кропоткин «приял» войну» [1]. Вообще, сам факт принятия Кропоткиным войны, как необходимого зла, для устранения зла, по его мнению, более опасного в лице германской империи, свидетельствует о глубочайшем идейном кризисе, как кропоткинизма в частности, так и анархизма в России в целом.

Одной из главных внутренних причин является глубочайший идейный раскол, произошедший в среде анархистов к началу XX века. Множество течений, выделившихся в анархизме, по-своему пытались определить его цели и задачи. Среди большого количества мелких к началу XX века в анархизме выделилось три основных течения: анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм, и анархо-синдикализм. Эти течения наиболее ярко представлены не только в российской, но и в мировой истории, потому что наиболее ярко отражают интересы трёх основных групп, составляющих социальную базу анархизма, и имеют наиболее ярко выраженных лидеров.

Идеологом анархо-коммунизма в России начала XX века по-прежнему считался П. А. Кропоткин. Свою опору анархо-коммунисты искали в среде крестьянства, что в немалой степени было обусловлено идеями, высказываемыми П. А. Кропоткиным в своих трудах.

Анархо-синдикализм возник как движение, выступающее за революционную борьбу профсоюзов, и основную опору для себя искал среди рабочих. Впрочем, в России анархо-синдикалисты имели незначительное влияние. Одним из наиболее ярких идеологов анархосиндикализма в России был Д. Новомирский.

Анархо-индивидуализм своими корнями уходит ещё в 40-е гг. XIX в. к М. Штирнеру и его книге «Единственный и его собственность». В России же это направление возникло как реакция части анархистов на идейный кризис учения. Неудовлетворённость как методами революционной борьбы, так и её результатами привела часть анархистов к мысли о том, что, прежде чем изменять мир вокруг себя, человеку следует изменить себя самого. Основной посыл анархо-индивидуалистов был направлен на интеллигенцию. Среди наиболее выдающихся представителей этого направления можно назвать А. Бороваго и Л. Чёрного.

Представители каждого из этих направлений стремились не только теоретически обосновать собственные взгляды, но и найти выход из кризиса учения, который они не могли не осознавать. Наиболее ярко это видно из исторических концепций теоретиков российского анархизма. Пытаясь, со своих позиций, посмотреть на ход мировой истории и выделить общие для всех законы исторического развития, анархисты стремились не только подтвердить историческую правильность собственного учения, но и выработать свои методы научного исследования.

Для исторических концепций П. А. Кропоткина в XX веке знаковыми являются две работы: «Взаимная помощь как фактор эволюции», увидевшая свет в 1908 году, и незаконченный труд под названием «Этика», первая часть этого глобального исследования по истории нравственности вышла в 1921 году, не за долго до смерти автора. С точки зрения метода исследования, эти две книги являются естественным продолжением очерка «Государство и его роль в истории», вошедшего в сборник статей «Современная наука и анархия» [2]. Основным методом исследования для Кропоткина по-прежнему являлся естественнонаучный. Продолжая мысль, высказанную еще в XIX в., Кропоткин говорит о циклическом характере исторического развития. «Эволюция человечества, — пи-

сал он, — не представляет непрерывного ряда. Иногда в той или другой стране, у той или другой расы цивилизация обрывалась и начиналась в какой-нибудь другой стране, среди других рас. Но начиналась она каждый раз с тех же самых клановых учреждений, которые мы видели у дикарей. Таким образом, если мы возьмём последний перегон нашей собственной цивилизации с того момента, когда она заново началась в первых столетиях нашей эры среди тех, кого римляне называли «варварами», то мы будем иметь полный спектр эволюции, на одном конце которого будет род и его учреждения, а на другом — учреждения нашего собственного времени» [3]. Принципиально новым, для идей Кропоткина того времени, является стремление к более чёткому противопоставлению коллективного начала индивидуальному. В немалой степени, вероятно, этому способствовало и усиление в России позиций анархо-индивидуализма. Теперь ему приходилось оппонировать не только теории об «Общественном договоре» Руссо, но и идеям индивидуализма, приобретшим немало сторонников, особенно после выхода на русском языке ряда работ Ф. Ницше. Выделенные им ранее формы общественного устройства: род, сельская община и средневековый город — теперь рассматривались им не только как примеры общественной самоорганизации, но и как свидетельство того, что общество должно быть первичным по отношению к отдельной личности. «Прочность родовой организации, — писал он, — сама по себе уже подрывает в корне взгляд на первобытное человечество как на беспорядочный агломерат индивидуумов, которые руководствуются исключительно своими личными страстями и желаниями и пускают в ход против других представителей вида всю свою ловкость и силу» [4]. Основным правилом, основным законом, благодаря которому, по мнению Кропоткина, развивалось и продолжает развиваться человеческое общество, является принцип взаимопомощи. Проводя параллель с природой и животным миром, Кропоткин стремился доказать, что этот принцип, наблюдаемый им в природе, естественным образом распространяется и на человека. «Человек не является исключением в природе, — говорит Кропоткин. — Он так же подчинён великому принципу взаимной помощи, гарантирующей наилучшие шансы выжить и оставить потомство тем видам, которые оказывают наибольшую помощь друг другу в борьбе за существование» [5]. В этом и заключается суть естественнонаучного метода Кропоткина. Стремясь распространить идею принципа взаимопомощи на всю мировую историю, Кропоткин находит этот принцип и в средневековом вольном городе, который он считал естественным преемником сельской общины». Чем больше изучаем мы средневековый город, — писал он, — тем больше видим, что он не представлял из себя только политическую организацию для защиты известных политических вольностей. Он представлял из себя попытку дать организацию в большем масштабе, чем это было сделано в деревенской общине; он являлся тесным союзом, созданным для взаимной помощи и поддержки, для потребления и производства и для совместной жизни, причём организация эта не налагала на людей оков государства, но представляла полную свободу для выражения творческого гения каждой отдельной группы индивидуумов, будет ли то в области искусства, ремесла, науки, торговли, политики» [6]. Но чем ближе по времени к нам те исторические примеры, которые Кропоткин приводит в подтверждение своей концепции, тем менее убедительными выглядят его доводы. Свобода

творческого выражения, о которой он писал, не имела ничего общего с тем общественным расслоением, которое можно наблюдать в городах того периода. Кроме того, Кропоткин не уделяет достаточно внимания расслоению, имевшему место внутри этих самых групп, будь то гильдии торговцев, ремесленников или любые другие союзы, которыми он так восторгался. Принцип взаимопомощи здесь уже работает не в полной мере, так же как и естественнонаучный метод не вполне подходит к трактовке данной ситуации. К началу XX века научная позиция Кропоткина выглядит уже достаточно шатко. Это видели не только противники анархистов, но и сами представители движения. И. С. Гроссман-Рощин писал: «Кропоткин занимает своеобразно-промежуточное место между научным социализмом и утопизмом. Он не настолько утопист, чтобы не пытаться обосновать «естественнонаучно» свое мировоззрение, но не настолько научен и объективен, чтобы не подчинять бессознательно-научные доводы своему моральному идеалу» [7].

Впрочем, индивидуалистские тенденции в философии, всё более ярко проявлявшиеся к началу XX в., оказали своё влияние и на Кропоткина. Вот например, что он писал в книге «Великая французская революция»: «Революция есть нечто неизмеримо большее, чем ряд восстаний в деревнях и городах; большее, чем простая борьба партий, как бы кровопролитна она ни была; большее, чем уличная война, и гораздо большее, чем простая перемена правительства, подобная тем, какие происходили во Франции в 1830 и 1848 гг. Революция — это быстрое уничтожение, на протяжении немногих лет, учреждений, устанавливавшихся веками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них. Это — распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это — полный переворот в установленных понятиях и в ходячих мнениях по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами человеческого стада» [8]. Он уже не отождествляет революцию с уличными и крестьянскими восстаниями, как делал это в очерке «Государство и его роль в истории». Более того, он говорит о перевороте в установленных понятиях и ходячих мнениях, что уже достаточно близко к идеям анархо-индивидуалистов о перестройке человеческой личности.

Еще ближе к анархо-индивидуализму П. А. Кропоткин подходит в книге «Этика». Основная идея этого труда сводилась к тому, что новому обществу, которое возникнет после победы революции, необходимо будет создать новую систему ценностей, новую этику, не связанную ни с законами, создаваемыми государством, ни с религиозными догмами. «Успехи естественных наук в XIX веке, — писал он, — пробудили у современных мыслителей желание выработать новую этику на положительных началах. Установив основы философии мира, освобожденной от предположений о сверхъестественных силах, но вместе с тем величественной, поэтической и способной внушить человеку самые возвышенные побуждения» [9]. Эта новая этика, по мнению Кропоткина, разумеется, должна была исходить из общественных ценностей, иными словами, всё из того же обычного права. «Общественный инстинкт, — писал он в третьей главе «Этики», — прирожденный человеку, как и всем общественным животным, — вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности» [10]. Но уже в двенадцатой главе этой

работы Кропоткин делает следующее замечание: «Сами выражения «эгоизм» и «альтруизм» неправильны, потому что нет чистого альтруизма без личного в нем удовольствия, следовательно, без эгоизма. А потому вернее было бы сказать, что нравственные учения, т.е. этика, имеют в виду развитие общественных привычек и ослабление навыков узколичных, которые не видят общества из-за своей личности, а потому не достигают даже своей цели, т.е. блага личности; тогда как развитие навыков к работе сообща и вообще взаимной помощи ведет к ряду благих последствий как в семье, так и в обществе» [11]. Здесь Кропоткин уже не стоит на позициях дуализма, как в случае с государственной властью. Когда он говорит, что через всю историю человечества проходит два начала: государственное и народное, находящиеся в состоянии нескончаемой борьбы, он оказывается дуалистом, признавая лишь черное и белое. Но, говоря здесь об альтруизме и эгоизме, он уже не противопоставляет эти два понятия, признавая взаимопроникновение одного в другое. И здесь Кропоткин опять выходит за рамки естественнонаучного метода. «Развитие общественных привычек и ослабление навыков узколичных»: это уже не исторический закон, а всего лишь цель. Здесь происходит то же, что и с теорией возникновения государства. Каждая цивилизация, согласно Кропоткину, развивается циклически. И упадок той или иной цивилизации происходит сразу после появления сильной государственной власти. Всё это рассматривается как непреложные законы, такие же как и законы природы. В то же время человек, по мнению Кропоткина, может и должен выйти за рамки этих законов, создав новое безгосударственное общество. С этикой, идущей от общественного инстинкта, в конечном счёте происходит то же самое. Для Кропоткина это не закон, а лишь указание к действию. Таким образом, пытаясь создать этику, не связанную с религией, Кропоткин сам уходит в область веры, пусть не в Бога, но в человека, способного обойти законы природы. В этом и заключался кризис как кропоткинской философии, так и его исторических воззрений.

Проблема соотношения личности и общества в истории в начале XX в. для анархистов стояла достаточно остро. Разумеется, не малый вклад в разработку этой проблемы внесли анархо-индивидуалисты, для которых понятие «личность» являлось краеугольным камнем учения. Большое внимание этой проблеме уделял один из ярчайших теоретиков анархо-индивидуализма А. А. Боровой. Но взгляды его на соотношение личностного и общественного были диаметрально противоположны взглядам Кропоткина. «Как не было и не могло быть общности, сложившейся вне людей, — писал он, — так не было и не может быть ни одного общественного момента, который своим существованием и своим развитием не был бы обязан личной инициативе и личному творчеству» [12]. Но, при всем выше изложенном, не стоит воспринимать Борового как противника Кропоткина. Все разногласия среди анархистов носили в большей степени дискуссионный характер. Помимо ряда разногласий, теории анархистов имели и множество точек соприкосновения. Достаточно много этих точек и во взглядах на историю, на положительное или отрицательное восприятие того или иного исторического периода. Так, например А. А. Боровой, в своих работах крайне негативно отзываясь о античном периоде, столь же яростно раскритикованном до него М. А. Бакуниным и П. А. Кропоткиным. Но если последние осуждали древних греков и римлян за усиление

неравенства в их обществе и созданное ими государство, закреплявшее это неравенство с помощью множества законов, то для первого этот период был страшен, в первую очередь, как система подавлявшая личность и не придававшая ей никакого значения. «Основной принцип, на котором строилось публичное право античной республики, — писал он, — заключался в признании неограниченного верховенства власти и её органов над интересами личности» [13]. Все же, несмотря на некоторую общность восприятия того или иного исторического периода со своими предшественниками Боровой в своей книге делает несколько принципиально новых для анархизма выводов. «Утверждение личности подлинной, неповторимой вечно движущейся реальностью, — писал он, — приводит логически к двум выводам: а) к признанию неизбежности принципиального антагонизма между личностью и обществом б) невозможности «конечного» общественного идеала» [14]. Сама по себе идея двух противоположных начал, ведущих постоянную борьбу для анархизма, не нова. К подобным выводам приходили и М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. Но Боровой впервые рассматривает борьбу этих двух начал в развитии. «Конструирование «конечных» идеалов — антиномично духу анархизма, — писал он, — Анархизм — мирозерцание динамическое. Анархизм верит в непрерывность мирового развития, в неостанавливающийся рост человеческой природы и её возможностей» [14]. Рассматривая борьбу общественного и индивидуального начал в истории в постоянном развитии, Боровой ближе других теоретиков анархизма приближается к диалектическому методу. Подобный подход позволяет ему по-новому взглянуть на многие законы развития общества, сформулированные его предшественниками. В частности, говоря о проблеме возникновения государственной власти, он, подобно Бакунину и Кропоткину, не рассматривает государство как институт, насильственно навязанный человеку путём заговора. «Общественная власть, — писал он, — так же стара, как само общество. Самые ранние первобытные и тотемические общества знали уже те формы организации, построенные на началах авторитета и подчинения, господства и зависимости, и, следовательно, были властными обществами» [15]. Главный недостаток теории Борового, на наш взгляд, заключается в том, что, с одной стороны, признавая положительную роль государственной власти на определённом историческом этапе, а с другой — говоря о том, что не один общественный идеал не может быть абсолютным, он уже близок к тому, чтобы отойти от самого анархизма. Признавая эти два момента, Боровой фактически отказывается от двух основных постулатов анархизма, созданных его предшественниками: от веры в изначальную порочность государственной власти и от принятия возможности построения анархистского, утопического, а следовательно, идеального общества. Но при всем этом он продолжал позиционировать себя как анархиста.

Не малое внимание роли личности в истории и обществе уделял ещё один теоретик анархо-индивидуализма Лев Чёрный. Для своего анархизма он создал отдельное название «Ассоциационный анархизм». Но то место, которое он отдавал роли отдельной личности в своём учении, позволяет относить его к индивидуалистскому направлению. Говоря об изучении истории общества, он предлагает свой подход: изучать, в первую очередь, те или иные отношения, складывающиеся между людьми [16]. Для изучения

этих отношений он предлагал создать новую науку «Социометрию», которая не стала бы подменять собой социологию, но дополнила бы её, позволив посмотреть на историю общества и законы его развития под новым углом. Вот что он писал о ней: «Подобные исследования в настоящее время, к несчастью, игнорируемое, даст возможность создать другую науку об обществе, новую науку, не менее важную, которой предстоит великое будущее. Изучение всевозможных отношений, в каких только люди могут вступить, будет предметом этой науки. Целью же её будет отыскание типичных отношений между людьми. Эту вторую науку можно назвать социометрией, ибо она будет заниматься измерением социальных отношений между людьми» [17]. Но если Чёрный говорит о науке, то он, безусловно должен представить и её методологический аппарат, предмет и объект исследования, цели и задачи. Если с последними всё более или менее понятно, то методы, с помощью которых автор предлагает изучать отношения между людьми, представляются несколько расплывчатыми.

В отношениях одного человека с другим Л. Чёрный выделяет три основных типа, проходивших через всю мировую историю: «Я — ничто», «Я — всё» и «Я равно ты» «Как далеко вы ни взглянули бы в глубь веков, — писал он, — на какие миллионы лет вы ни перенеслись бы сознанием в будущее, для вас мыслимо лишь тройное отношение одного человека к другому» [18]. В дальнейшем автор описывает основные черты трёх выше указанных типов. Тип «Я — ничто» он характеризует следующим образом: «В моральном отношении человек, исповедующий описанный тип, признаёт неравенство других, неравенство «ты» перед «я», т. е. перед собою. «Я» при таком типе обыкновенно приносит в жертву «ты» все свои силы, все свои стремления, все свои склонности, все свои желания». [19] Следующий тип «Я — всё»: «Отношения между людьми в этом типе в различных сферах противоположны первому: там индивид был раб, а здесь индивид в своих сношениях с другими, в жизни господствует, гнетя морально, политически и экономически тех индивидов, с которыми соприкасается» [20]. С точки зрения значимости для общества и его истории эти два типа подменяют друг друга. Но в этом и заключается сущность индивидуализма чёрного. Роль отдельной личности, её внутреннего мира, обозначаемая им как «я», для Чёрного гораздо важнее, чем «ты», в которое он вкладывает всё, что ограничивает личность по отношению к обществу. Из этого видно, что в некоторой степени выводы, к которым приходит Чёрный, расходятся с той задачей, которую он изначально себе поставил. Здесь речь идёт уже не об изучении отношений между людьми, а о доказательстве права любой личности на независимость. На этом фоне несколько неубедительно выглядит третий тип отношений, рассматриваемый Чёрным. Тип «Я равно ты» он представляет следующим образом: Тип «я» равно «ты» получится тогда, когда индивид практически в своих отношениях с другими будет осуществлять принцип «не вреди», не отклоняясь от него ни в ту, ни в другую сторону» [21]. В конечном счёте Чёрный в своей философии возвращается назад, более чем на полвека, к идеям М. Штирнера. Говоря о типе общественных отношений, который сложится после реализации принципа «Не вреди» в политике он выдвигает идею вольных ассоциаций. «Что же «не вреди» хочет поставить на место господства, подданства и их формы государства? Политическая ассоциация. Это единственная форма, в которую может облечься принцип «не вреди» в политической сфере. В ассоциации я не

раб и не господин, а простой товарищ!» [22]. Если не обращать внимания на термины, то политические ассоциации Чёрного ничем не отличаются от союза эгоистов Штирнера. Таким образом, если индивидуализм Борового — это, пусть и не совсем удачная, попытка вывести анархизм из кризиса, посмотреть на него под новым углом зрения, иными словами — развитие, то философия чёрного — это безусловный отход назад.

Говоря об исторических концепциях теоретиков российского анархизма начала XX в. можно выделить несколько несомненных тенденций.

1. Более вдумчивое рассмотрение конфликта между личностью и обществом. Представители всех направлений в анархизме, как П. А. Кропоткин, так и А. А. Боровой и Л. Чёрный значительно более контрастно наметили этот конфликт, разведя эти два понятия по разным полюсам, сделав их антиподами.

2. Как следствие из первого, значительно большее внимание роли личности в истории. Причем это можно отнести не только к анархо-индивидуалистам, но и к П. А. Кропоткину. Исходя из обратного стремления доказать главенство общественного над личностным, он в своих последних работах приходит к более глубокому осознанию значения внутреннего, личностного фактора для мировой истории. В его мировосприятии помимо чёрных и белых появляются так же и серые тона.

3. Перенос основного исторического конфликта из плоскости «государство — общество» в плоскость «общество — личность».

Эти тенденции были порождены как кризисом учения, охватившим его в начале прошлого столетия, так и поиском выхода из него, проводившимся основными его теоретиками.

Примечания

¹ Гроссман-Рощин И. С. К критике основ учения П. А. Кропоткина. Интернет <http://www.magister.msk.ru/library/philos/grosi001.htm>

² подробнее об этой работе см. Новосёлов Г.В. Исторические воззрения М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, А. А. Борового // Общественная самоорганизация в мировой истории. — Омск, 2006. — С. 88.

³ Кропоткин П. А. Взаимопомощь среди животных и людей. — Минск, 2006. — С. 122.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ Гроссман-Рощин И. С. Указ. Соч.

⁸ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793. — М., 1979. — С. 8.

⁹ Кропоткин П. А. Этика. — М., 1991. — С. 67.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 237.

¹² Боровой А. А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. — СПб—М., 1920. — С. 32.

¹³ Там же С. 37.

¹⁴ Там же. С. 37—38.

¹⁵ Боровой А. А. Власть. Интернет <http://novsvet.narod.ru/borov02.htm>

¹⁶ Чёрный. Л. Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. — М., 1907. — С. 9.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 17—18.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же. С. 46.

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 55.

Библиографический список

1. Гроссман-Рощин И. С. К критике основ учения П. А. Кропоткина. Интернет <http://www.magister.msk.ru/library/philos/grosi001.htm>
2. Общественная самоорганизация в мировой истории ; ред. Штырбул А. А. — Омск, 2006.
3. Кропоткин П. А. Взаимопомощь среди животных и людей. — Минск, 2006.
4. Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793. — М., 1979.
5. Кропоткин П. А. Этика. — М., 1991.
6. Боровой А. А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. — СПб—М., 1920.
7. Боровой А. А. Власть. Интернет <http://novsvet.narod.ru/borov02.htm>
8. Чёрный. Л. Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. — М., 1907.

НОВОСЁЛОВ Глеб Валерьевич, аспирант кафедры истории, политологии и социологии.

Статья поступила в редакцию 19.09.08 г.

© Г. В. Новосёлов

Книжная полка

А. В. Колчак — ученый, адмирал, Верховный Правитель России: Исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А.В. Колчака. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. — 140 с. (обложка).

Основу книги составляют доклады, в которых А. В. Колчак представлен как исследователь Северного Ледовитого океана, командующий Черноморским флотом, Верховный Правитель России. Приведенные исторические материалы помогают составить более полное представление о А. В. Колчаке как белом вожде, политике, военачальнике, просто человеку.

Для историков, краеведов, преподавателей, студентов, школьников, а также всех интересующихся историей Омской области и Белого движения в Сибири.

По вопросам приобретения — (3812) 67-32-55

E mail: karпова@univer.omsu.ru

Омский танковый
инженерный институт
имени Маршала Советского Союза
П. К. Кошерева

УЧАСТИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ (1965–1985 гг.): ОПЫТ И УРОКИ

В статье рассматривается работа курсантов военно-учебных заведений по военно-патриотическому воспитанию гражданской молодежи, показаны особенности ее организации в советский период. На основе архивных данных, периодической печати раскрыты основные формы и методы участия курсантов в процессе воспитания защитников Родины. Сделана попытка проанализировать данный исторический опыт и вычлнить его уроки.

С развалом Советского Союза прекратила свое существование действовавшая в то время система идеологического, нравственного воспитания граждан. Образовавшийся вакуум стал быстро заполняться мощным потоком западных ценностей, среди них были и те, которые пропагандировали самые низменные чувства: вседозволенность, насилие, жестокость и многое другое. «Постарались» и наши политики, руша все, что было создано и накоплено в советские годы, искажая исторические факты, и самое главное — патриотические чувства народа. Ничто так не пострадало в конце XX века, как идейно-нравственное, военно-патриотическое воспитание молодежи.

Армия — это дитя общества, поэтому все беды, которые пережила Россия за последние 15 лет, не обошли ее стороной. В Вооруженных силах социальная обстановка остается напряженной. Впервые в истории России у военных отняли заслуженные им льготы. Такое отношение к человеку в погонах самым негативным образом отражается на морально-психологическом климате в воинских коллективах и в среде допризывной молодежи. Острой на сегодняшний день остается проблема престижа, статуса, общественного признания офицерской профессии.

Известно, что в последние годы контингент поступающих в военные учебные заведения значительно изменился. Растет число курсантов из малообеспеченных семей, стремящихся попасть в военный вуз, дабы помочь родителям, избавив их этим от лишнего рта. Снижается и число курсантов, которые хотят стать военными, продолжая семейную традицию отцов. Все это говорит о снижении мотивации к военно-профессиональной деятельности.

Причем снижение мотивации идет и от курса к курсу. Так, в Омском танковом инженерном институте было проведено исследование с целью определения ценностных ориентиров будущих офицеров. Было опрошено 25 % курсантов первого курса и 30 % курсантов четвертого курса. На вопрос: «Намерены ли вы продолжить службу после окончания обучения?» однозначно ответили «да» 80 % опрошенных с

первого курса и 58 % опрошенных с четвертого курса; 14 % и 10 % курсантов, соответственно первого и четвертого курсов, однозначно ответили «нет»; 6 % курсантов первого курса поставили свою дальнейшую службу в зависимости от улучшения материального положения в армии, а на четвертом курсе уже 32 %. Эти тревожные цифры соответствуют общероссийской тенденции. Так, по данным Министерства обороны ежегодно 7–8 тыс. курсантов покидают стены военно-учебных заведений и продолжают обучение в гражданских вузах, а около 10 тыс. выпускников-лейтенантов оставляют службу сразу после получения диплома [1].

Тревожит и состояние ценностных ориентиров курсантов первого и четвертого курсов. Если на первом курсе патриотизм и верность присяге вошли в тройку лидеров, а также с небольшим отрывом и служение российскому народу, то на четвертом курсе верность присяге уже заняло 4 место, патриотизм — 6 место, а служение российскому народу только 8 место. На четвертом курсе уже доминируют личные ценности и интересы над общественными ценностями и интересами [2].

Таково состояние ценностных ориентиров у курсантов военного вуза, который уже в силу своей направленности в области военно-патриотического воспитания учащихся делает больше, чем любой другой вуз города. Тревожит это еще и потому, что именно Вооруженным силам принадлежит огромная роль в патриотическом воспитании молодежи. К тому же, участие курсантов в военно-патриотическом воспитании гражданской молодежи является важным направлением патриотического воспитания самих будущих профессиональных защитников Родины. Поэтому сейчас, в масштабах всей страны, на передний план должна выдвинуться задача поиска новых и активизация имеющихся форм, методов патриотического и военно-патриотического воспитания.

В такой ситуации особую актуальность приобретает, как нам кажется, изучение опыта прошлых лет. В своей статье мы обращаемся к опыту участия военно-

учебных заведений Западной Сибири в военно-патриотическом воспитании молодежи в период с 1965 по 1985 годы.

Рассматриваемый нами период неоднозначен. Он связан с деятельностью Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко. Именно в эти годы проводились коренные преобразования в военной области, делались попытки реформирования системы подготовки молодежи к защите Родины. После 1985 г. работа по военно-патриотическому воспитанию претерпевает серьезный кризис. Прежде всего, потому, что КПСС, используя командно-административные методы, организовывала и контролировала всю эту работу, а с началом «горбачевской перестройки» компартия потеряла свои позиции. В результате старая система патриотического воспитания разрушилась, а новая натолкнулась на безответственность и необязательность руководства КПСС.

В исследуемый период главным направлением патриотического воспитания было военно-патриотическое. Великая Отечественная война, а затем нараставшее политико-идеологическое противостояние СССР западным странам способствовали тому, что патриотизм стал восприниматься как принцип противостояния некоему образу врага. Программа военно-патриотического образования в СССР была глубоко продумана на государственном уровне, и вопрос о ней периодически поднимался на съездах КПСС (XXIII, XXIV, XXV, XXVI) и ВЛКСМ (XV, XVI, XVII, XVIII, XIX). «... Военно-патриотическое воспитание, — говорил Л.И. Брежнев на торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию комсомола, — остается одной из важных задач формирования молодого поколения. Как и многие другие дела, унаследованные от прошлых десятилетий, эта задача имеет сегодня свою специфику. Военная техника в наши дни — это не обтянутые парусиной «фарманы» 20-х годов и даже не «ястребки» и «уточки» периода Отечественной войны. Сегодня защитники советской Родины должны владеть искусством управления межконтинентальными ракетами, вождения сверхзвуковых самолетов, атомных подводных лодок, быть знатоками многих других сложнейших видов оружия. Сегодня нужны уже не только просто смелые, тренированные, мускулистые ребята с метким глазом и твердой рукой, но и инженеры, математики, знакомые с тайнами электроники и кибернетики. Задачи, таким образом, и в этой области стали более сложными, ответственными, поднялись на новый уровень» [3]. В прессе и на телевидении много внимания уделялось освещению подвигов советских солдат и офицеров, рассказам о героической профессии защитника Отечества. Результатом такой деятельности было то, что Вооруженные силы не испытывали недостатка в призывниках. Редко кто в детстве не мечтал стать моряком, летчиком, танкистом. Не все становились профессиональными военными, но от службы в армии никто не увиливал.

Военно-патриотическое воспитание советского народа призвано было «решать разносторонние задачи морально-политической, психологической, военной и физической подготовки трудящихся, особенно молодежи, к выполнению своего священного долга по вооруженной защите Родины, формировать у советских людей преданность идеалам коммунизма, чувство советского патриотизма и социалистического интернационализма, воспитывать революционную бдительность и классовую ненависть к империалистам и их пособникам, активную жизненную позицию, любовь к Советским Вооруженным Силам, по-

вышать интерес молодежи к военному делу, к овладению военными специальностями, всесторонне готовить ее к службе в Вооруженных Силах СССР» [4].

Для командиров, политорганов и партийных организаций Советских Вооруженных Сил военно-патриотическое воспитание молодежи являлось одним из важнейших направлений деятельности. Содержание, конкретные формы и методы участия в военно-патриотической работе среди местной молодежи определялись приказами министра обороны и начальника главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота. Они обязывали военные советы, командиров, политические органы оказывать активную помощь местным партийным, советским, комсомольским органам и организациям ДОСААФ в дальнейшем совершенствовании героико-патриотического воспитания трудящихся, всей оборонно-массовой работы.

Военные советы, командиры, политические органы должны были разрабатывать и проводить в жизнь мероприятия по улучшению военно-патриотического воспитания, совершенствованию начальной военной подготовки, повышению качества подготовки юношей к службе в Вооруженных Силах. Эти вопросы регулярно обсуждались на заседаниях Военных советов, в работе которых принимали участие секретари ЦК компартии союзных республик, секретари краевых и областных комитетов партии, руководящие работники местных комсомольских и оборонных организаций, органов народного образования, военных комиссариатов. Такое заседание, например, прошло в феврале 1973 г. в Сибирском военном округе [5].

В училищах Краснознаменного Сибирского военного округа проводилась конкретная работа по обучению курсантов практике военно-патриотического воспитания. Например, курсанты Тюменского высшего военно-инженерного командного в 1970 г. училища шефствовали над 30 средними школами, 2 школами-интернатами, 4 профессионально-техническими училищами [6]. В 1977 г. курсанты Кемеровского высшего военно-командного училища связи шефствовали над 15 школами, 8 техникумами, 4 профессионально-техническими училищами, 9 радиоклубами. Курсанты Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища шефствовали над 34 средними школами, 3 техникумами, 5 детскими домами, свыше 400 курсантов работали пионервожатыми [7]. Военные училища помогали школам, предприятиям и учреждениям оборудовать военные кабинеты и учебные пункты, строить стрелковые тиры и спортивные площадки, оказывать методическую помощь военным руководителям, предоставляли для проведения занятий свои стрелковые тиры, оборудование на время, свободное от подготовки личного состава, а также организовывали занятия, определенные программой по изучению боевой техники и вооружения училища. Например, в 1984 г. Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище посетило около 6 тыс. пионеров и школьников, с ними организовано 120 экскурсий с показом техники и оружия [8].

Военно-учебные заведения принимали активное участие в организации военно-спортивных лагерей для допризывной молодежи, помогали проводить военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок». Так, например, курсанты Кемеровского высшего военно-командного училища связи в 1965 г. работали в пионерском лагере «Сын полка», где были собраны трудновоспитуемые дети всех школ города [9]. Большую помощь в организации работы военно-спортив-

ного лагеря оказывали омские высшие военные училища (общевоинское командное и танковое инженерное). В 1980 г. начальники этих училищ кроме размещения участников в лагере, выделения походных кухонь и кухонного инвентаря, назначали своими приказами начальников лагерных сборов из числа старших офицеров, помощников командиров взводов из числа курсантов третьего курса, обеспечивали боевым оружием и боеприпасами для отстрела учащимися начального упражнения из автомата, предоставляли учебные тактические поля и стрельбища, оказывали практическую помощь в показе учащимся во внеурочное время боевой техники, размещения, жизни и быта воинского подразделения [10]. Особой популярностью у учащейся молодежи пользовались военно-спортивные игры «Зарница», рассчитанная на младших школьников, и «Орленок» — для учащихся старших классов, в ходе которых ребята приобретали знания в области военного дела и закаляли себя физически. Комсомольские организации Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища в 1967 г. «приняли участие в организации и проведении Всесоюзной игры «Зарница-2», по результатам которой отряд «Мир» школы № 125, возглавляемый курсантом Хапиным В., занял первое место на областной игре по строю, песне и был удостоен туристической поездкой в г. Киев» [11]. На базе этого же училища был проведен областной финал игры «Орленок-76». Для работ по обеспечению соревнований и учений было выделено 60 курсантов 1-го курса [12].

Большую работу по привитию молодежи любви к военной службе и профессии офицера, воспитанию морально-волевой и физической закалки, по подготовке к поступлению в военное училище проводили юношеские военно-патриотические школы, создаваемые при военно-учебных заведениях. Так при Барнаульском высшем военном авиационном училище летчиков с 1968 г. стала существовать 2-годичная школа юных космонавтов. Учащиеся изучали: аэродинамику, политподготовку, самолетовождение, радиооборудование, конструкцию самолета и двигателя, Уставы Вооруженных Сил СССР; сдавали нормативы спортивно-технического комплекса «Готов к защите Родины» [13]. В Кемеровском высшем военно-командном училище активно работала военно-патриотическая школа «Юный связист» [14], в Омском высшем общевоинском командном училище — «Спутник» [15].

Широкое распространение в тот период получила еще одна форма участия курсантов в военно-патриотическом воспитании гражданской молодежи — лыжный агитпробег. Их цель — повышение лыжной подготовки курсантов, пропаганда военных знаний среди населения. Агитпробеги проходили всегда в торжественной обстановке и получали широкую огласку в СМИ. В Томском высшем военном командном училище связи первый агитпробег состоялся еще в феврале 1935 г. Тогда, преодолевая в среднем почти по сто километров в сутки, курсанты прошли 1070 километров снежного пути за 11 ходовых дней [16]. В 1967 г. офицеры и курсанты в честь 50-летия Советской власти, Дня Советской Армии и выборов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов решили повторить лыжный агитпробег Томск — Новосибирск, протяженностью 500 километров. Вот одна из заметок о том, как проходило это мероприятие, напечатанная на страницах газеты Сибирского военного округа «Советский воин»: «После дня отдыха, проведенного в Кемерово, отряд лыжников за

два дня прошел 14 километров и позавчера вечером достиг г. Болотное. 16 февраля выступили с докладом о Дне Советской Армии перед работниками совхоза «Прогресс», дали концерт художественной самодеятельности» [17]. В Тюменском высшем военно-инженерном командном училище ежегодно во время зимних каникул проходили агитпробеги, в состав которых подбирались лучшие комсомольцы, отличники учебы, участники художественной самодеятельности. Агитпробег, посвященный 59-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского флота проходил по территории Тугулымского и Исетского районов. «В нескольких населенных пунктах офицеры и курсанты выступали с беседами о славных боевых традициях Советских Вооруженных Сил и училища, об успехах советского народа в коммунистическом строительстве, дали концерты художественной самодеятельности, приняли участие в вечерах отдыха молодежи. Во встречах с ними приняли участие более 400 человек, в основном — юноши призывного возраста» [18]. Заслуживает внимание и лыжный агитпробег курсантов Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища в честь 60-летия Октябрьской социалистической революции и 60-летия Вооруженных Сил. Было создано агитбригада из числа курсантов и офицеров училища (30 чел.), и в период с 18 по 25 марта 1977 г. совершен переход: Новосибирск — Абакан (переезд поездом); Абакан — Минусинск — Знаменка — Ермаковское — Шушенское — Саяно-Шушенская ГЭС (лыжный переход). Общая протяженность — 180 км. В местах привалов и ночевки агитбригада проводила встречи с трудящимися городов и сел, воинами гарнизонов, выступала с лекциями и докладами, давала концерты художественной самодеятельности [19].

Действенными формами участия курсантов в военно-патриотическом воспитании молодежи являлись также выступления с лекциями и беседами перед студентами, учащимися школ, трудящимися области на патриотические темы; проведения в школах «Уроков мужества»; участие в подготовке и проведении военно-патриотических мероприятий, посвященных Дню Победы и Дню Советской Армии и Военно-Морского флота; участие в походах по местам боевой славы и в группах «Поиск», в устройстве парков и аллей имени Героев Советского Союза. В строительстве обелисков, возведении курганов боевой славы, оборудовании музеев; в организации и проведении тематических вечеров, читательских конференций, викторин, посвященных героизму советских людей в военные годы; активное участие в работе оборонных обществ.

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о наличии положительного опыта работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи в целом и участие в ней курсантов военно-учебных заведений в частности. Во-первых, эта работа имела очень высокую степень организации на всех уровнях. Руководство страны, понимая ее важность, проявляло постоянную заботу и ответственность в этом деле; умело сосредотачивало свои усилия на таких направлениях, как военная и физическая подготовка, создание материально-технической базы и др. Надо отметить, что при этом учитывалась и конкретно-историческая обстановка. Во-вторых, работа по военно-патриотическому воспитанию в данный период отличалась разнообразием форм, средств и методов, постоянно шел поиск новых, более совершенных форм этой деятельности (юнармейские олимпиады, развитие сетей оборонно-спортивных лагерей и т.д.). В резуль-

тате и для самих курсантов участие в этом процессе было делом ответственным и престижным. Работая пионервожатыми в школах, участвуя в проведении военно-спортивных игр, читая лекции и доклады перед населением они не только воспитывали других, но и воспитывались сами, приходили к пониманию важности подготовки молодежи к защите Родины и формировали навыки воспитательной работы, необходимые им в дальнейшем при работе с личным составом.

Однако, несмотря на все положительные моменты, был и целый ряд отрицательных, которые не позволили добиться высшей эффективности качества работы по военно-патриотическому воспитанию. К главным недостаткам относятся: классовый подход, политизированная направленность мероприятий, обязательность атеистического мировоззрения. Если конкретизировать, то можно назвать следующие. В-первых, господство идеологии, приводило к существованию трафаретов, шаблонов в работе по военно-патриотическому воспитанию. Во-вторых, формализм и парадность, увлечение количеством проводимых мероприятий без глубокого анализа их педагогической целесообразности и эффективности. Зачастую мероприятия дублировали друг друга и в них запутывались даже сами организаторы. Для курсантов это выливалось в серьезный отрыв от учебных занятий. В-третьих, не везде была налажена тесная связь командиров, политработников с местными партийными, комсомольскими, оборонными организациями, с коллективами учебных заведений, предприятий и учреждений, в результате чего работа по подготовке молодежи к защите Отечества велась разобщенно, без единого продуманного плана.

Эти и другие положительные и отрицательные моменты исторического опыта работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи и участия в ней курсантов военно-учебных заведений позволяют извлечь уроки для сегодняшнего дня. Среди них:

1. Патриотическое воспитание населения — это дело государства, и оно не должно зависеть от политической конъюнктуры или от воли отдельных руководителей, не важно, какого он ранга.

2. Государственно-патриотическая идеология, имеющая прочные научные и духовные основы, должна опираться на прогрессивные национальные, в том числе и военные традиции. Необходимо помнить о недопустимости отставания, медлительности и непродуманности в принятии решений по этой проблеме.

3. Использование средств массовой информации в деле военно-патриотического воспитания граждан необходимо осуществлять на основе принципов актуальности и достоверности поданного материала, высокой оперативности и непрерывности. Надо показывать источники угрозы национальной безопасности государства; разъяснять задачи, стоящие перед Вооруженными Силами и населением по укреплению обороноспособности страны, пропагандировать воинскую службу, обращаться к славным подвигам предков.

4. К работе по военно-патриотическому воспитанию должны привлекаться хорошо подготовленные

кадры. В этой связи особого внимания заслуживает организация и осуществление патриотического воспитания курсантов в процессе их обучения в военном вузе. Только люди сильной воли, подготовленные физически и профессионально, а самое главное — верящие в правоту своего дела, способны успешно решать поставленные перед ними задачи.

Таким образом, серьезная государственная поддержка, разумное использование огромного богатейшего опыта по военно-патриотическому воспитанию молодежи, накопленного в СССР, обеспечит высокую эффективность деятельности по воспитанию молодых патриотов страны, поднимет престиж профессии офицера на достойный уровень и вернет уважительное отношение к Российским Вооруженным Силам.

Библиографический список

1. Российский патриотизм и реалии сегодняшнего дня // Красная звезда. - 2007. - 31 марта.
2. Лидер Н.В. К вопросу о военно-патриотическом воспитании курсантов военного вуза / Н.В. Лидер, И.Б. Нагаев // Молодежь России: проблемы образования, воспитания, занятости: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участ. (12–13 апреля 2006 г.). — Омск, 2006. — С.202-206.
3. Якимов Г. Воспитание будущих защитников Родины / Г. Якимов // Военно-исторический журнал. — 1971. — № 5. — С. 103–108.
4. Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи / Л.А. Бублик, Е.Г. Андрищенко, В.Н. Ковалев и др. — М.: Воениздат, 1983. — 224 с.
5. Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в современных условиях / Л.А. Бублик. — М.: ВПА, 1973. — 67 с.
6. ФЦАМО. Ф.10191. Оп.013076. Д.3.
7. Птенцов П.Г. Патриотическое воспитание в высшей военной школе / П.Г. Птенцов. — Новосибирск: НВВПОУ, 1978. — 41 с.
8. Колодкин В. Воспитывать патриотов Родины / В. Колодкин // Советский воин. - 1985. - 19 января.
9. ФЦАМО. Ф.10206. Оп.012422. Д.5.
10. ЦДНПО. Ф.17. Оп.1а. Д.3539.
11. ФЦАМО. Ф.10204. Оп.10509. Д.3.
12. ФЦАМО. Ф.10204. Оп.10510. Д.17.
13. ФЦАМО. Ф.10209. Оп.10617ф. Д.11.
14. ФЦАМО. Ф.10206. Оп.12425. Д.2.
15. ФЦАМО. Ф.10211. Оп.026165. Д.1.
16. Меренков И. Тридцать два года назад / И. Меренков // Советский воин. — 1967. — 11 февраля.
17. Лыжный агитпробег Томск-Новосибирск. Поход продолжается // Советский воин. — 1967. — 19 февраля.
18. Советский воин. — 1977. — 20 февраля.
19. ФЦАМО. Ф.10204. Оп.10510. Д.19.

ЛИДЕР Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Статья поступила в редакцию 24.06.08 г.

© Н. В. Лидер

ПОЛНОЕ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ СССР И ИЗМЕНЕНИЕ ЕЕ СУЩНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

Статья посвящена не исследовавшемуся в отечественной историографии аспекту отечественного кооперативного движения. Она освещает процесс полного огосударствления промысловой кооперации СССР и изменение ее сущностных качеств в условиях административно-командной системы.

Формализация кооперативной собственности многогранный и многонаправленный процесс, протекавший на протяжении достаточно большого периода отечественной истории. В исследовании его сущности и основных его качественных характеристик и состоит содержание настоящего сочинения.

К концу 20-х — началу 30-х годов XX века промысловая кооперация СССР была включена в единый плановый механизм социалистического хозяйства, что повлекло за собой изменение её места и роли в обществе.

Логическую завершенность и функциональную четкость приобрела система централизованного администрирования кооперативного сектора мелкой промышленности. На смену демократическим, нзповским нормам внутрикооперативного устройства первичного звена — артелей, явился жесткий диктат. В «Положении о промысловой кооперации», принятом ЦИК и СНК СССР 11 мая 1927 г. содержалась статья, согласно которой регистрация кооперативов осуществлялась только после «получения органами регистрации от соответствующего промыслового кооперативного союза заключения по уставу», что заведомо ставило нарождающуюся артель в подчиненное положение по отношению к вышестоящему кооперативному ведомству. На основании устава кооперативные союзы выдвигали единые требования в установлении размера пая и вступительного взноса, порядка составления, ревизии и утверждения годовых отчетов, распределения прибыли, формирования фондов и т.д.

Кустари и ремесленники лишались права выбирать организационную форму объединения, диктуемую хозяйственной целесообразностью. Циркуляром от 11 сентября 1934 г. Всекопромсовета простейшие виды сбытоснабженческих и сырьевых товариществ сохранявших в наибольшей степени рыночные черты, объявлялись «на данной стадии развития промысловой кооперации» изжившими себя, и не обеспечивающими «осуществление контроля за работой членов». Существующие товарищества должны были реорганизовываться в производственные артели, а вновь образующиеся могли быть исключительно таковыми¹.

Принятию решения об исключении простейших форм товариществ из практики кооперативного строительства предшествовала масштабная кампания по выявлению в них классово-чуждых элементов. Все кустари, имевшие связь с рынком и сохранявшие достаточно зажиточное состояние, причислялись к

«врагам народа», а сбыто-снабженческие товарищества, членами которых они являлись, объявлялись «рассадниками капитализма». По данным финотдела Всекопромсовета, возглавившего проверку на местах, Харьковские товарищества сбыта объединяли классово-чуждые элементы. «Среди таких «кустарей-одиночек», — говорилось в отчете по итогам проверки, — оказались бывшие спекулянты, торговцы, купцы, помещики, дворяне и всякая другая белогвардейская сволочь...»².

Кустарная кооперация была полностью охвачена плано-централизованной системой социалистических отношений.

Первичные кооперативные объединения в законодательном порядке были обязаны состоять членами союзов (или объединений второго звена), которые в свою очередь входили в состав Всекопромсовета. Строгая централизация кооперативного аппарата обеспечивалась наделением руководящих органов промысловой кооперации всей полнотой необходимых рычагов воздействия на низовую сеть. Союзы осуществляли функции совершенно невозможные в условиях рынка: планирования, учета и контроля всей хозяйственной деятельности своих членов.

С образованием Комиссариата местной промышленности СССР (и аналогичных ему ведомств, созданных в союзных и автономных республиках, краях и областях) централизованная структура функционирования промысловой кооперации приобрела логическую завершенность. Постепенно оттачивались и методы управления, пришедшие на смену рыночным стимулам развития коллективных предприятий. Их основу, цементирующий стержень составлял план.

Как и в государственных отраслях крупной промышленности, так и кооперации, план хотя и мобилизовывал усилия хозяйственников и создавал административные предпосылки роста производства, однако стать подлинным экономическим прогнозом, не мог. Планирование осуществлялось сверху и абсолютно не учитывало возможности кустарных артелей. Зачастую (как это было во вторую пятилетку) планировался рост тех отраслей, которые ранее практически отсутствовали.

Производственный план промкооперации РСФСР за 1931 г. был выполнен на 90,1 %, а по национальным республикам на 78%. Еще хуже обстояли дела в 1932 г. Программа по РСФСР была исполнена на 85,9 %, а по крайним регионам на 73,2 %³.

По мере отлаживания административного механизма функционирования промкооперации, отчетливые черты приобретал и другой вне рыночный метод стимулирования производства — учет и отчетность. Положением о промысловой кооперации» (1928 г.) предусматривалось наличие в кустарных кооперативах годового отчета и баланса, направляемых в две инстанции — вышестоящий кооперативный союз и государственное финансовое учреждение по месту нахождения⁴. Попытка создать возможность оперативного, всеобъемлющего контроля за деятельностью низового звена, привела к складыванию сложной, объемной, постоянно расширяемой отчетности, справиться с которой специалисты артелей были не в состоянии. Механически суммируемые полученные с мест цифры, союзы промкооперации получали паразитические данные: например, валовое производство продукции за полугодие оказывалось меньше этого же показателя за первый квартал, количество занятых во всей кустарной кооперации было меньше показателя, занятых в общей мастерской (того показателя, который с точки зрения политической представлял особое значение) и т.д.⁵ Отчетность поступала в руководящие инстанции с большим запозданием, когда информация уже утрачивала оперативный характер, а зачастую вообще не поступала.

Важной составляющей централизованного порядка руководства советской промысловой кооперацией являлся ревизионный контроль. Согласно вступившего в силу в конце 20-х годов законодательства контролирующими функциями в системе промкооперации наделялись наряду с вышестоящими союзными организациями, местные исполнительные органы власти.

Помимо командного инструментария, отсутствие экономических стимулов развития кустарных коллективных предприятий, замещалось мерами морального порядка. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1931 г. в кустарных объединениях были созданы производственно-товарищеские суды, призванные бороться с нарушениями трудовой дисциплины, с дезорганизаторами производства. В отношении лиц, совершивших проступки, производственно-товарищеские суды могли вынести предупреждение, общественное порицание, с опубликованием в стенограмме или без такового, штраф не свыше 10 рублей в пользу общественных организаций, принуждение к возмещению причиненного вреда, ходатайство перед общим собранием об исключении провинившегося из кооператива. Кураторство над производственно-товарищескими судами возлагалось на Наркомюст РСФСР⁶.

В начале 30-х годов в артелях и товариществах наряду с предусмотренными уставами органами проявляются всякого рода общественные организации: производственные совещания, культсоветы, оргкооперативные комиссии, осуществляющие массовую работу и контроль за социальным составом кооператива, производственные совещания, призванные вовлечь артельщиков в управление производством и т.д. На подъеме трудового энтузиазма и инициативы кооператоров были направлены всякого рода всесоюзные кампании и массовые походы. Иницировать трудовой подъем кустарных масс было призвано социалистическое соревнование, породившее

тысячи ударников труда, достижения которых широко пропагандировались. В Калининском Метпромсоюзе в 1931 году ударничество охватило 70 % артелей, в Курском Кожпромсоюзе все члены кооперативов объявили себя ударниками, в Ленавторемсоюзе принявшие участие в соцсоревновании составили 82,7 % членской массы, в Павловском метартельсоюзе — 61,4 %⁷.

По мере ликвидации рыночных отношений и подчинения коллективных предприятий централизованной системе администрирования объединения промышленников приобретали характеристики социалистического промышленного сектора страны, превращающие их в примитивное подобие фабричной организации.

Форма общественного производства, не способная к сохранению своей институциональной сущности: умений и навыков мастеров, удовлетворения высокохудожественных и узкокорпоративных интересов населения теряла свою общественную целесообразность. Копируя организацию и внутренний строй госпромышленности, кооперация следовала по пути концентрации производства, доходящей в отдельных случаях до абсурда. Создавались кооперативы, охватывающие огромные территории, разноотраслевые предприятия, межрайонные структуры. Основное место в системе промкооперации заняли предприятия, подходящие под разряд средней государственной фабрики. Наряду с ними к концу первой пятилетки в строй вступили кооперативные гиганты с более чем трехтысячными коллективами рабочих.

По образу и подобию предприятий государственной индустрии в промысловых кооперативах внедрялся социалистический хозрасчет, что в условиях рынка было бы просто немислямым.

Перенос на почву кооперации черт крупномасштабного индустриального производства повлекло за собой трансформацию кооперативных предприятий из организации занимающей свое, исторически обусловленное место малой экономической формы в придаток госпромышленности, утилизирующий ее отходы и выполняющий подсобные технологические операции.

Во время традиционные гнезда художественных промыслов, составлявшие национальное культурное достояние, не способные адаптироваться к индустриальному конвейеру, приходили в упадок. Например, коллектив мастеров художественно-металлического производства Татарии получил плановую установку на изготовление стройматериалов, пошивочная художественная артель, выпускающая изделия из цветной кожи, была преобразована в обычную мастерскую с пошивочным конвейером⁸.

Внедрение планового механизма хозяйствования не давало ожидаемого экономического эффекта: падала рентабельность кооперативного производства, систему поразила скрытая безработица, росли неликвидные товарные остатки, повсеместно процветало пьянство, хищения, прогулы. Последним испытанным методом наведения порядка в промкооперации, предотвращении её полного развала стали репрессивные меры. Причем все недостатки и упущения объявлялись происками классовых врагов, их нарастание — обострением классовой борьбы. Меры карательного порядка не устранили системных изъянов: предотвратили полный распад кооперативного сектора, но не сделали труд артельщика эффективным, воспрепятствовали разворовыванию кооперативной собственности, но не генерировали заинтересованного отношения к ней, заслонили от полной анархии,

но не превратили администрирование в стимул саморазвития. Попытка начала 30-х годов сочетания централизма с «рынком ограниченным социалистическими отношениями» была неудачной.

Изменение природы кооперативной собственности кустарных артелей к концу 20-х. началу 30-х годов XX столетия позволяет говорить о глубинных изменениях, происшедших в кооперативном секторе страны в результате отхода от рыночного механизма хозяйствования. Кооперация, как форма товарной организации общественного производства, в условиях господства административно-командной системы претерпевала институциональную деформацию, отразившуюся, прежде всего, в основополагающих отношениях собственности.

Огосударствлением и формализация кооперативной собственности, составляющие существо многогранного и многонаправленного процесса, протекавшего на протяжении периода борьбы двух тенденций: рыночной и плановой, имели своим итогом ликвидацию существенных качеств кустарной кооперации и фактическое превращение артелей и товариществ в организационную разновидность государственного сектора экономики.

Изменение коллективной собственности происходило по многим направлениям, сводившим этот процесс в одно русло, трансформирующее качества. Одним из таких направлений являлось её частичное отчуждение вышестоящими кооперативными ведомствами. Поставленные в полную зависимость от руководящих центров нижестоящие кооперативные подразделения делегировали «наверх» значительные материальные ресурсы.

Большую долю средств артелей поглощал местный руководящий аппарат. В отдельных случаях затраты на заработную плату служащим превышали доходы артельщиков. Так, например, по результатам проверки, проведенной в начале 30-х годов, зарплата административного аппарата в кооперативах центрально-черноземной области составляла 140 % по отношению к зарплате артельщиков. Этот же показатель в низовой сети Татпромсовета по научно-художественному промыслу составил 102,4 %, химическому — 71,0 %, галантерейному — 62,0 %, силикатно-гончарном — 56,9 %⁹.

За счет кооперативной собственности формировались централизованные и специальные фонды, распоряжение которыми составляло исключительную прерогативу центра. Отчуждаемые в фонды денежные средства, аккумулирующие личные интересы кооперативов возвращались обезличенным имуществом, равными материальными благами.

Принцип «единства капиталов» в системе позволил руководящим кооперативным ведомством, ссылаясь на высшие интересы планового регулирования, свободно распоряжаться собственностью артелей и товариществ. Исходя из общегосударственной целесообразности, оборудование и материалы одного коллективного предприятия могли быть переданы другому, кооперативы могли быть объединены, специализированы, перемещены в новые нерентабельные отрасли. Кроме того, на протяжении всей советской истории промысловой кооперации имели место прямые изъятия местными организациями власти имущества артельщиков.

Деформацию коллективной собственности помимо прочих причин обуславливало подавляющее участие государства в её формировании. С конца 20-х годов XX столетия промысловой кооперации были переданы на безвозмездной основе государственные

фабрики и оборудование, значительные бюджетные ассигнования, предоставлены долгосрочные и краткосрочные кредиты. На 25 марта 1929 года кустарным артелям было предложено различной техники (паровых машин, паровых двигателей, двигателей внутреннего сгорания, электромоторов, насосов, станков и т.д.) на сумму 2,3 млн рублей¹⁰. Промысловой кооперации было передано 552 госпредприятия, из которых оценка только 528 составляла 23 млн 661 тыс. рублей. Из общего числа предприятий 339 на сумму 11 млн 207 тыс. рублей были переданы безвозмездно¹¹.

Замещение групповой собственности мелких промышленников имуществом и средствами, лишенными исторически обусловленного дуализма общественных и личных интересов вело, безусловно, к потери артелями своего первоначального содержания.

Обезличиванию собственности кооперативов способствовало создание в системе многочисленных хозрасчетных подразделений (коопхозов, коопторгов, промснабов и т. д.) даже внешне теряющих видовую принадлежность к кооперативам. Хозрасчетные кооперативные объединения действовали на основе положения или устава, утверждаемых вышестоящими кооперативными организациями. Для осуществления деятельности они наделялись учредителями необходимым имуществом и денежными средствами. Поскольку хозрасчетные предприятия являлись юридическими лицами. Они имели свои расчетные счета в банке, законченные балансы, самостоятельно распоряжались имуществом и несли ответственность по своим обязательствам. Управление предприятиями осуществлялось обычно по принципу единоначалия директором или управляющим, назначаемым соответствующей кооперативной организацией. В хозрасчетных подразделениях отсутствовало кооперативное членство, не создавались паевые и специальные фонды.

Так, с целью решения задачи обеспечения продовольствием членов артелей, в начале 30-х годов было решено повсеместно организовать подсобные сельские хозяйства — коопхозы.

Согласно постановления СНК СССР от 28 июня 1931 г. в промкооперации была создана собственная торговая отрасль, принципы функционирования которой ни чем не отличались от соответствующих государственных торговых учреждений. При низовых звеньях кустарной кооперации были созданы лавки, магазины, ларьки, при союзах торговые объединения — пайпромторги. К июню 1933 года торговая сеть системы состояла из 4170 торговых организаций, а на 1 октября того же года из 4479¹².

На некооперативной основе строили свою деятельность межотраслевые снабженческие объединения, получившие в дальнейшем название промтехснабов.

Центральное место в «раскооперировании» артелей и товариществ занимал процесс минимизации обобществляемой собственности кустарей. В значительной степени, его проявление явилось результатом классовой ориентации советского кооперативного строительства. Несмотря на абсолютный рост паевого капитала, его удельный вес в собственных средствах промысловой кооперации неуклонно уменьшается.

Кустарно-ремесленная кооперация СССР, включенная в единую административную систему, обрела ряд черт и функций, не свойственных хозяйственной организации. Поставленная в невыгодное экономическое положение подсобного цеха крупной государственной промышленности, она принимала на себя

значительную часть обязанностей по подготовке кадров для социалистической индустрии, по поддержанию материальных и социальных гарантий объединённых промышленников и членов их семей, что существенно снижало возможности успешного развития кооперативного сектора. Непосильным бременем на экономику и без того слабой кооперативной системы ложилось наделение её низовых и союзных звеньев функцией политического и идеологического воспитания кустарей, что явно выходило за пределы элементарного экономического расчёта. За 1932 год на культурно-массовую работу в промкооперации было израсходовано около 35 млн рублей (или 31 рубль на одного артельщика против 4 рублей 32 копеек в 1928 — 1929 г.г.), в 1933 г. — 40 млн рублей, в 1934 г. — 48 млн рублей¹³.

Несмотря на общие трудности промкооперации, количество культмассовых учреждений и предприятий в системе неуклонно росло. Явно в разрез с хозяйственной целесообразностью в кооперации осуществлялось по инициативе правящей партии чистки социального состава артельщиков, являвшихся скорее не средством избежать «вредительства», а поводом проведения массовых репрессивных методов для отлаживания централизованного механизма управления промысловой кооперацией.

В конце 20-х начале 30-х годов XX столетия огосударствление кустарно-ремесленной кооперации получило свою логическую завершенность, проявляющуюся во включении артелей в единый централизованный механизм хозяйствования, огосударствлении и формализации кооперативной собственности, трансформации коллективных объединений в подсобную отрасль крупной государственной индустрии, утрате общественной значимости коллективных форм промышленного производства.

Примечания

¹ О простейших видах сбытоснабженческих и сырьевых товариществ, изживших себя на данной стадии и не обеспечивающих осуществления контроля за работой членов. Циркуляр Всекопромсовета от 11 сентября 1934 // Сборник постановлений о промысловой кооперации. — 1936. — С. 7.

² Аriskин А. За их спиной вредительствовал враг // Промысловая кооперация. — 1934. — № 7. — С. 33 — 34.

³ РГАЭ, ф. 5339, оп. 18, ед.хр. 6, л. 71,66.

⁴ Положение о промысловой кооперации от 1928 // Сборник узаконений. — 1928. — № 86. — С. 567.

⁵ Коляшинский С.М. Вопросы учета и отчетности // Промысловая кооперация. — 1933. — № 2. — С. 28.

⁶ О создании в кустарных объединениях производственно-товарищеских судов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1931 // Сборник постановлений о промысловой кустарной кооперации. — 1939. — С. 138 — 141.

⁷ Неймарк И. Кооперирование в системе промкооперации. — М.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1933. — С. 41.

⁸ Виноградов Д., Родионов Н. Перестроить финансовую работу // Промысловая кооперация. — 1934. — № 2. — С. 46 — 47.

⁹ Родионов Н.Н. Финансовые итоги полугодовой работы // Промысловая кооперация. — 1933. — № 3. — С. 30.

¹⁰ ГАРФ, ф. 5339, оп. 4, ед. хр. 36, л. 176.

¹¹ ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, ед.хр. 1134, л. 15; ед. хр. 1170, л. 47.

¹² РГАЭ, ф. 5339, оп. 18, ед.хр. 6, л. 75.

¹³ Промысловая кооперация СССР. — 1934. — С. 68.

СИДОРОВА Юлия Анатольевна, аспирантка кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 04.03.08 г.

© Ю. А. Сидорова

УДК 94(571.17):314.72"1946/1959"

З. В. БОРОВИКОВА

Кемеровский
государственный университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ КУЗБАССЕ

Для послевоенного Кузбасса было характерно увеличение миграционной активности граждан и постепенное сокращение механического прироста населения городов. Различия в уровне жизни привели к оттоку сельских жителей в города, а горожан в западные районы страны. В конце 1950 гг. положительное сальдо миграции имели только городские поселения региона.

Кузбасс — регион, богатый полезными ископаемыми. Исторически сложилось так, что население этого сурового и удаленного от центра края формировалось за счет «пришлых людей» — мигрантов. Для развития угольного региона, как на протяжении всей его истории, так и сегодня, необходим постоянный рост трудоспособного населения. В послевоенный период (особенно в его первое десятилетие) этого удалось добиться благодаря целенаправленной миграционной политике в Кузбассе.

С первых советских пятилеток в угольном крае ускоренными темпами развивались отрасли тяжелой промышленности. Для работы на стройках и промышленных предприятиях постоянно не хватало рабочих рук, которые привлекались со всего края, и в первую очередь из сельских местностей самого региона, что повлекло за собой бурный рост городских поселений. С началом Великой Отечественной войны, с эвакуацией и размещением части промышленных предприятий на территории Кузбасса процесс урба-

низации лишь ускорился. Но это был деформированный процесс урбанизации, так как за ростом численности городского населения не успевало ни жилищное строительство, ни медицинское обслуживание, ни транспортное обеспечение. Коммунально-бытовая инфраструктура угольного региона находилась в зачаточном состоянии.

Для послевоенной страны была характерна повышенная миграционная активность населения. Заканчивалась, начавшаяся еще до окончания военных действий, эвакуация. Со второй половины 1945 г. по 1948 г. включительно проходила демобилизация из рядов Красной Армии. Миграционные потоки, порожденные войной, иссякли на рубеже 1948 — 1949 гг. На передний план вновь выступили индустриальные трудовые перемещения населения, хотя в Кузбассе они не прекращались и во время войны. После окончания военных действий в Кемеровской области началась реконструкция старых и строительство новых промышленных объектов, в результате чего понадобились новые рабочие руки. В сельских поселениях недостаток трудоспособного населения ощущался также очень остро. Частично проблема недостатка трудовых ресурсов в регионе была решена в ходе демобилизации.

За счет бывших военнослужащих численность сельского населения значительно увеличилась. Однако этого было недостаточно, чтобы перекрыть отток селян в города и городские поселения. Растущим и развивающимся городам требовалось огромное число рабочих рук. В подобной ситуации государство проводило целенаправленную политику для пополнения рядов рабочего класса: государственный организованный набор, распределение выпускников школ и училищ системы государственных трудовых ресурсов, перераспределение рабочих между предприятиями и отраслями [1]. Эти каналы определяли внутреннюю миграцию и прибытие населения из-за пределов области. Еще одно направление внутренней миграции — стремление сельской молодежи в городские учебные заведения, где она стремилась закрепиться. Сельское население являлось так же источником пополнения высших и средних учебных заведений, ремесленных училищ, школ ФЗО и других форм профтехобразования, и как правило, назад в деревню не возвращалось [2]. На бегство селян в города оказывали влияние причины экономического характера: слабая материальная заинтересованность, низкая оплата труда, существенные различия между городом и деревней в уровне жизни и условиях труда.

В результате этих процессов удельный вес горожан в Кемеровской области за 1946 — 1959 гг. выросло с 66,2 до 77,7 % соответственно, тогда как по стране на долю городского населения даже в 1959 г. приходилось только 48 % [3].

За исследуемый период (1946 — 1959 гг.) в городских поселениях Кемеровской области было зарегистрировано 2957,0 тыс. человек прибывших и 2259,0 тыс. человек выбывших, тогда как в сельских местностях за 1946 — 1957 гг., а также 2 — 4 кварталы 1959 и 1 — 3 кварталы 1960 гг. — 179,9 и 157,4 тыс. человек соответственно. Данные о миграции сельского населения Кемеровской области за 1958 и первый квартал 1959 г. в ГАКО отсутствуют. Для сопоставимости мы взяли показатели за ближайший к исследуемому периоду 1960 г. Основная масса переездов приходилась на города и поселки городского типа, что составляло 94 % от общего числа перемещений среди прибывшего и 93 % перемещений среди выбывшего населения области. Лишь незначительная часть миграций при-

ходила на сельские территории — 6 и 7 % переездов соответственно [4]. Столь высокая миграция в целом по региону и по городским поселениям в частности объяснялась высоким уровнем индустриализации области, пополнением рабочей силы за счет других областей, прибытием специалистов и наличием большого строительства. Однако нужно учесть, что многие города и рабочие поселки области являлись новостройками, в которых остро ощущалась неразвитость социально-бытовой инфраструктуры, что сказывалось на низкой приживаемости и большом количестве выбывших. Способствовала повышенной миграционной активности населения и попытка людей затеряться, выпасть из поля зрения правоохранительных органов, что было особенно актуальным для «лагерного региона». Эту точку зрения подтверждает и тот факт, что на протяжении всего периода при прописке и выписке населения наблюдалась неточная запись сведений о том куда выбывает или откуда прибывает население.

Анализ движения населения по территориям показывает, что основное движение мигрантов, приехавших в Кемеровскую область или покидавших ее, происходило на протяжении всего исследуемого периода по трем республикам Советского Союза: РСФСР, УССР и Казахской ССР. Около 80 — 85 % перемещений происходило в границах РСФСР, около 4 — 5 % — в границах Украины и около 3 — 5 % в границах Казахстана. Причем и на Украине, и в Казахстане значительная доля среди перемещений населения приходилась на угольные регионы — Донбасс и Карагандинский бассейн. На остальные республики приходилось очень незначительное количество населения, равное по прибывшим 5 — 10 %, а по выбывшим 7 — 10 % от всего объема миграций в Кузбассе [5].

В разрезе областей серьезное место в миграционном потоке занимал обмен населением с территориями, находящимися в непосредственной близости с Кузбассом. Эти же административные единицы занимали наибольший удельный вес в механическом приросте населения шахтерского региона: Алтайский край дал для механического прироста Кемеровской области в 1959 г. — 10,7 %, Новосибирская область — 9,8 %, Красноярский край и Омская область — по 4,1 %, Томская и Тюменская области — 3,4 и 2,3 % соответственно [6]. С близлежащими территориями в силу экономических, культурных, а иногда и родственных или личностных связей традиционно был налажен миграционный обмен населением.

Основное передвижение населения в Кемеровской области происходило по нескольким городам — Кемерово, Сталинску, Прокопьевску, Анжеро-Судженску, Ленинск-Кузнецкому, Осинникам и Киселевску. Так, в 1948 г. в эти семь городов прибыло 79,8 % всего прибывшего населения и выбыло 74,7 % от общего числа выбывшего, а в 1949 г. 75,6 и 68,7 % соответственно. Наибольшее число перемещений относилось к Сталинску, Прокопьевску и Кемерово [7], как к крупнейшим промышленным центрам области, которые в первую очередь нуждались в притоке рабочей силы.

Треть всех переездов приходилась на внутриобластные перемещения. Большое число выбывших горожан в границах области связано с текучестью молодых рабочих в угольной промышленности и строительстве. Во всех городах региона требовались рабочие этих специальностей. Низкие требования к уровню квалификации рабочих на угольных предприятиях и в строительных организациях позволяли молодым людям с легкостью найти работу, а отсутст-

вие жилья, неблагоустроенный быт и тяжелые условия работы способствовали текучести кадров в Кузбассе. Особенно остро стояла проблема с обеспечением жилой площадью и местами в детских учреждениях. Однако план на введение жилой площади не выполнялся. Так в 1952 г. он был выполнен только на 76 %. Недовыполнен был план и по строительству детских учреждений. В частности, по вводу детских яслей план 1952 г. удалось выполнить по количеству лишь на 41,2 %, а по вместимости на 28,8 %. Учитывая, что основная масса мигрантов — молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет (только на возрастную группу 20-29 лет приходилось свыше 50 % переселенцев) [8], которые создают семьи и обзаводятся детьми, их выезд из области становится более понятным.

В исследуемый период в Кузбассе отчетливо наметилась тенденция по увеличению миграционной активности населения в городах. В результате низкой приживаемости мигрантов из года в год росла численность как прибывшего, так и выбывшего населения. Если в 1946 г. в городах области совершили переезды 230,1 тыс. человек, то в 1950 г. — 304,8 тыс. человек, в 1955 г. — 417,2 тыс. человек, а в 1959 г. — уже 487,3 тыс. человек (примерно четвертая часть от всего городского населения). Если учесть тот факт, что подобные процессы набирали силу на протяжении всего послевоенного периода, значит, в регионе систематически не решались проблемы, которые мешали закреплению людей на новом месте и способствовали оттоку городского населения в другие местности. Колебания миграционной активности в сельской местности угольного региона в исследуемый период однозначно охарактеризовать было нельзя. Наблюдался рост числа переездов с 11,9 тыс. человек в 1946 г. до 35,7 тыс. в 1951 г. (максимальный уровень). С 1954 г. количество перемещений в сельских местностях области резко сократилось до 12,6 тыс. и продолжало постепенно уменьшаться до 12,2 тыс. миграций в 1957 г. За 1958 г. данные о миграциях сельского населения отсутствуют. В 1959 — 1960 гг. количество переездов, совершенных сельскими жителями, вновь стремительно выросло до 44,2 и 56,9 тыс. переездов соответственно [9]. Это произошло за счет резкого увеличения числа как прибывшего, так и выбывшего сельского населения (с преобладанием последнего), что объяснялось попытками властей изменить катастрофическую демографическую ситуацию на селе.

Рост численности населения угольного края за счет переездов по годам происходил неравномерно. В городской местности самые высокие показатели были отмечены в 1946 и 1948 гг. — 94,5 и 95,4 тыс. человек соответственно (когда проходила демобилизация и началось послевоенное восстановление и бурное строительство новых производственных объектов), а самые низкие в 1954 г. — 16,1 тыс. человек. В конце 1950-х гг. механический прирост начал постепенно увеличиваться, что было связано с развертыванием ряда промышленных строек, и достиг в 1959 г. отметки 52,5 тыс. переселенцев [10]. В 1950-е гг. все более отчетливо стала прослеживаться тенденция по снижению механического прироста в городах Кузбасса по сравнению со второй половиной 1940-х гг. Внутри области были созданы местные кадры и база для их дальнейшей подготовки, а значит, отпала необходимость во ввозе трудовых ресурсов извне в прежних масштабах. К тому же в 1950-е гг. наметилось отставание Кемеровской области от западных районов страны по уровню жизни, которые к этому времени были уже полностью восстановлены после войны. Одновременно с этими процессами происходило по-

степенное сокращение механического прироста населения по всей области, так как население было преимущественно городским.

Неравномерность механического прироста городского населения по годам — следствие организованных наборов рабочей силы в Башкирской, Татарской, Мордовской автономных республиках, Пензенской, Пермской, Тамбовской, Хабаровской областях, Краснодарском, Приморском краях и др. регионах. Наборы определялись нуждами конкретного нового строительства или расширяющегося производства. Следует отметить, что прибывшие в область в порядке организованного набора не оставались здесь из-за отмеченных ранее недостатков в развитии социально-бытовой инфраструктуры и возвращались назад по истечении срока договора.

На селе во второй половине 1940-х гг. показатели механического прироста, незначительно колеблясь, выросли с 3,9 тыс. человек в 1946 г. до 7,1 тыс. в 1949 г. В 1950 г. сальдо миграционного обмена было равно 1,7 тыс. человек. Последний раз увеличение механического прироста по сельским территориям в послевоенный период отмечалось в 1951 г., когда он достиг максимальной отметки в 7,6 тыс. человек. В последующие годы происходило снижение механического прироста на селе. 1956 г. — последний год, когда его показатели носили положительный характер и составляли 5 человек. В 1957 г. из сельских местностей Кузбасса уехало на 758 человек больше, чем приехало в село на постоянное место жительства. В конце 1950-х гг. отъезд сельских жителей из деревень региона принимает массовый характер. Только за три квартала 1959 года дефицит механического прироста составил 3,5 тыс. человек [11]. В конце 1950-х гг. для сельских местностей Кемеровской области ведущей становится тенденция не просто снижения механического прироста, а стремительный рост выбывшего населения над прибывшим.

В городах Кузбасса за 1946 — 1959 гг. сальдо миграционного обмена составило 698 тыс. человек. Прирост населения происходил в основном за счет прибывших из села. На их долю приходился 91 % всего механического прироста. Большое значение имела миграция населения из сельских мест Сибири и Кемеровской области. Так, кузбасское село дало 20 % и сельские местности соседних регионов: Алтайского края, Новосибирской, Томской и Омской областей, Красноярского края — 23% механического прироста городского населения [12]. Выходцы из села давали не только чистый механический прирост населения городов, но и замещали, выбывших в западные районы горожан. Механический прирост населения городов угольного региона происходил в подавляющей части именно за счет выходцев из сел Западной Сибири. Приживаемость вчерашних селян-сибиряков была значительно выше, чем у выходцев из сел западных районов, не говоря уже о выходцах из города. Прирост населения городов Кемеровской области за счет сельских жителей страны в целом, Западно-Сибирского региона и Кузбасса в частности из года в год уменьшался. Одна из причин подобного явления — вымирание деревни. К концу 1950-х гг. людские ресурсы сельских местностей были в основном исчерпаны. Да и города угольного региона стали к этому времени мало привлекательными для потенциальных мигрантов.

За 1946 — 1959 гг. механический прирост населения городов за счет переездов в границах Кузбасса составил 165,8 тыс. человек, или 24 % от всего механического прироста городских поселений, в том числе

за счет сельских местностей 140,9 тыс. переселенцев. На долю сельских жителей приходилось 85 % от всего механического прироста внутри региона [13]. То есть население, выбывавшее из сельских местностей Кузбасса, направлялось преимущественно в города и поселки городского типа в границах области. Сельские жители, выезжавшие за пределы области, направлялись чаще всего в сельские районы западных и южных областей. Уровень жизни сельского населения Кузбасса отставал не только по сравнению с городским, но и с уровнем жизни сельского населения других районов страны [14].

В крупные города страны (Москву, Ленинград, Новосибирск, Омск и др.) кузбассовцы в основном направлялись на учебу и возвращались по окончании учебного заведения. Существовал и обратный поток, когда молодые специалисты, попадавшие в угольный регион после окончания учебных заведений по распределению, отработав необходимый срок, возвращались на прежнее место жительства. Часть молодых специалистов так и не смогла привыкнуть к достаточно суровому климату в Кузбассе, к неразвитости или отсутствию жилищно-бытовой инфраструктуры, к неблагоприятной экологической обстановке в промышленных центрах, к недостатку учреждений культуры в населенных пунктах, и в целом к низкой культуре местного населения. В основном регион покидали те специалисты, которые за три года не успели обзавестись на новом месте семьей, и которых ничто не удерживало в области-новостройке.

Характеризуя половую и возрастную миграцию населения Кузбасса, мы отмечаем, что мужчины участвовали в миграциях больше, чем женщины, а молодые люди совершали переезды чаще, чем представители других возрастных групп.

Наибольшее число прибывших и выбывших приходилось на возрастную группу 16–29 лет за счет учащихся вузов, техникумов, прибывших на учебу и выбывших на работу по окончании учебного заведения, а также приехавших на стройки и предприятия области путем организованных наборов. В 1946 г. на них приходилось 48,2 % от всего механического прироста городов, в 1950 г. — 72,3 %, в 1955 г. — 74,2 %, в 1959 г. — 68,7 % соответственно [15]. Только в 1946 году доля молодежи составила чуть меньше половины в механическом приросте городских поселений. Так как, в результате реэвакуации и демобилизации, прибывшее и выбывшее население было более равномерно распределено по всем возрастным группам. Основная масса новоселов в исследуемый период находилась в молодых трудоспособных возрастах.

Мужчин в послевоенные годы приезжало в область больше, чем женщин. В целом за 1946–1959 гг. в городах угольного региона мужчины составляли 54 % в составе прибывшего населения, так как по линии организованных наборов для нужд промышленного производства и строительства в первую очередь направлялись мужчины, причем молодых трудоспособных возрастов. Женщин в регион приезжало меньше. К тому же прирост женской части населения происходил более равномерно по всем возрастным группам на протяжении всего периода. Доля мужчин в механическом приросте городского населения за исследуемый период составила 61 % [16]. Существенную роль играло то обстоятельство, что именно на молодых мужчин, представляющих наиболее мобильную часть населения, предъявлялся наибольший спрос со стороны промышленных предприятий [17]. Целенаправленная миграционная политика в Кузбассе привела к формированию более благопри-

ятных структурных факторов в составе населения, что положительно сказалось на процессах естественного воспроизводства.

Для механического движения населения Кемеровской области в 1946–1950-е гг. было характерно с одной стороны — увеличение миграционной активности населения, а с другой — затухание темпов механического прироста населения. Сальдо миграции Кузбасса постепенно уменьшалось, несмотря на то, что сюда систематически направлялись в общественно организованном порядке значительные контингенты трудящихся из разных регионов страны. В конце 1950 гг. положительное сальдо миграции имели только города и городские поселения области, тогда как в сельских местностях сальдо миграции имело отрицательное значение.

Рост горожан в результате механического движения происходил в основном за счет выходцев из села главным образом Кузбасса и Западной Сибири. В границах Кемеровской области были велики размеры перераспределения городского населения из-за неблагоприятной ситуации в жилищно-коммунальной сфере. Преобладание в сельской местности Кемеровской области выбывшего населения над прибывшим, свидетельствовало об отставании уровня жизни сельского населения, не только по сравнению с городским населением региона, но и с сельским населением других районов страны. Особенно заметным это было в таких областях, как жилищное строительство, обеспеченность детскими учреждениями, уровень школьного и медицинского обслуживания, коммунально-бытовая инфраструктура, состояние торговли, постановка культурной работы на селе.

Итак, на направления и размеры миграций в исследуемый период оказывал влияние сложный комплекс взаимосвязанных причин, среди которых главное место отводилось причинам экономического характера. Территориальные различия в уровне жизни городского и сельского населения угольного региона, а также межрайонные различия привели к оттоку сельского населения в города Кузбасса, а горожан, в западные районы страны.

Однобокое развитие экономики, ускоренные темпы индустриализации, выделение средств на социальное развитие и развитие сельскохозяйственного комплекса по остаточному принципу привели в Кузбассе к отставанию всей социальной сферы, что в условиях достаточно сурового климата не способствовало закреплению населения.

В представленной статье впервые рассмотрены особенности формирования и развития населения Кузбасса в контексте развития миграционных процессов в 1946–1950-е гг. Отмечена роль миграции сельского населения в городские поселения шахтерского края. Полученные результаты могут быть использованы при разработке общего курса по истории Кузбасса, спецкурса «История населения Кузбасса», а также при подготовке комплексного исследования по истории населения региона в 1946–1950-е гг.

Библиографический список

1. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1943-1960. Т. 4. — М., 1957. — С. 111.
2. Советская деревня в первые послевоенные годы. — М., 1978. — С. 109.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. — М., 1962. — С. 20-21; ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Д. 1. Л. 72.
4. Рассчитано по материалам: ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 52. Л. 94-95, 97-98; Д. 87. Л. 39-42; Д. 88. Л. 34-35, 38-39; Д. 89. Л. 14-17, 46-49;

Д. 90. Л. 23-24, 26-27, 71-74; Д. 91. Л. 15-18; Д. 92. Л. 14-15, 19-21; Д. 93. Л. 6, 9, 16, 13-15; Д. 114. Л. 123-126; Д. 115. Л. 205-208; Д. 116. Д. 213-216. Д. 117. Л. 181-184.

5. Там же.

6. ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Д. 93. Л. 13-14.

7. ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Л. 209-210.

8. ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Д. 304. Л. 72-73.

9. Рассчитано по материалам, что и сноски 4.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Миграции населения и трудовые проблемы Сибири. — Новосибирск, 1966. — С. 55.

15. Рассчитано по материалам: ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Д. 52. Л. 96; Д. 90. Л. 70; Д. 93. Л. 15; Д. 117. Л. 180.

16. Рассчитано по материалам: ГАКО. Ф. Р-304. О. 1. Д. 52. Л. 96; Д. 87. Л. 42; Д. 88. Л. 40; Д. 89. Л. 13, 50; Д. 90. Л. 25, 70; Д. 91. Л. 19; Д. 92. Л. 16; Д. 93. Л. 15; Д. 114. Л. 122; Д. 115. Л. 204; Д. 116. Л. 217; Д. 117. Л. 180.

17. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии — М., 1976. — С. 123.

БОРОВИКОВА Злата Владимировна, учитель гимназии № 62, аспирантка кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 11.06.08 г.

© З. В. Боровикова

УДК 940.55:351.824.1(470.41)

И. А. ГАТАУЛЛИНА

Казанский государственный
архитектурно-строительный университет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ В ГОДЫ НЭПА: ОПЫТ И УРОКИ

Проблема обосновывается с точки зрения признаков и пределов вмешательства государства в рыночный процесс. Исторический опыт актуализируется с позиции современного состояния отечественной промышленности. Исследуется противоречивый характер действий государства в ходе восстановления производства. Произвол власти в распоряжении ресурсами, доходами предприятий рассматривается как следствие централизованного планирования. Признается необходимость регулирования хозяйственной жизни в начальный период НЭПа, доказывается чрезмерность вмешательства государства в промышленную сферу, вызвавшая деструктивные процессы в ней во 2-й пол. 1920-х годов.

Вопрос о роли государства в хозяйственной жизни и, прежде всего, в промышленной сфере — одна из коренных российских проблем. Естественно-историческая капитализация экономики уже во второй половине XIX в. обозначила его место и функции в этом процессе, на что обращали внимание видные политики. Так, Н. Х. Бунге признавал целесообразность активного воздействия государства на ход экономического развития. Ставку на ведущую его роль на стадии модернизации сделал С. Ю. Витте. Система воззрений и комплекс практических действий этого деятеля были направлены на усиление протекционистской политики в отношении отечественного производителя.

Заметим, что модернизация конца XIX начала XX вв. протекала негладко: то ускоряясь, поддаваясь её обновленческим импульсам, то замедляясь в результате чрезмерного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, препятствующего естественному развитию рыночных отношений. Важно другое. В этот период была предпринята попытка организации сбалансированного действия государства по отношению к рынку, подготавливающего постепенные качественные изменения в экономике.

К этой практике власть вынуждена была обратиться после краха всесторонне организованной системы планирования эпохи «военного коммунизма». Оказавшись на краю социально-экономической пропасти, она прибегла к использованию апробированных до революции разнообразных форм хозяйствования. В результате была решена одна из главных задач нэпа — восстановление разрушенного хозяйства. Но возрождение системы государственно-монополистического капитализма в сфере промышленного производства не стало условием для последующего поступательного развития экономики, которая подчинилась не собственно внутренним, а политическим законам, создав прецедент её функционирования с «отключёнными рыночными клапанами». Ясно, что такое положение экономики было обусловлено преобладающим действием идеологической составляющей общественно-политической системы. Однако разгул рыночной стихии в 1990-е годы, как следствие самоустранения государства от решения хозяйственных проблем, не только привел к развалу отечественной промышленности, но создал прецедент дезориентации как экономики, так и социума — фактор весьма опасный в условиях российской дей-

ствительности. Значит, вопрос взаимоотношений власти и рынка не может быть однозначно оценён с позиции изъятия последнего из экономической системы также, как и с точки зрения его абсолютного признания. Решение проблемы нужно искать в разумном сочетании регулирующей (государственной) и рыночной составляющих хозяйственного процесса, взаимодополняющих и корректирующих друг друга в ходе модернизационных преобразований. В этом смысле опыт нэпа как в его позитивном, так и негативном значении содержит полезный материал для анализа современной ситуации в России, где уже давно назрела проблема создания собственной индустриальной базы, необходимой для превращения сырьевой страны в высокоразвитую технологическую державу.

Основой всей экономической политики 1920-х годов стала концепция единого хозяйственного плана. Легализация рыночных отношений, находившаяся в зависимости от этого обстоятельства, была подкреплена рядом последовательных законодательных актов советского правительства. Так, в рамках «поэтапного углубления нэпа» СНК приостановил национализацию мелкой и средней промышленности, переложив на неё программу производства предметов широкого потребления, а уже декретом от 7 июня 1921 г. разрешил создание частных предприятий с числом рабочих не более 20 человек. Национализация промышленности, проведенная до 17 мая, была подтверждена Декретом ВЦИК от 27 октября 1921 г. Постановление IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. признало невозможность восстановления крупной промышленности без связи с внутренним рынком. Предприятия и их объединениям предоставлялось право реализовать на рынке 50 % нормы продаж, вести торговые операции как между собой, так и с кооперативным и вольным рынком; иметь товарные склады, магазины, конторы [1, с. 24]. Декрет ВЦИК и СНК «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета», от 17 июля 1923 г. конкретизировал их рыночную функцию — предоставил самостоятельность в торговых операциях, разрешил извлекать прибыли [1, с. 35]. Подтвердив возможность сочетания плановости и рынка, XII съезд партии сформулировал тезис об активной и господствующей роли государства в хозяйственной жизни страны [2]. Приспособление промышленности к рынку повлекло изменение форм реализации госсобственности. Постановление СНК от 5 июня 1921 г. регламентировало порядок сдачи предприятий в аренду. Наказ СНК «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. предусматривал изменения в управлении крупной промышленностью на основе хозрасчета, а постановление 12 августа 1921 г. положило начало процессу снятия предприятий с госбюджета, образования трестов и синдикатов. Согласно представлению А. И. Рыкова, нэп должен был стать необходимой предпосылкой плана, построенного не на директивных заданиях, а на мерах косвенного регулирования конъюнктуры рынка [3]. В 1923 г. на том же партийном форуме он заявил, что управлять страной из Москвы на основе бюрократического централизма невозможно [4]. Поэтому с учётом развития рынка было изменено положение о Госплане: подчеркивалась его главенствующая роль, но не переходящая в администрирование, заменяющее рынок [5, л. 15]. Однако избежать вторжения государства в хозяйственную жизнь не удалось. Цель данного исследования — попытка выяснить, почему так произошло.

Развитие основных производств в средневожском регионе в годы нэпа осуществлялось на дореволюционной промышленной базе. Это была достаточно разветвленная фабрично-заводская сеть заведений обрабатывающей и пищевой промышленности. Своеобразие Симбирской губернии определяло шерсто-отделочное, Саратовской — кожевенное, Казанской — кожевенно-текстильное и химическое, а Самарской — собственно пищевое производства, ставшие результатом эволюции хозяйственной деятельности, главным образом, крестьянского населения. Это были мелкие и средние заведения, но имелись достаточно крупные предприятия, формировавшие промышленную основу отдельных территорий. Так, в Казанской губернии особо значимым было мыловаренное производство братьев Крестовниковых (с 3,5 млн руб. основного и 8,5 млн руб. оборотного капитала), на котором работало 2200 рабочих; оснащенное передовой техникой кожевенное производство Алафузовых (с предвоенным капиталом 30 предприятий в 14 млн. руб.) с 10125 раб.; акционерная компания Ушковых (с 3,5 млн руб. основного и 24 млн руб. оборотного капитала) [6]. В Симбирской губернии преобладало суконное производство, обработка шерсти фабрик Акчурина, Протопопова, Кузнецова, на которых трудилось от 800 до 1354 рабочих [7], а в Самарской губернии выделялся завод братьев Маминых по механическому ремонту сельскохозяйственной техники, на базе которых впоследствии возникло объединение Балаковских металлических заводов [8].

Именно эти немногочисленные фабрики и заводы представляли для власти ценность в смысле их реформирования, так как в начальный период нэпа ввиду снятия предприятий с государственного снабжения, при истощенных запасах сырья и топлива, а также скудных финансовых возможностях, важно было сосредоточить все имеющиеся ресурсы на максимально меньшем их количестве, но наиболее крупных, оборудованных и гарантированно рентабельных в тех условиях. Исходя из этого промышленные заведения ранжировались по подчиненности всесоюзному и местному (республиканскому и губернскому) Советам народного хозяйства (далее: СНХ), а группировались в трестированные и акционерные предприятия, находящиеся в непосредственном управлении государством; предприятия мелкие и средние, подлежащие сдаче в аренду; предприятия, подлежащие консервации и закрытию.

Реорганизация средневожской промышленности, завершившаяся в основном к 1923 г., показала, что трест является наиболее предпочтительной формой организации предприятий, позволяющей подчинить утратившие производственную, коммерческую и юридическую самостоятельность заведения единому управлению, что отвечало требованию момента. Несмотря на стремительные темпы промышленной перестройки, когда всего за полтора года была сформирована новая структура средневожских предприятий, последние не смогли начать производственную деятельность: проблема финансового обеспечения была насущной.

Так, на организацию «Фосфатотука» государство отпустило вместо запланированных 2493000 всего 200000 золот. руб. Особая Комиссия СТО при Госплане СССР вынуждена была признать, что «развить промышленность на такие средства было, вряд ли возможно» [5, л. 18], и фосфоритные рудники не функционировали. Сложную ситуацию переживали Бондюжский и Кокшанский предприятия. Если в 1921/22 гг. заводы ещё работали, выпуская чуть

больше половины довоенного объема химической продукции, то в 1922/23 гг. — были остановлены, хотя на них числилось 2279 чел. рабочих [5, л. 18]. Лесопромышленный трест «Симбирсклес» с уставным капиталом в 2 млн. 992 тыс. 461 руб. испытывал аналогичные трудности. В 1922/23 гг. было заготовлено всего 53 % дров, 50 % пиломатериалов, а круглого леса — 31 % от задания. ЦК в своем постановлении от 26 марта 1924 г. указал на необходимость усиления торгового аппарата и развития коммерческой деятельности [9].

Если организация трестов обеспечивалась центральным финансированием, то предприятия местного уровня начинали свою работу без денег. Так, в 1921 г. для восстановления трех разрушенных стеклозаводов Татсилкаттреста ТатСНХ, по выражению директора т. Алимova, «ни разу не выделил ни одной копейки субсидий» [10]. При полном отсутствии оборотных средств трест был не в силах не только удовлетворить растущий спрос на стеклопосуду, но и приступить к налаживанию производства.

Как вели себя в этих условиях предприятия и в чем проявлялись регулирующие функции государства хорошо иллюстрирует типичная история Симбирского суконного треста (далее: ССТ).

Руководство объединения четко представляло свои задачи: организация безубыточного производства, своевременное восполнение запасов топлива, сырья, производственных материалов на средства, вырученные от продажи произведенной продукции. Уже в 1922 г. было запланировано к выпуску 146193 аршин серошинельного моренго, портяночной ткани, предполагалось произвести 33326 аршин гражданского сукна, а также 22 пуда одеял, лоскута весомого [11, л. 2(об.)]. Однако выполнить данный план предстояло на крайне запущенной технической базе 17 предприятий, оборудованных мощной немецкой техникой ещё до войны, но к 1922 г. пришедших в упадок. Ожидание того, что Главк предпримет оперативные действия для исправления создавшегося положения, привело к полной остановке производства.

Неспособность Главкома разрешить проблему топливного кризиса на фабриках треста также была одной из причин их бездействия. Только переход на самоснабжение топливом, «чего так упорно добивался Симбирский суконный куст в течение нескольких лет», дал отличные результаты. Трест не только смог восстановить объем расходуемого топлива, не затрагивая его резервную часть, но и сумел значительно увеличить этот запас. «Топливный вопрос наглядно показал, сколько вреда приносят промышленности разные Гублескомы, Губтопы, Губторфы, которые совершенно не заинтересованы в её работе» [11, л. 2(об.)], — отмечалось в докладе о работе ССТ.

Подобные претензии руководство треста высказывало в адрес Наркомпрода. Требовались усилия, настойчивые ходатайства в Центр, чтобы добиться включения фабрик на постоянное снабжение рабочих хлебом от Комитета продовольствия в счёт будущих поставок сукна. В условиях голода это был единственный путь решения проблемы. Но ситуация усугублялась тем, что военное ведомство не выполняло обязательств по оплате труда, выпуск же и реализация продукции гражданского образца были запрещены.

После снятия запрета трест начал вести самостоятельные продфуражные заготовки. Однако первая попытка приобрести хлеб товарообменным способом в Семипалатинске в количестве 42000 пудов через Симбирский Гублеском не удалась: посредник растя-

нул сделку на полгода. Расценив такие действия как вредительские, трест стал работать непосредственно с поставщиками. Но военное ведомство моментально забронировало все сукно гражданского назначения, «заморозив» операции по снабжению фабрик продуктами питания. Тогда правление треста решило засадить в 1923 г. 527 десятин озимого, 125 десятин ярового посевов и 30 десятин огородов, чтобы обеспечить себя необходимым количеством хлеба и фуража.

Для разрешения сырьевой проблемы трест совместно с родственными объединениями организовал товарищество на паях «Шерсть» (в количестве 2800 шт. по 250 руб. золотом) и приступил к заготовке необходимого материала. Уже весной 1922 г. предприятие сумело доставить из Оренбурга 20000 пудов шерсти, возобновить производственный процесс.

Реализовав часть продукции, правлению удалось приобрести 129 кругов кард-лент и обновить ряд технических устройств. К 1 апреля 1922 г. на предприятиях треста функционировали 84 аппарата, на которых за I полугод. 1922 г. было выработано 1716000 аршин сукна [11, л. 25]. Так трест доказал, что производство может функционировать в условиях «полной и абсолютной самостоятельности». Это позволило Председателю правления в своем отчете 9 мая 1922 г., заявить: «Чем меньше у треста будет нянек в лице Главтопа и Наркомпрода, тем скорее он окрепнет и встанет на ноги» [11, л. 25]. Однако главной преградой на пути производственного процесса было собственно Военное ведомство. Его задолженность тресту весной 1922 г. составляла 2578202490000 руб., а по зарплате за апрель — 84 млрд ден. знаков [11, л. 25]. 1 ноября 1922 г. во избежание простоя трест был вынужден использовать резервный запас сырья.

Анализируя причины нестабильной работы суконного объединения, руководство не ограничивалось критикой главного потребителя продукции. По его мнению, ответчиком за невыполнение производственных заданий должен был выступать текстильный синдикат, который, владея сырьем и разрешительным правом на продажу продукции треста, не был заинтересован в развитии отрасли. От неоперативности его действий в решении проблем предприятия и систематического нарушения договорных обязательств как перед Военным ведомством, так и перед трестом, «страдали» фабрики, как основное, но низовое звено жестко централизованной структуры текстильной промышленности.

Аналогичная ситуация создалась в Кожтресте Татарской Республики. Когда на заседании СНК 25 октября 1922 г. рассматривался вопрос о его взаимоотношениях с синдикатом, директор объединения Приставко сообщил, что невыполнение обязательств последним создало катастрофическое положение на предприятии. Несвоевременное снабжение материалами поставило под удар производственную программу треста, работники которого не получали продовольствие, сырье, зарплату. Планы синдиката по выполнению военных заказов были явно завышены, калькуляция — убыточна, а задолженность тресту на 25 октября 1922 г. составляла 676 млрд руб. Из 2400 пуд. подошвы, присланной синдикатом, 800 пуд. оказались бракованными [12, л. 24]. Не желая мириться с этим, председатель ТСНХ Забицкий на том заседании жестко сформулировал вопрос: «Не лучше ли отказаться от заказов синдиката, изменить производственную программу и приспособиться к частному рынку?» [12, л. 25]. Когда СТО ТССР 1 марта 1923 г. утвердил решение Президиума ТСНХ о свободном выходе треста из состава Кожсиндиката,

предприятие получило право беспрепятственного выхода на рынки за пределами Татарской Республики и самостоятельной торговой деятельности [12, л. 19].

Но рыночный формат трестовской промышленности показал, что жесткие функции контрольно-распорядительных органов были только одной из проблем, сдерживающих эффективность её работы. Изношенное и морально устаревшее оборудование предприятий не позволяло интенсифицировать производство. Содержание персонала служебного и торгового аппарата требовало значительных средств. Неравномерность показателей оплаты труда в управлении и рабочем составе вызывало в последнем неоднозначное к этому отношение, приводящее в отдельных случаях к протестным акциям. Так, рабочие патронного завода Симбирской губернии возмущаясь «широким образом жизни» администрации, никогда не информировавшей об изменении тарифных ставок», организовали забастовку, которая длилась с 19 марта по 1 апреля 1923 г. [13, Ч. 1. С. 434; Ч. 2. С. 656].

Местные руководители были обеспокоены этим. Комиссия РабКРИНа Татарской Республики на своих заседаниях определяла мероприятия, направленные на предупреждение деструктивных процессов на производстве. Это регулярные ревизии уставного капитала трестов с целью изъятия всех убыточных предприятий; планирование замены устаревшего оборудования и зданий; контроль за коммерческой деятельностью трестов, злоупотребляющих высокими монопольными ценами, сокращающими сбыт, замедляющими оборот; борьба за определение по каждому тресту точной суммы спецфондов, из которых надбавки к установленным окладам рабочих и служащих не должны были превышать 20 % всей суммы их зарплаты [14]. Однако предпринимаемые меры не достигали цели: трестовская промышленность функционировала нестабильно, так как постоянно нуждалась в средствах. Почему же их не хватало, несмотря на коммерческую деятельность предприятий, льготное кредитование, центральное финансирование отдельных программ? Причина этого виделась в нерациональном распределении доходов трестов. Речь идет о прибылях, которые не направлялись на возобновление основного капитала, а отчислялись в Советы народного хозяйства «в таком количестве, что превращало властный орган в «государство в государстве», с которого те получали ещё больше общегосударственных средств» [15], — говорил на заседании бюджетной комиссии 15 февраля 1923 г. Нарком финансов ТАССР Гордеев. Однако, жестко критикуя эту практику, местные руководители реально изменить ничего не могли. После отчисления в СНХ с оставшейся частью доходов директора трестов распоряжались не в интересах производства, а с целью банальной наживы. Только абсолютной безнаказанностью и отсутствием законодательных норм использования доходов предприятий можно объяснить поведение не только администрации, но и партийных руководителей, которые «пьянствуют на глазах рабочих, ездят на рысаках, вызывая острую неприязнь и недоверие к верхам» [13, Ч. 2. С. 935]. Как те, так и другие, по мнению рабочих, «став высокопоставленными, живут с шиком, по-губернаторски, когда другие умирают с голода» [16]. Такую характеристику образа жизни управленцев дали рабочие типографии № 10 Саратовской губернии 1 апреля 1926 г., что позволяет сделать вывод о нерешенности проблемы в течение всего периода нэпа. Хозяйственная деятельность трестов строилась на зыбкой основе серьезного противоречия: производственный процесс пред-

полагался на принципах самокупаемости и коммерческого расчета, а оценка труда осуществлялась по строго «классовому тарифу», в котором наряду с льготами для некоторых категорий рабочих и служащих определялась доля партийных руководителей разных уровней. Хронический недостаток оборотных средств, некредитоспособность и в целом слабая финансовая основа предприятий из-за непрозрачности системы распределения их доходов в пользу государственно-хозяйственных органов делали трестированные заведения наиболее уязвимыми по мере усиления рыночных начал в экономике. Анализ деятельности трестированных и нетрестированных предприятий показывает, что первые уступали вторым как по объемам производства, так и в реализации произведенной продукции. Так, в 1924/25 гг. в Татарской Республике чугунолитейные трестированные заводы «Красный двигатель» и «Красный металлист» вырабатывали продукцию на 186,8 и 165,9, а продавали всего на 87,6 и 103,7 тыс. черв. руб. соответственно [17]. Низкий процент реализации по сравнению с показателями валового оборота и объема продукции был характерен для всех наиболее крупных трестированных предприятий и составлял по заводам: Кокшанскому — 78 %, Бондюжскому — 72,2 %, «Красный путь» — 72 %, «Пролетарий» — 52,2 % [17].

Нетрестированные предприятия, напротив, работали с прибылью, реализуют товар полностью или с перевыполнением заданий. Завод «Лесопильщик» при выработке продукции в 43,0 тыс.руб., продавал её на сумму 68,5 тыс.руб.; валовая продукция завода «Крестьянин» составила 59,9 тыс. черв. руб., а её реализация — 61,7 тыс. черв. руб. Это были малочисленные по количеству рабочих (от 30 до 70 чел.) предприятия, функционировавшие от одного до пяти месяцев в году. Но эффективность их работы является более значимым моментом, чем мерные характеристики производства.

Твердую позицию по объемам валового оборота и валовой продукции занимали арендованные предприятия. Так, показатели кожевенных производств в Татарской Республике превышали трестовские почти в два раза, составив в 1924/25 гг. 5063/40525 и 2176/1408,7 тыс. черв. руб. соответственно [17]. Но самым прибыльным в этой группе предприятий было мукомольное производство. Сумма вышеуказанных показателей 19 арендованных мельниц республики в 1924/25 гг. составила 8049,9 и 8978,9 тыс. черв. руб. соответственно, что превышало показатели не только Татпищтреста на (83,8 %), но даже таких крупных промышленных заведений как Бондюжский завод с выработкой 7827,9/7030,5, мыловаренный — 7882,6/5524,6, текстильная фабрика с 4425,1/1979 тыс. черв. руб. соответственно [17].

Быстрая оборачиваемость средств и отсутствие больших вложений обеспечивали высокую доходность мельничного хозяйства, аренда которого составляла 69 % от всех производств этой группы. Однако главным мотивом взятия мельниц в аренду, был мотив «снятия жира» в виде неучтенного материала, позволявшего арендаторам, по мнению экономиста Л. Рафаловича, «долго задаром жить, но частью которого приходилось кое с кем делиться» [18, С. 125].

Факты обваловых процессов в отечественной промышленности в 1990-е годы, когда при попустительстве властей директора предприятий не только бесконтрольно распоряжались прибылью, но и распродала производственное имущество, помогают разобраться в намере экономиста 1920-х годов. Арендаторам мельниц, вероятно, приходилось делиться с

государственными органами, контролировавшими огромные финансовые потоки мельничного производства и в зависимости от этого выдававшие патенты на ведение этой деятельности. Наиболее последовательные борцы с частным капиталом усматривали «совершенно очевидную опасность» последнего в мукомольном деле. Так, Ф. Э. Дзержинский выступал за необходимость ведения борьбы с ним [19]. Арендаторы, в свою очередь, распознавая в этом бесперспективность развития рынка в России вообще и в мельничном хозяйстве в частности, действовали по принципу: «Хоть день — да мой, а там трава не расти» [18, с. 126]. Они не ошиблись: во второй половине 1920-х годов Мельтрест монополизировал право на ведение этой деятельности. Мельницы были полностью огосударвлены.

Совершенно очевидно, что высокая доходность арендованных предприятий была следствием, прежде всего, органичности данной формы рынку, трудно поддающейся регулированию, тогда как низкая эффективность трестированных заведений была обусловлена искусственностью их рыночной привязки, усиливавшую государственное управление ими. Зависимость трестов от центрального финансирования и синдикатов делала их нежизнеспособными в условиях действия рыночного механизма. Наиболее уязвимым было положение трестов металлической промышленности. Так, к середине 1920-х годов, когда в связи с некоторым улучшением материального положения деревни возрос крестьянский спрос на плуги и сельскохозяйственные машины, а уже с марта 1924 г. финансовые органы стали предоставлять долгосрочные кредиты на их покупку, Металлтрест Татарской республики не мог справиться с этой задачей. Отсутствие оборотных средств сдерживало производственный процесс, задолженность банкам и частным лицам ставили под сомнение его кредитоспособность, ухудшали финансовое положение. В данной и подобной ситуациях тресты прибегали к крайней мере — увеличению стоимости продукции. В мае 1924 г. Татметаллтрест предлагал пуд трехдюймовых гвоздей за 12 руб., плуг однолемешный — по 27 руб., веялки — по 80 руб., а конные приводы — за 120 руб. [20]. При покупательной способности населения, скажем, в Самарской губернии в 4 руб. 81 коп. и потреблении промышленных товаров на душу 0,06 железа листового или 0,02 фунта гвоздей в год [21], такие приобретения были едва ли возможны для комитетов обществ взаимопомощи или кооперативных объединений, не говоря о большинстве отдельных бедняцких и середняцких хозяйствах. Цены «кусались», продукция пылилась на складах, а возросшая товарность крестьянского хозяйства не компенсировалась увеличением объема промышленного производства.

Трестам химического направления, напротив, удавалось интенсифицировать свою деятельность в условиях рынка. Так, производство мыла на Казанском заводе в 1925 г. составило 532 тыс. пуд., что дало увеличение выработки по сравнению с 1922 — 1923 гг. на 70 % [22]. На XII партийной конференции ТАССР в декабре 1926 г. отмечалось, что теперь не отдельные предприятия, а республика в целом работают на прибыль, которую дают главным образом завод им. М. М. Вахитова и крупные предприятия Пищестреста [22]. По перспективному плану развития ТР намечалось увеличить производство мыла в 1927 — 1928 гг. до 22300 тонн. Но вопреки здравой логике Химдиректорат ВСНХ снизил плановое задание до 18 тыс. тонн, а Масложирсиндикат, в свою очередь, утвердил выработку свечей в объеме 2400 тонн при

потребности и возможности произвести в 5 тыс. тонн. В итоге завод был загружен только на 20 %, а производство необходимого количества мыла и свечей оказалось «распыленным» между трестовскими объединениями Казани, Москвы и Ленинграда. Местные руководители расценили такое положение как «экономический нонсенс». Возникла конфликтная ситуация, которую пытались разрешить на высоком партийном уровне. Однако просьбы областкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) об оказании содействия в вопросе концентрации всего свечного и мыловаренного производства в Казани не нашли понимания в Центре [23]. К 1929 г. завод окончательно лишился самостоятельности. Став пайщиком Всесоюзного масложирового синдиката, предприятие не имело права выхода за пределы его плановых заданий по производству, снабжению сырьем и сбыту всех своих товаров.

Не меньшему диктату со стороны родственного синдиката подверглась кожевенная промышленность Татарской республики. Выступая на VII Всетатарском съезде Советов 15 марта 1927 г., председатель СНХ ТАССР Х. Габидуллин сказал, что республика утрачивает способность самостоятельность выступать на сырьевом рынке, поскольку Кожсиндикат является монопольным изготовителем [24].

Так государство, с одной стороны, стремилось распоряжаться прибылями трестов и соответственно было заинтересовано в развитии их коммерческой деятельности, а с другой, пыталось обуздать децентрализаторскую тенденцию в промышленности, с помощью синдикатов ограничивая действие рыночных начал в ней. Именно синдикаты лишали предприятия возможности свободного выбора покупателя и свободного согласования с ним, цены продаж — двух фундаментальных образующих рыночного механизма. Если огосударствление трестов не встречало препятствий, то контроль над арендованными и частными предприятиями давался синдикатам труднее всего. Так, в обзоре Саратовского губвнторга, посвященном анализу состояния внутренних рынков губернии за 1925/26 гг., отмечалось, что деятельность татарских кожзаготовителей и распространение кожпродукции арендованных заводов в Среднем Поволжье столь сильны, что они перекрывали доступ к рынкам государственно-кооперативного сектора, а синдикату приходилось буквально отвоёвывать кожевенный рынок у частного [25]. С этой целью 10 октября 1926 г. на совещании госорганов было решено: просить ТатКомвнторг принять решительные меры к сокращению кредитования частного заготовителя [26]. Однако положение регулирующих органов было сложное: они нуждались в усиленном привлечении наличных средств для сырьевой компании, которые могли быть получены только от сделок с частником, и в то же время делали все для того, чтобы устранить его как опасного конкурента. Так, Нижневолжская контора Всесоюзного кожевенного синдиката в письме Саратовскому Губвнторгу от 14 июля 1927 г. сообщала об известной ей практике Ртищевского отделения продажи сырья от собственного убого не столько госорганам и кооперации, сколько частнику. «Если это немедленно не прекратится, то Губвнторг не получит ни обуви, ни кожтоваров, а информация будет передана в Центр» [25], — угрожая, предписывал филиал Кожсиндиката. В записке уполномоченного Губфинотдела т. Семенова П.М. в Саратовский Губторг сообщалось о деятельности частных кожевников, имеющих свыше 3-х дубильных чанов, работающих без документов, скрывающих данные своего предприятия до 100 % продукции

сдающих на реализацию частному торговцу [26]. Ответработник требовал: «Подвергать обследованию все без исключения кожевенные предприятия, имеющие 2 и более чанов; тех же, кто использует кооперацию для своих торгашеских интересов, а также торгует с частниками — закрывать» [26]. Так государственные органы выдавливали предпринимателя из производственного процесса. Маскируясь под кооперативные артели, скрываясь от обременительных налогов, частник подвергал себя ещё большей опасности, грозившей законодательными санкциями против него.

Таким образом, обзор состояния промышленности в Средневолжском регионе в 1920-е годы вызывает неоднозначную оценку действий государства по её восстановлению и дальнейшему развитию. В начальный период нэпа государственное регулирование было необходимо как для организации структурной перестройки промышленности, так и для наиболее равномерного распределения средств. Эта работа имела важное значение с точки зрения выявления фактического состояния промышленности и определения её перспектив. Однако по мере углубления рынка выяснилось, что нэповская экономика не имеет возможность выбрать лучший вариант хозяйствования, так как право фактической собственности на редкие в тех условиях ресурсы принадлежало бюрократии в лице сначала главков, потом синдикатов, которые сдерживали интенсификацию производства, распоряжались прибылями предприятий. Вероятно, нужно говорить о системном пороке центрального планирования, сложившегося в 1920-е годы, когда общественная собственность фактически узаконила произвол власти, а регулирующие функции её сменились вторжением государства в рыночный процесс, повлекшим усиление деструктивных явлений в экономике.

Библиографический список

1. Советская товарная биржа в 20-е годы. Документы и материалы. — М.: Дело, 1992.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1967. — Т. 2.
3. Рыков А.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. — С. 16.
4. Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. — М., 1968. — С. 468, 675 — 691.

5. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). 7019. Оп. 1. Д. 1.
6. Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917 — 1921). — М.: Наука, 1976. — С. 13.
7. Государственный архив Ульяновской области. Ф.101. Оп.1. Д.63. Л.1,2.
8. РГАЭ.Ф.3429. Оп.2. Д.1088. Л. 31.
9. РГАЭ. Ф. 7019. Оп. 1. Д. 131. Л. 3, 61.
10. Национальный архив Республики Татарстан (далее: НАРТ). Ф. 787. Оп. 1. Д. 497. Л. 8.
11. РГАЭ. Ф. 3429. Оп.2. Д.958.
12. РГАЭ. Ф. 3429. О. 2. Д. 1279.
13. «Совершенно секретно...»: в 7 т. /Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1934гг.). — М.: Изд. Центр Института Российской истории РАН, 2002. — Т. 1.
14. НАРТ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 105. Л. 75.
15. НАРТ. Ф. 3452. Оп. 1. Д. 365. Л. 15.
16. «Совершенно секретно...»: в 7 т. /Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1934гг.). — М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2002. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 206.
17. Подсчет автора по данным: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 375. Л. 4,5.
18. Рафалович Л. Новая экономическая политика // Экономист. — 1922. — № 2.
19. Лютов Л. Реформирование промышленности России в годы НЭПа (1921 — 1929 гг.): дис. ... докт. ист. наук. — Саратов, 1997. — С. 77.
20. НАРТ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 242. Л. 56.
21. Государственный архив Самарской области (далее: ГАСам.О) Ф. 839. Оп. 2. Д. 39. Л. 5(об.), 6.
22. Апаичева И.А. Хозяйственное взаимодействие республик Среднего Поволжья в годы НЭПа. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. — С. 26.
23. Центральный государственный архив политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 1. Д. 3. Л. 227.
24. Индустриализация ТАССР 1926 — 1941: Сб. документов. Казань: Таткнигоиздат, 1968. — С. 72.
25. Государственный архив Саратовской области (далее: ГАСар.О) Ф. 441. Оп. 1. Д. 910. Л. 83.
26. ГАСар. О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.

ГАТАУЛЛИНА Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии.

Статья поступила в редакцию 11.06.08 г.
© И. А. Гатаулина

Книжная полка

Азиатская Россия во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы региональной истории: сборник научных статей, посвященный 60-летию профессора, доктора исторических наук А. П. Толочко / под ред. Ю. А. Сорокина. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. — 340 с. (переплет).

Сборник посвящен 60-летию видного сибирского историка, доктора исторических наук, профессора А. П. Толочко. Освещается вклад юбиляра в изучение партийно-политического движения, городского самоуправления, общественной и культурной жизни Азиатской России. Исследуются малоизученные проблемы управления, социально-экономического, общественного и культурного развития этого обширного региона во второй половине XIX — начале XX в.

Для научных сотрудников, преподавателей вузов и всех интересующихся историей Сибири и сопредельных территорий.

По вопросам приобретения — (3812) 67-32-55
E mail: karpova@univer.omsu.ru

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье рассматриваются основные исторические источники, опубликованные в нашей стране в дореволюционный и советский период. Дается оценка и сравнительная характеристика различных подходов исследователей к проблемам зарождения городского ремесла Древней Руси.

Показаны основные отличия двух периодов в отечественной историографии: дореволюционного, когда исследователи, в поисках корней отечественной урбанизации, довольно скептически оценивали уровень социально-экономического и политического потенциала восточнославянских племен, и советского, когда из-за жестких методологических установок, продиктованных господствующей теорией исторических формаций, исследователи, обладая колоссальным объемом накопленного к тому времени археологического материала, не могли сделать адекватных выводов об истории зарождения древнерусских городов и городского ремесла.

Городское ремесло сыграло основополагающую роль в становлении и развитии европейской цивилизации, определив тем самым свое общечеловеческое значение в иерархии ценностей, составляющих содержание мирового прогресса в целом.

Именно городское ремесло со временем явилось источником генезиса крупного промышленного производства и основной движущей силой европейской модернизации — буржуазии.

Участие ремесленников в европейском коммуналном движении X — XIII вв. внесло свою лепту в формирование городского самоуправления, в частности, основ и принципов демократии и гражданского общества в целом. Ничего подобного в отечественной исторической реальности не происходило. Это обстоятельство требует специального изучения, на что указывал российский исследователь городского ремесленного производства профессор Ф. Я. Полянский [1]. На общий низкий уровень разработки истории городского ремесла обращал внимание и академик Б. А. Рыбаков [2].

Интерес к разрешению проблемы «нереализованной исторической миссии» отечественного городского ремесла вызван еще и тем, что, по мнению многих исследователей, первоначальные, стартовые возможности древнерусского мелкопромышленного производства были не ниже возможностей европейского ремесла. Однако уже в период до монголо-татарского нашествия (на которое часто ссылаются как на причину дальнейшего отставания России от передовых держав мира) проявились условия и факторы, действие которых направило развитие городской мелкой промышленности Руси по пути, отличному от европейского.

Указанными задачами никто из историков специально не занимался, но на основе их трудов представляется возможным сделать ряд выводов и положений, способных, с одной стороны, воссоздать подлинную картину развития ремесленного производства на на-

чальном этапе истории России, с другой — существенно прояснить вопросы, связанные с его спецификой и неординарностью.

В настоящей статье автор преследует цель освещения вклада российских и советских ученых в изучение истории городского ремесла Древней Руси в контексте обозначенного выше ракурса.

В историографии данного вопроса можно выделить три этапа, отличающиеся, прежде всего, своими целевыми концептуальными установками: досоветский, советский и современный.

На первом этапе изучение ремесла направлено, в основном, на обоснование самобытности и ценности национального пути развития, в том числе и в модернизации традиционных форм производства.

На втором этапе основной задачей исследователей было — показать на конкретном примере соответствие развития городского ремесленного производства этапам поступательного движения мирового исторического процесса через необходимый набор формаций, к коммунизму, характеризующемуся тотальным обобществлением. Поэтому здесь ремесло рассматривалось как одно из явлений, идущих по восходящей прямой и являющихся переходной ступенью к крупной промышленности — мануфактуре и фабрике. Несмотря на методологические изъяны этого периода, он явился временем значительного расширения источниковой базы за счет ввода в научный оборот богатого археологического материала. К сожалению, противоречия, возникающие между «правильной» трактовкой нарративных источников и материалом, добытым в полевых условиях, часто относились или на счет несовершенства методики и теоретических обобщений, или просто замалчивались.

Последний, современный этап изучения истории городского ремесла (с конца 80-х годов прошлого века до настоящего времени), дает возможность в полной мере, освободившись от идеологического «пресса», использовать весь накопленный за предшествующий

период материал для переосмысления сущностных категорий и нового прочтения исторической фактуры.

В настоящей статье автор кратко рассматривает историографию, дающую представление о первых двух этапах.

Интерес к традиционным формам промышленного производства проявился у отечественных исследователей только к середине XIX века, и связано это было с осознанной необходимостью изменения промышленного законодательства, которое к тому времени уже не отвечало запросам социально-экономической ситуации в стране.

Одним из первых исследователей, коснувшихся вопросов древнерусского ремесленного производства, был В. Лешков, который отметил, что древнерусские ремесленники в основной своей массе не являлись оседлым населением. Это привело автора к мысли о тождественности русских объединений (артелей) ремесленников и европейских ремесленных цехов, что не соответствовало действительности, поскольку у этих объединений было различное социальное содержание. Европейские цеха возникли, в первую очередь, для защиты корпоративных интересов городских ремесленников, а наши артели преследовали абсолютно другие цели.

В монографии Я. О. Плошинского «Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии» [3], отмечается, что городское ремесленное производство серьезным образом оживилось только с принятием Русью христианства. До этого времени автор рассматривает города, как исключительно военные центры. Современник В. Лешкова и Я. О. Плошинского А. Корсак вообще рассматривал древнерусские города как «огороженные села», где ремесло еще не было выделено в особый городской класс [4].

Первым академическим изданием по ремесленному производству в Древней Руси можно назвать книгу Н. Аристов «Промышленность Древней Руси» [5]. Несмотря на отсутствие археологического материала, автор проводит обстоятельный обзор средневековой мелкой промышленности, не утративший своего значения и в настоящее время. В частности, он дает представление и перечисляет основные ремесленные специальности средневековья с их делением в соответствии с технологической специализацией. Отмечена Н. Аристовым и особенность городских ремесленников Древней Руси, на которую указывал В. Лешков, а именно — их артельная организация в связи с подвижным образом жизни, что говорит о несоответствии темпа роста городов и процессами формирования общественного разделения труда. Подчеркивает Н. Аристов и специфическую зависимость городского ремесла от государства, впоследствии усугубившуюся монголо-татарским нашествием. В результате этого с XIV века ремесленники работали и на татар, чтобы обеспечить необходимый «выход», и на бояр и духовенство.

Таким образом, Н. Аристов констатирует, что в Древней Руси прослеживается особый тип отношений между нарождающимся городским ремеслом и государством, однако, не рассматривает причин его обусловивших.

Существенное значение в историографии проблемы и последующего направления исследовательского поиска имеет характеристика Н. Аристовым городского ремесла Древней Руси с точки зрения его товарного содержания. С одной стороны, автор подчеркивает, что ремесленные изделия употреблялись не только для себя, но и шли на продажу, с другой — от-

мечает, что потребность в городском ремесле ограничивалась высшими кругами общества, а это, в свою очередь, существенным образом отличает социальную роль древнерусского городского ремесла от западноевропейского.

Большое и позитивное влияние на историографию вопроса оказали фундаментальные труды по истории России знаменитых отечественных историков XIX века С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Хотя они специально не занимались историей городского ремесла, в их исследованиях заложены принципиальные условия для объяснения процессов, происходящих в зарождавшихся русских городах и причины их отличия от городов европейских. Так, по мнению С. М. Соловьева, историческое развитие постоянно подчиняется природным условиям и, таким образом, не может не иметь своих отличительных особенностей [6]. Эти выводы в настоящее время реализовались в доказанную с помощью математических расчетов теорию академика Л. В. Милова, согласно которой доминирующим фактором, определявшим национальное своеобразие социально-экономического, политического и культурного развития, являлись именно природно-климатические условия [7].

Благодаря исследованиям В. О. Ключевского подтверждается вывод его предшественников, что ремесло в городах-факториях X века, расположенных на речных торговых путях, в первую очередь обслуживало потребности военно-дружинной знати, составлявшей костяк ранней государственности [8].

Таким образом, историография дореволюционного периода в целом довольно скептически оценивала уровень социально-экономического и политического потенциала восточнославянских племен. Исключением, пожалуй, была так называемая «школа Шафарика», ярким апологетом которой являлся М. П. Погодин [9].

В советской историографии теоретические проблемы истории средневекового ремесла активно начали обсуждаться в 20-х — 30-х годах прошлого века. В связи с жесткими методологическими установками основной упор делался на формационное видение исторического процесса. Поэтому истоки возникновения городов и городского ремесла большинством ученых рассматривались в развитии производительных сил земледелия и эволюции феодализма.

Попытку синтетически соединить преемственность взглядов В. О. Ключевского и новых постреволюционных методологических установок предпринял первый историк-марксист М. Н. Покровский, связывавший развитие протогородов сначала с объединениями родоплеменных семейных коллективов, занимающихся «торговлей и разбоем», а затем с появлением в них «чернорабочих и ремесленников» [10].

С. В. Юшков впервые выделил тип «племенного города», где сосредотачивалась племенная знать, ремесленники и торговцы. Он полагал, что единственным источником генезиса городского ремесла являлось общественное разделение труда в хозяйстве восточных славян [11].

В конце 30-х годов XX века появилась первая работа, посвященная проблемам ремесла. Ее автор — выдающийся отечественный археолог А. В. Арциховский — провел сравнительный анализ материала раскопок в Новгороде и писцовых книг XVI века. Проведенное исследование дало возможность автору отметить высокий уровень ремесленного производства в Новгороде и его значительную дифференциацию. В то же время, А. В. Арциховский предположил, что это не было характерно для других древнерусских городов [12].

Вполне согласовывались с исследованиями А. В. Арциховского, выявленные М. Н. Тихомировым основные черты объединений новгородских ремесленников как организаций, защищающих их внутрикорпоративные интересы и, следовательно, аналогичные западноевропейским цехам. Однако он, в отличие от Арциховского, не стал ограничиваться Новгородом, как особым городом, а экстраполировал этот вывод на все древнерусские города [13].

Основным трудом по истории древнерусского городского ремесла, не утратившим своего научного значения и в наши дни, остается книга Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» [14]. Несмотря на то, что Б. А. Рыбаков, по вполне объяснимым причинам, был апологетом советской методологии, содержание археологического материала обусловило выделение им двух центров ремесленного производства Древней Руси: городского и сельского, что, в принципе, противоречило марксистской аксиоме о центрах ремесла и торговли, выделившихся из сельской сферы. Поэтому автор, допустив такую типологию, фактически проанализировал археологический материал, относящийся в первом случае к городам-факториям (по В. О. Ключевскому), а во втором — к родоплеменным центрам, в том числе и восточных славян.

Исследователь отметил, что отдельные племенные центры специализировались на определенном ремесле, (в частности, металлургии), продукты производства которого поставлялись в соседние центры, где этого производства не было. Города-фактории, где происходило зарождение древнерусской государственности, в этом плане являлись самодостаточными организмами.

И по сей день не утратило своего научного значения определение Б. А. Рыбаковым этапов развития древнего ремесла, базирующееся на обширном археологическом материале. Эти этапы фиксируют не только основные различия в способах и приемах производства, но и темпы их развития или упадка в соответствии с социально-экономической и политической ситуацией в стране.

Археологические раскопки конца 1940-х годов значительно расширили знания историков о протогородах, существовавших в докиевской Руси, и, следовательно, об этапах развития ремесленного производства. Однако единодушия в среде специалистов так и не последовало.

Заметным событием отечественной историографии вопроса прошлого столетия стал выход работ А. М. Сахарова [15]. Заслуга исследователя состояла в том, что он показал социальную структуру городских ремесленников в новых социальных условиях северо-восточной Руси в XIV — XV вв. и выделил категории «вотчинных», «монастырских», «церковных», «свободных» ремесленников и источники их пополнения.

Тщательно изучавший ремесленное производство Киева М. К. Каргер на основе обобщения известного к концу 1950-х гг. археологического материала делает акцент на том, что ремесленное производство появляется не ранее XI века [16]. Это подтверждается находками по другим древнерусским городам: Переяславу, Чернигову, Белгороду, Смоленску и др.

Активно продолжались археологические исследования в 1960 — 1970-е годы. Много нового для понимания природы возникновения городов и городского ремесла дали археологические исследования древней Ладоги, Изборска, Городца под Лугой, Рюрикова городища и др.

Исследователи обратили внимание на то, что городское ремесленное производство здесь имело це-

лый ряд особенностей: его эволюция была непрерывной и преемственной, к IX веку уровень производства уже был очень высоким, изделия изготавливались на экспорт, выполнялись приезжими мастерами и ориентировались на все слои населения. Таким образом, очевидно, что раннее включение протогородов данного региона в систему международной торговли обусловило формирование их хозяйственного комплекса вокруг доминирующих торгово-промышленной и ремесленной отраслей, трансформацию городских поселений в подлинные центры ремесла и торговли и приоритетное положение в отечественном промышленном развитии на длительную перспективу.

В коллективной монографии В. А. Булкина, Г. С. Лебедева и И. В. Дубова, на основе обобщения новейших археологических открытий, содержатся теоретические положения, имеющие важное значение не только с точки зрения освещения общей картины генезиса древнерусских городов, но и изучения более узкой проблемы городского ремесла [17]. Авторы сделали вывод о том, что в VIII — IX вв. существовали, с одной стороны, протогорода, аккумулировавшие функции племенных центров, и по мере своей эволюции вбиравшие в себя торгово-ремесленную компоненту, с другой стороны, раннегородские образования, представлявшие собой открытые торгово-ремесленные поселения с полиэтничным населением и выраженной варяжской составляющей.

Д. А. Авдусин подверг резкой критике выводы авторов коллективной монографии. Он считал неприемлемым «рассуждение» о наличии двух направлений формирования городов Древней Руси и даже рассматривал это как «почти неприкрытый норманизм» [18]. П. П. Толочко, признавая наличие в IX — X вв. торгово-ремесленных поселений, называл этот путь общественного развития тупиковым и не имеющим значения для «эволюции городских форм» [19].

В 1980-х годах продолжились активные исследования родоплеменных центров восточных славян, значительно продвинулось изучение техники и технологии городского ремесла. Однако вопрос социально-экономической организации ремесла и его места в процессе общественного развития Древней Руси продолжал оставаться в стороне.

В работе А. В. Куза [20], автор, на основе анализа археологического материала 135 городов Древней Руси, делает вывод о том, что только к XII — XIII вв. ремесленная промышленность становится обязательным атрибутом городской действительности независимо от величины населенных пунктов. Это свидетельствовало об окончательной ликвидации препятствий свободного развития этой отрасли общественного хозяйства, связанных с пережитками родовых отношений.

Изучению быта городских ремесленников посвятил один из разделов своей книги М. Г. Рабинович, где отметил, что вплоть до XIII века почти каждый дом был одновременно и мастерской ремесленника [21]. Этот факт говорит об отсутствии в домонгольскую эпоху четко выраженной имущественной и социальной дифференциации городского ремесла.

Вполне логично, что советский историографический период, характеризующийся освоением большого круга археологических источников, завершили сочинения обобщающего плана. Большой раздел, написанный Б. А. Колчиным и посвященный древнерусскому ремеслу, содержится в коллективном труде «Древняя Русь. Город, замок, село» [22].

Вскозь отметил отличия «сельских» и «городских» ремесленников, Б. А. Колчин выделяет основные

этапы развития древнерусского ремесла. Однако автор не пытается выяснить истоки социальной дифференциации ремесленников, а только констатирует, что весь комплекс археологических и письменных источников позволяет говорить о существовании в Древней Руси в XII – XIV вв. вотчинного и свободного ремесла.

Попытка реализовать еще один методологический стереотип о всеобщности исторических закономерностей привела известного исследователя Ю. Л. Щапову к обобщениям, оторванным от конкретного исторического материала [23]. Так, состояние русского ремесла в канун монголо-татарского нашествия, она охарактеризовала как «устойчивое и надежное», а динамику движения знания — «отработанной и прочной». Это, по мнению автора, «позволило и помогло древнерусскому ремеслу выстоять, дав жизнь ремеслу русских княжеств, стать экономической основой освобождения Руси, сложения Русского государства, стать основой его могущества и процветания».

Таким образом, в советский историографический период, несмотря на препятствия, связанные с жестким методологическим форматом, изучение рассматриваемой проблемы значительно продвинулось вперед, а собранный фактический материал позволил представить довольно полную историческую картину развития городского ремесла Древней Руси. Поэтому задачей современных исследователей является освоение накопленного исторического знания, свободного от каких-либо определенных установок.

Библиографический список

1. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. — М., 1960. — С. 10–11.
2. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 203.
3. Плошинский Я.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. — СПб., 1852. — С. 29–30.
4. Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства. — М., 1861. — С. 102–104, 110;
5. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. — СПб., 1866.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 2006. — С. 9.

7. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — № 4–5. — 1992.
8. Ключевский В.О. Боярская Дума в Древней Руси. — М., 1994. — С. 23
9. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. — М., 1871. — Т. 1. — С. 145, 31.
10. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. — М., 1920. — Т. 1. — С. 13–14, 82, 83, 85.
11. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. — М.—Л., 1939. — С. 23, 46, 47, 131–137.
12. Арциховский А.В. Новгородские ремесла / Новгородский исторический сборник. — Новгород, 1939. — Вып. 6. — С. 3.
13. Тихомиров М.Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV вв.) // Вопросы истории, 1945. — № 1. — С. 29.
14. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 121.
15. Л.М. Сахаров. Ремесленное производство в городах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. // Вопросы истории. — 1955. — № 4; он же. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. — М., 1959.
16. М.К. Каргер. Древний Киев — Т.1. — М.—Л., 1958. — С. 372.
17. В.А. Булкин, Г.С.А. Лебедев, И.В. Дубов. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. — Л., 1978.
18. Д.А. Авдусин. Возникновение Смоленска. — Смоленск, 1957. — С. 43.
19. П.П. Толочко. О социальной структуре древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. — М., 1988.
20. А.В. Куза. Социально — историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. Вып. 6. — М., 1983.
21. М.Г. Рабинович. Очерки материальной культуры русского феодального города. — М., 1988. — С. 20.
22. Б. А. Колчин. Древняя Русь. Город, замок, село. — М., 1985.
23. Ю.Л.Щапова. Об особенностях древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 179.

ЧИСТОВА Светлана Михайловна, старший преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры Московского государственного университета леса.

Статья поступила в редакцию 28.03.08 г.

© С. М. Чистова

Книжная полка

Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Сорокин. — Вып. 2. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — 219 с. (обложка).

Рассматриваются малоизученные и спорные вопросы российской истории в конкретно-историческом, историографическом и источниковедческом аспектах.

Для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов.

По вопросам приобретения — (3812) 67-32-55

E mail: karpova@univer.omsk.ru

Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Сорокин. — Вып. 3. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. — 286 с. (обложка).

Рассматриваются малоизученные и спорные вопросы российской истории в конкретно-историческом, историографическом и источниковедческом аспектах.

Для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов.

По вопросам приобретения — (3812) 67-32-55

E mail: karpova@univer.omsk.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990—2004 гг. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА

Демографические процессы — один из важнейших элементов развития страны или региона, т. к. в их рамках происходит воспроизводство населения. Количественные и качественные характеристики демографического фонда напрямую влияют на динамику рынка труда и занятости, т. к. трудовые ресурсы являются частью населения исследуемой территории. Детальный анализ демографических процессов, протекающих в Омской области в период 1990—2004 гг., позволит определить масштабы предложения рабочей силы на региональном рынке труда в исследуемый период времени.

До 1990 г. демографическая ситуация в Омской области характеризовалась как благоприятная: сохранялась тенденция роста рождаемости, присутствовал довольно высокий естественный прирост населения, в 3—4 раза превышающий этот показатель для стран Западной Европы (табл. 1). С 1991 г. социально-демографическая ситуация в стране стала ухудшаться, а также наметились неблагоприятные тенденции ее развития на ближайшие десятилетия во всех регионах: произошло резкое сокращение рождаемости и еще более впечатляющее возрастание смертности населения. В Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2000 году среди самых острых задач, стоящих перед государством, первоочередной была поставлена борьба с депопуляцией (вымиранием народа). В. В. Путин заявил: «Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой» [1].

Согласно данным государственной статистики, резкое сокращение численности населения России произошло в период 1990—1996 гг. и затем, вплоть до 2004 г., происходило его ежегодное сокращение (рис. 1). В Омской области отмечалась несколько иная динамика показателя численности населения, нежели в среднем по России (рис. 2). С 1990 по 1996 гг. еще наблюдался незначительный рост населения области, составивший за 6 лет всего 26,8 тыс. чел. Но с 1996 г. началось резкое сокращение численности населения Омской области, а пик спада пришелся на 2001 г. Таким образом, за исследуемый период времени (за 14 лет, с 1990 по 2004 гг.) численность населения Омской области сократилась на 92,9 тыс. человек.

Численность городского и сельского населения Омской области в исследуемый период менялась таким образом, что к 2004 г. численность сельского населения Омской области составила 642,5 тыс. человек, сократившись по сравнению с 1990 г. (686,2 тыс. человек) на 43,7 тыс. человек, или на 6,8 %. В то время как численность городского населения Омской области за исследуемый период времени сократилась на 3,5 % (с 1 465,2 тыс. человек в 1990 г. до 1 416,0 в 2004 г. (рис. 3). Таким образом, население сельской местности сокращалось более интенсивно, нежели городское, и объяснением этого явления могут являться не только высокие показатели смертности населения,

но и интенсивные миграции из села в город, а также на заработки в северные регионы страны.

С 1990 по 2001 гг. демографическое развитие Омской области происходило в условиях устойчивого сокращения рождаемости населения — с 14,9 чел. (на 1 000) в 1990 г. до 8,5 в 2001 г. (рис. 4). К 2001 г. этот показатель по Омской области был ниже, чем в среднем по России. А с 2001 г. наблюдался небольшой рост рождаемости как в целом по стране, так и в Омской области. Именно с этого периода показатель рождаемости в Омской области имел положительную динамику, незначительно опережая среднероссийский тренд.

Среди районов Омской области по показателям рождаемости к 2004 г. лидировали Москаленский (14,3 чел.), Шербакульский (14,3), Марьяновский (14,2 чел.), Знаменский (14,1 чел.), Русско-Полянский (13,7 чел.) районы [2]. Устойчивая ровная динамика роста показателя рождаемости наблюдалась в Азовском, Исилькульском, Павлоградском, Полтавском районах Омской области, где средний показатель рождаемости колебался в пределах 11—13 человек. Несмотря на положительную динамику показателя рождаемости в Омской области в период 2001—2004 гг., средний коэффициент рождаемости составлял 1,2. Это было почти вдвое меньше, чем необходимо для простого численного замещения поколений родителей их детьми — для этого нужен коэффициент рождаемости 2,15. Коэффициент ниже этой величины свидетельствует, что население региона не обеспечивало даже простого воспроизводства. Таким образом, новое поколение лишь на 55 % замещало предшествующее.

Важный экономический показатель — население в трудоспособном возрасте (мужчины — от 16 до 59 лет; женщины — от 16 до 54 лет). Чем он выше, тем меньше приходится нетрудоспособных на каждого трудоспособного. В целом по Омской области этот показатель имел положительную динамику, составляя в 1990 году 1 209,1 тыс. чел., а в 2004 г. — 1 300,3 тыс. чел. (рис. 5). Это объясняется тем, что трудовые ресурсы в этот период пополнялись в основном теми возрастными группами, которые родились в 70-е годы, когда естественный прирост населения области оставался на достаточно высоком уровне. Большое сокращение численности произошло в категории

Динамика демографических показателей Омской области, тыс. чел.

	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Родилось	29 012	34 950	37 800	40 876
Умерло	14 105	16 481	19 507	20 344
Естественный прирост	14 907	18 469	18 293	20 532

Составлено на основе данных Российского статистического ежегодника / Госкомстат России. – Москва, 2001. – 642 с.

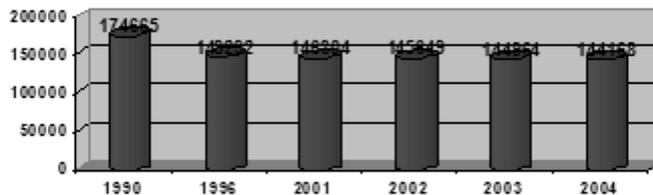

Рис. 1. Численность населения России, тыс. чел.

Составлено на основе данных Российского статистического ежегодника / Госкомстат России. – Москва, 2001. – 642 с.

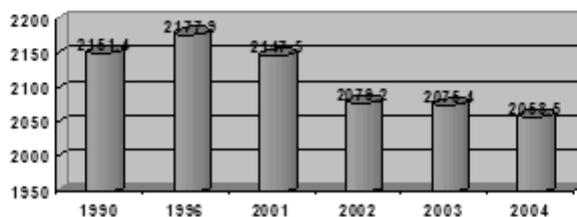

Рис. 2. Численность населения Омской области, тыс. чел.

Составлено на основе данных Омского областного статистического ежегодника стат. сб. в 2 ч. Ч. 1 / Омкстат. – Омск, 2005. – 214 с. – С. 35

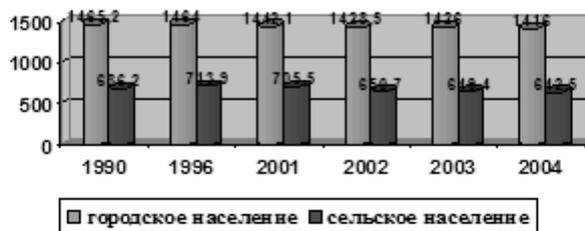

Рис. 3. Динамика численности городского и сельского населения Омской области.

Составлено на основе официальных данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области // <http://demograf.omskmintrud.ru>

Рис. 4. Количество родившихся на 1000 чело век населения.

Составлено на основе официальных данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области // <http://demograf.omskmintrud.ru>

«население моложе трудоспособного возраста», за исследуемый период численность которого сократилась на 219,6 тыс. человек или на 59,4 % (с 589,5 тыс. чел. в 1990 г. до 369,9 тыс. чел. в 2004 г.). В то время как увеличилась доля населения старше трудоспособного возраста: с 352,8 тыс. чел. в 1990 г. до 388,3 тыс. чел. в 2004 г., или на 35,5 тыс. чел (10%).

Таким образом, в исследуемый период времени в Омской области наблюдались тенденции сокращения общего количества населения, изменения его возрастной структуры, а также его качественных параметров. То есть население Омской области характеризовалось как стареющее — сокращением удельного веса детей и молодежи, увеличением доли лиц старших

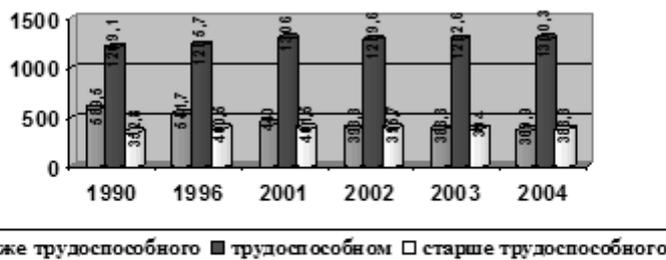

Рис. 5. Динамика численности населения Омской области по возрастам, тыс. чел.

Рис. 6. Динамика смертности населения, на 1000 человек.

Составлено на основе официальных данных Территориального органа

Федеральной службы государственной статистики по Омской области // <http://demoqraf.omskmintrud.ru>

возрастов. По классификации ООН, «старым» называют население, в составе которого свыше 7 % жителей в возрасте 65 лет и старше. В Омской области к 2004 году таких жителей было 11,1 %, т.е. население области являлось демографически старым. Причем, в некоторых районах Омской области доля населения старше трудоспособного возраста превышала 20 %. Максимальной величины она достигла в районах северной зоны: Муромцевском (24,4 %), Колосовском (23,1 %), Седельниковском (22,7 %), Тарском (21,9 %). Самым «молодым» районом был Нововаршавский (16%) [3]. Старение населения — фактор, сдерживающий экономическое развитие региона, т.к. вызывает дополнительные затраты на пенсии, различные виды помощи, требует особого набора товаров и услуг.

Показатель смертности населения в Омской области в период с 1990 по 2004 гг. стремительно рос и превышал показатель рождаемости примерно в 1,5 раза. Так, в 1990 г. в Омской области от разных причин умерло 9,3 чел. (на 1000 населения); а в 2004 г. уже 14,9 (рис. 6). Несмотря на то, что во всех периодах показатель смертности населения в Омской области был ниже, чем в среднем по России, тем не менее он оставался катастрофически высоким. По районам Омской области в 2004 г. высокие показатели смертности были зафиксированы в Большереченском (16,9 чел.), Большеуковском (16,7 чел.), Знаменском (19,2 чел.), Муромцевском (19,4 чел.), Нижнеомском (18,2 чел.), Тарском (18,3 чел.) и других районах области. А рекордный показатель смертности был зафиксирован в Усть-Ишимском районе, где он составил 21,3 чел.

В исследуемый период времени в России повсеместно сложился в основном единый тип смертности [4], характеризующийся преобладанием среди ее причин сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных образований, травм и некоторых заболеваний неинфекционного характера (табл. 2). Из таблицы видно, что в пореформенный период резко возросла смертность от болезней системы кровообра-

щения, вызванная информационными перегрузками, стрессами. Также возросло число убийств и самоубийств. Динамика этих показателей в Омской области была такова: на начало 90-х гг. на 100 тыс. населения приходилось 12–13 убийств, а к 2003 г. — 25–26; самоубийств в начале 90-х гг. — 26–27, а к 2003 г. — 43–44. Особенно велики были показатели среди мужчин [5].

Среди неблагоприятных тенденций смертности в Омской области в исследуемый период времени было отмечено наличие весьма существенной разницы в величине средней продолжительности жизни мужчин и женщин. В науке этот показатель характеризуется термином «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». В 1986–1987 гг. средняя продолжительность жизни в России составляла около 70,1 года (64,9 года — у мужчин и 74,5 года — у женщин). Резкое падение этого показателя произошло в первый год радикальной фазы реформ — 1992 г. К 1996 г. средняя продолжительность жизни в Омской области снизилась до 67,1 года: для мужчин показатель оценивался в 61,4 года, для женщин — в 73,1 года. А к 2004 г. средняя продолжительность жизни омичей снизилась до 65,7 лет: 59,4 года — у мужчин и 72,3 года — у женщин (рис. 7). Показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Омской области немного выше, чем в среднем по России (в 2004 г. общероссийский показатель средней продолжительности жизни равнялся 65,3 года: для мужчин — 58,9, для женщин — 72,3). Тем не менее это меньше показателей экономически развитых стран на 13–15 лет и эквивалентно показателям Монголии, Марокко и Гватемалы.

В исследуемом периоде существенно возросла диспропорция между численностью мужчин и женщин. В 1989 г. количество мужчин в Омской области было 1 007 тыс. чел., количество женщин — 1 135 тыс. чел., диспропорция составляла 228 тыс. чел., или 6 %. Год от года диспропорция увеличивалась не в пользу мужчин. Так, в 2002 г. разрыв в численности между

Таблица 2

Смертность в Омской области по некоторым классам причин смерти

	1990	1995	2003	2004
от болезней системы кровообращения	10 119	13 030	16 458	16 321
от новообразований	4 024	4 424	4 369	4 318
от несчастных случаев, отравлений и травм	2 794	4 170	4 461	4 676
из них:				
от случайных отравлений алкоголем	284	542	607	614
от самоубийств	578	976	783	726
от убийств	285	674	529	467

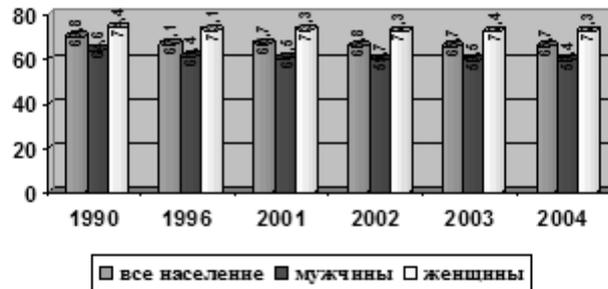

Рис. 7. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Омской области, число лет

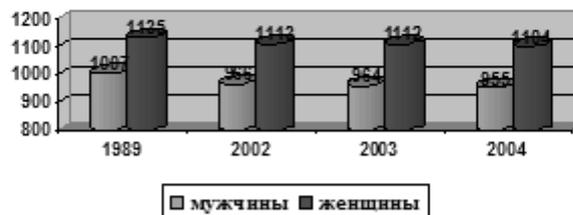

Рис. 8. Динамика численности мужчин и женщин в Омской области, тыс. чел. Рассчитано на основе Омского областного статистического ежегодника: стат. сб. в 2 ч. Ч. 1 / Омскстат. – Омск, 2005. – 214 с. – С. 71

и женщин в Омской области составил 147 тыс. чел., или 7 %, а в 2004 г. уже 149 тыс. чел., или 7,2 %. (рис. 8). В период реформ деморализация больше сказалась на мужчинах. Кормильцы семей, тяжело переживая свою беспомощность, стали заглушать жизненные невзгоды старым испытанным способом – водкой, что непосредственно связано со снижением продолжительности жизни. В результате рассматриваемая разница в сроках жизни мужчин и женщин возрастала, и к 2004 г. достигла порядка 13 лет. Такие перекосы неблагоприятно сказывались и на развитии экономики, и на воспроизводстве населения.

Пострадала от реформ и ячейка общества — семья. В Омской области резкое сокращение заключаемых браков зафиксировано в период с 1990 по 1996 гг. (рис. 9), к 1996 г. жениться стали меньше на 3,5 брака. К 2001 г. ситуация нормализовалась, и с этого времени показатель заключения браков в Омской области начал расти и в исследуемый период времени был немного выше, чем в среднем по России.

Динамика разводов в исследуемый период времени в Омской области была противоречивой (рис. 10). С 1990 по 1996 г. количество разводов уменьшилось на 0,4 на 1000 человек населения, в то время как общероссийский показатель — будучи в среднем немногим выше омского — в этот период не изменялся. В 2001 г. наблюдался резкий скачок — до 5,6 разводов, тем

самым 2001 год стал рекордным в исследуемом периоде времени по количеству распавшихся семей в Омской области. С этого времени показатель начал снижаться и к 2004 г. составил 4,2 разводов — немного меньше, чем в среднем по стране.

Омская область в исследуемый период времени характеризовалась не только естественной убылью населения, но и низким уровнем четности семей — в области преобладали малодетные семьи. Только одного ребенка имели 56 % женщин, двух — 35 %. Многодетной (3 и более детей) являлась только каждая 11-я семья в Омской области [6].

Проанализировав динамику основных демографических показателей, характеризующих Омскую область в период 1990 — 2004 гг., можно сделать вывод о том, что с 1996 г. в области началась депопуляция — сокращение населения из-за отрицательного баланса между числом родившихся и умерших. В 2004 г. рождаемость в Омской области составляла 10,7 на 1000 жителей при смертности 14,9, что давало естественную убыль населения 4,2 на тысячу, т.е. порядка 8,6 тыс. чел. в год. Кравец А.А. называет это явление не просто депопуляцией, а подлинной демографической катастрофой с перспективой национального вырождения [7].

Высокие показатели естественной убыли населения разные авторы объясняли различными причи-

Рис. 9. Динамика числа заключенных браков на 1000 человек населения

Рис. 10. Число разводов на 1000 человек населения

нами. Одни связывали высокую смертность с кризисом медицины и социального сектора в целом [8], другие называли причиной демографического кризиса психологический и духовный настрой населения [9]. Большинство российских ученых (Руткевич, Глазьев, Кара-Мурза, Бузгалин и другие) сходятся во мнении, что главной причиной высокого уровня естественной убыли населения явились последствия радикальных экономических реформ. Так, Руткевич М.Н. вводит понятие «сверхсмертности» и утверждает, что главные причины уменьшения численности населения России связаны с резким ухудшением жизненных условий в результате разграбления национального богатства правящей верхушкой, разрушения производительных сил общества. Причину демографического кризиса Руткевич М.Н. видит в социально-экономическом и политическом курсе правительства РФ с начала 90-х гг., называя это трансформацией раннего социалистического общества в СССР в «периферийное» капиталистическое общество, выполняющее в мировом хозяйстве роль топливно-сырьевого придатка развитых стран [10].

Влияние демографических процессов на рынок труда таково, что изменения в уровне смертности, особенно в рабочем возрасте, моментально отражаются на изменении численности и качества трудовых ресурсов, изменения же уровня рождаемости сказываются на состоянии трудовых ресурсов лишь через определенный промежуток времени. Так, несмотря на высокую смертность населения в Омской области в 1990 – 2004 гг., динамика показателя общего количества трудовых ресурсов Омской области не отмечена явными отрицательными тенденциями, преимущественно по причине того, что в исследуемый период времени в трудоспособный возраст вступало многочисленное поколение рожденных в 70-е годы. Тем не менее, в исследуемый период времени наметился дефицит квалифицированных рабочих кадров, высококвалифицированных специалистов-управленцев и ряда других специалистов. В связи с «демографической ямой» 90-х гг., начиная, примерно, с 2016 г. Омская область будет остро нуждаться в трудовых ресурсах, когда в трудоспособный возраст начнут вступать дети, рожденные в пик депопуляции в Омской области.

В связи с этим следует отметить, что при определении государственной политики в сфере здоровья населения органам власти необходимо принять во внимание следующее обстоятельство: уровень рождаемости в России и ее регионах сравним с аналогичным показателем в западных странах, тогда как уровень смертности оказался чрезмерно высоким — более высоким, чем в развитых западных странах и даже в странах с более низким средним доходом на душу населения. Так, в конце исследуемого периода в Омской области наметились положительные тенденции в рождаемости, но показатели смертности по-прежнему оставались высокими, превышая показатели рождаемости. А значит, депопуляция в регионе продолжалась. По мнению Нарочничкой Н. А., «именно депопуляция России ... рассматривается в качестве критического слабого места России. ... Россия обязана сосредоточиться на выработке стратегии ресурсной безопасности, сделав ее инструментом развития, демографического восстановления, защиты национальной безопасности» [11]. Поэтому укрепление, поступательное развитие демографической политики должно стать прерогативой органов власти всех уровней, и цели в отношении благоприятного воздействия на демографические процессы могут быть конкретизированы следующим образом: в области рождаемости — формирование идеалов среднедетной семьи (3 – 4 ребенка); в области снижения смертности — воспитание основ самосохранительного поведения, от которого в значительной степени зависит сохранение здоровья людей и увеличение продолжительности жизни; в области семейно-брачных отношений — всемерное упорядочение семьи как одной из важнейших жизненных ценностей человека.

Библиографический список

1. Первое Послание Федеральному собранию РФ 8 июля 2000 года // План Президента Путина. Руководство для будущих президентов России : сб. / сост. Павловский Г.О. — М. : Изд-во «Европа», 2007. — 400 с. — С. 37.
2. Динамика показателей рождаемости по муниципальным районам Омской области / Официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области // <http://demograf.omskmintrud.ru>.

3. Старшее поколение : цифры и факты : стат. сб. / Омскоблкомстат. — Омск, 1999. — 116 с. — С. 9.
4. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Лулева Н.К. Рынок труда : учебник. — М. : Изд-во «Альфа-Пресс», 2007. — 900 с. — С. 333.
5. Кравец А.А. Сибирь обездоленная. — Москва — Омск, 2003. — 112 с. — С. 44.
6. Аналитическая записка по результатам опроса женщин, имеющих детей до трехлетнего возраста и находящихся в отпуске по уходу за ребенком или неработающих / Министерство труда и социального развития Омской области. — Омск, 2007. — С. 4–5.
7. Кравец А.А. Сибирь обездоленная. — Москва — Омск, 2003. — 112 с. — С. 42.
8. Тишук Е.А. Медико-демографические процессы в современной России // Врач. — 2000. — № 1. — С. 36–39.
9. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России : причины, механизм, пути преодоления. - М. : «Эдиториал УРСС», 2001.

10. Руткевич М.Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в Российской Федерации // Социологические исследования. — 2005. — № 7. — С. 22–30.

11. Нарочницкая Н.А. Восточный вектор / выступление на Международной конференции «Россия и Индия. Стратегическое партнерство в XXI веке» // Столетие (информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы). — 2008. — 10 августа.

СИРИЦА Яна Анатольевна, аспирантка кафедры истории и регионального развития.

Статья поступила в редакцию 01.09.08 г.

© Я. А. Сирица

УДК 908

О. Н. ГРЕЧКО

Омский филиал
Института археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СКОТОВОДСТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ)

В данной статье рассмотрена проблема изучения модели скотоводства средневекового населения Тарского Прииртышья, использованы методы палеоэкономического и палеоэкологического моделирования. Автор делает вывод о структуре и размере стада домашних животных. Подобная модель имеет аналоги в письменных источниках конца XVII — начала XVIII вв. и этнографических свидетельствах конца XIX — начала XX вв.

Комплексное многоотраслевое хозяйство, сочетавшее присваивающие и производящие виды деятельности населения южной тайги — северной лесостепи Западной Сибири в эпоху средневековья на первый взгляд кажется однообразным [1]. Однако, более тщательное изучение этой проблемы и применение методов комплексного анализа археологического и этнографического материала (палеоэкономическое моделирование, палеоэкологический и палеодемографический анализ, палеоэкономическое районирование и другие) позволяют выявить закономерности взаимодействия человека с окружающей средой и специфику освоения ими природных ресурсов в экологической нише.

К сожалению, многие аспекты этой проблематики недостаточно разработаны и требуют специального исследования. Мы остановимся на одном из вопросов палеоэкономических реконструкций: изучение хозяйственного потенциала скотоводства средневекового населения Тарского Прииртышья.

Природно-географическая среда. Ранее нами был проведен анализ расположения и планиграфии памятников потчевашской культуры и выявлены локальные группы памятников, установлена общая (в том

числе полезная) площадь поселений, определена экономическая и экологическая выгодность расположения групп памятников относительно природно-географических объектов [2].

Среду обитания населения, оставившего комплекс памятников у устья р. Мурлинка, можно охарактеризовать так: наличие большой реки и поймы (от 2 до 5 км по правому берегу р. Иртыш), многочисленных пойменных озер и стариц, проток, заливных лугов. В природно-географическом плане эта территория представляет собой переходную зону от тайги к лесостепи. По современному лесорастительному районированию она относится к Тарско-Уйскому елово-сосново-березовому району зоны смешанных лесов, которой соответствует следующая характеристика: «... хвойные леса — 25 %, лиственные — 38 %, болота — 30 %, луга — 6 %, воды — 1 % ...» [3].

Памятники у устья речки Мурлинка известны с конца 1930-х гг., и были исследованы А.В. Вагановым (1938 г.), В.И. Матющенко и А.С. Чагаевой (А.С. Шемякиной) (1961 — 1962 гг.), В.И. Матющенко (1983 г.).

Речка Мурлинка впадает в р. Иртыш с правой стороны. Исток речки находится примерно в 5 — 6 км от устья в таежной, заболоченной местности. Терраса

Видовой состав животных на Мурлинском городище I		
Вид животных	Количество костей	Количество особей
Крупный рогатый скот	73	3
Мелкий рогатый скот	9	1
Лошади	221	4
Свинья	1	1
Собака	28	3
Итого домашних животных	332	12
Лось	14	2
Северный олень	4	1
Косуля	11	3
Медведь	1	1
Лисица	2	1
Барсук	1	1
Соболь	4	3
Заяц	1	1
Бобр	1	1
Итого диких животных	39	14
Исчислено по: см. список Пляхута Д.О., Скандяков И.Е., 2000. - С. 157-158; Могильников В.А., 1987. - С. 191; Шемякина А.С., 1976. - С. 186-188; Шемякина А.С., 1979. С. - 79-80.		

р. Иртыш в этом месте интенсивно размывается, а русло реки в месте впадения речки Мурлинки делает резкий поворот, и направление течения Иртыша меняется с северо-востока на запад.

Мурлинское городище I расположено на мысу высотой до 5 м, образованном при слиянии речки Мурлинки и ручья Безымянного. Городище общей площадью около 6 тыс. кв. м защищено тремя линиями укреплений, состоящих из вала и рва. В 1961 – 1962 гг. было раскопано 336 кв. м площади памятника, где зафиксирована мощность культурного слоя около 60 см. В 1983 г. экспедицией Омского государственного университета под руководством В.И. Матющенко было вскрыто в общем 612 кв. м площади городища, мощность культурного слоя на разных частях памятника различна. В среднем она достигает 60 – 80 см [4].

Мурлинское поселение II расположено на правом берегу речки Мурлинки в 0,07 км на северо-запад от ее устья, на мысу, образуемом при впадении речки Мурлинки в р. Иртыш. Памятник находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Иртыш. Площадь поселения около 5300 кв. м [5].

Мурлинское поселение III расположено на мысу, образуемом при слиянии речки Мурлинки и р. Иртыш, на левом берегу ручья Безымянного, в 0,03 км на северо-восток от устья речки Мурлинки. Поверхность памятника залесена. Визуальных рубежей не было выявлено в связи с отсутствием следов какой-либо системы укреплений. Для определения площади поселения был использован план местности из полевой документации, которая равна примерно 2500 кв. м [6].

Видовой состав животных на Мурлинском городище I.

Одним из обязательных условий палеоэкономического моделирования является использование результатов палеозоологического анализа материала

с исследуемого памятника (-ов). В нашем распоряжении есть определения остеологического материала, небольшая часть коллекции в настоящий момент находится на стадии обработки (табл. 1).

Очевидно, что структура остеологического материала не идентична структуре поголовья. Поэтому для анализа остеологического материала необходимо учесть следующее: собаку использовали в охоте и при выпасе скота, а в структуру питания она не входила; кости свиньи из расчетов структуры стада должны быть исключены, т. к. кости этого животного довольно сложно однозначно отнести к свиньям домашним или диким (тем более обнаружена всего одна кость из общей массы).

Определение «идеальной» структуры стада с учетом его годового прироста.

С.С. Тихонов предлагает в вопросе изучения структуры стада исходить из его прироста. Корова приносит одного теленка в год (прирост стада крупного рогатого скота не может быть более 50 %), прирост поголовья мелкого рогатого скота составляет 100 % в год, лошадей 50 % в год [7].

С учетом годового прироста стада доля каждого вида животного несколько изменится. Тогда возможное количество лошадей — 6 особей, крупного рогатого скота — 4 – 5 особей, мелкого рогатого скота — 2 особи. Максимальное возможное количество домашних животных — 13 особей. Можно выделить следующую структуру стада: доля лошади — 6 особей (46% от всего поголовья домашних животных), крупный рогатый скот — 5 особей (38,5 от всего поголовья домашних животных), мелкий рогатый скот — 2 особи (15,5% от всего поголовья домашних животных) (табл. 2).

В итоге совместим результаты расчета долевого соотношения количества особей разных видов домашних животных для определения «идеальной»

Таблица 2

Соотношение домашних животных (по археологическим материалам)		
Вид животных	Количество особей домашних животных (шт.)	Доля от общего количества особей домашних животных (%)
Лошадь	6	46
КРС	4–5	38,5
МРС	2	15,5

Таблица 3

Соотношение диких и домашних животных (по археологическим материалам)		
Вид животных	Количество особей (шт.)	Доля от общего количества особей мясных диких и домашних животных (%)
Лошадь	4	23,5
КРС	3	17,5
МРС	1	5,9
Итого домашних животных	8	47
Лось	2	11,8
Косуля	3	17,5
Северный олень	1	5,9
Медведь	1	5,9
Заяц	1	5,9
Дикий кабан (свинья)	1	5,9
Итого диких животных	9	53

структуры стада домашних животных Мурлинской группы памятников.

Доля лошади составляла от 46 % до 50 %, в среднем 48%; доля крупного рогатого скота составляла от 37,5 % до 38,5 %, в среднем 38 %, доля мелкого рогатого скота — от 12,5 до 15,5 %, в среднем 14 %. Естественно, что структура стада была непостоянна и менялась в указанных пределах. Но в дальнейшем мы будем использовать средние цифры, считая, что «идеальная» структура стада Мурлинского комплекса памятников следующая — лошадей — 48 %, крупного рогатого скота — 38 %, мелкого рогатого скота — 14 %.

Расчет значимости скотоводства как отрасли хозяйства в обеспечении населения мясом в исследуемый период времени.

Из таблицы 1 видно, что доля диких мясных животных в общем количестве костей составляет около 8,4 %. Подавляющая часть костей диких животных представлена костями лося и косули. Их было 80,6 % от костей диких мясных животных и 62,5 % если считать по особям. На первый взгляд, это может означать, что около 10 % мяса древние жители добывали в лесу. Однако необходимо учитывать другие данные: расчет по особям мясных диких и домашних животных.

В этом случае мясо 8 особей (57 % всех особей диких животных) диких животных могло быть использовано для еды. В свою очередь эти 8 особей составляют 30,8 % общего количества особей. Одновременно мясо 8 особей (30,8 % от общего количества особей)

домашних животных могло входить в рацион питания древнего населения. С учетом того, что мясо части животных не использовали в пищу (3 особи собаки, а лисы (1 особь), барсуки (1 особь), соболя (3 особи), бобры (1 особь) — это объекты пушного промысла); а 1 особь свиньи скорее всего является диким кабаном, то 9 особей (34,6% от общего количества особей) должны быть исключены из дальнейших расчетов, а 1 особь свиньи (дикий кабан) (3,8 % от общего количества особей) должна быть включена в дальнейшие расчеты в качестве дикого животного. Тогда получается, что если 17 особей мясных животных принять за 100 %, то 53 % мяса древние жители добывали в лесу, а 47 % — за счет разведения скота (табл. 3).

Полученные результаты можно использовать при выявлении значимости отраслей хозяйства в системе жизнеобеспечения изучаемого населения.

В дальнейшем, учитывая результаты расчета структуры стада и численности населения, попытаемся рассчитать количество животных (размер стада), имевшихся у древних жителей. Для этого нам необходимо определить численность исследуемого нами населения и соотнести с нормами потребления мясных продуктов.

Определение численности населения (максимальных и минимальных значений). Ранее мы уже обращались к этому вопросу, по нашим данным на территории Мурлинской группы памятников проживало 88 — 187 человек [8].

Для взятых нами памятников мы имеем два варианта числа проживавших на них людей — минимальное и максимальное. Мы предполагаем, что в обществе, где стабильная геополитическая, экологическая ситуация, возможна следующая половозрастная структура населения: 30 % взрослых мужчин, 25 – 30 % взрослых женщин и 40 – 45 % детей [9]. Можно определить и количество мужчин, женщин и детей не в процентах, исходя из их числа и половозрастной структуры. Будем основываться на минимальных (88 человек) и максимальных (187 человек) цифрах численности населения. Тогда при численности населения — 88 человек: мужчин будет 26, женщин 24, детей 38. А при численности населения 187 человек: мужчин будет 56, женщин 51, детей 80.

Следующий этап — **расчет необходимого количества биомассы (мяса), потребляемого населением в единицу времени (сутки/год), которое покрывалось за счет продуктов скотоводства.**

Для начала необходимо определить суточную норму потребления мяса одним человеком. С.С. Тихонов в подобных расчетах исходит из показателей интенсивности потребления белка животного происхождения предложенных Ю.А. Красновым — 0,48 кг в день [10]. В нашей работе, ввиду недостатка материала и необходимости приближения показателей норм потребления мяса к реалиям исследуемого коллектива произведем следующие расчеты. Нам известно долевое соотношение домашних и диких мясных животных (табл. 4), за счет которых компенсировалась потребность населения в белке животного происхождения. В этом случае 47 % необходимой суточной нормы мяса для взрослого мужчины покрывалась за счет продуктов скотоводства. Можно предположить, что суточная норма потребления мяса домашних животных взрослым мужчиной равна 0,226 кг.

Исходя из того, что традиционно считается, что женщины и дети едят пищи вдвое меньше, чем мужчины, мы можем перевести все расчеты по мужскому населению [11]. Приводя минимальную численность коллектива к общему знаменателю (количеству мужчин) будем считать, что весь коллектив потреблял в день столько мяса, сколько съели бы 57 мужчин $(26 + (24 + 38)/2 = 57)$.

Тогда коллективу людей с минимальной численность населения (88 человек) в год было бы необходимо 4702 кг чистого мяса домашних животных $(57 \text{ чел.} \cdot 0,226 \text{ кг} \cdot 365 \text{ дн.})$. С другой стороны, учитывая максимальную численность населения (187 человек), получим, что весь коллектив потреблял в день столько мяса, сколько съели бы 121,5 мужчин $(56 + (51 + 80)/2 = 121,5)$. Этому коллективу людей в год было бы необходимо 10023 кг чистого мяса домашних животных $(121,5 \text{ чел.} \cdot 0,48 \text{ кг} \cdot 365 \text{ дн.})$.

Расчет размера «стада» домашних животных.

Значит от домашних животных получено около 4702 кг чистого мяса за год (при минимальной численности населения — 88 человек), и от домашних животных получали около 10023 кг чистого мяса за год (при максимальной численности населения — 187 человек).

Допустим, что в основном в пищу использовалось примерно две трети живого веса животного. Остальная часть приходится на вторичный продукт — кости, жиры, внутренние органы, кровь, шкура животного, которые шли в пищу только в период недостатка продовольствия. Допустим, что X — это все живого поголовье стада, съеденного населением в год. При условии, что средний вес живой лошади — 450 кг, средний вес живой коровы — 300 кг, средний вес живой овцы — 60 кг, а «идеальная» структура стада

домашних животных Мурлинского комплекса памятников соответствует 48 % лошадей, 38 % крупного рогатого скота, 14 % мелкого рогатого скота, то можно определить средний вес живого поголовья стада домашних животных, съеденных население в год. Тогда средний вес всего употребляемого в год живого поголовья лошадей равно $(0,48 \times 450)$ кг, крупного рогатого скота — $(0,38 \times 300)$ кг, мелкого рогатого скота — $(0,14 \times 60)$ кг мяса.

Решив уравнение: $(0,48 \times 450) + (0,38 \times 300) + (0,14 \times 60) = (4702/2) \cdot 3$, определим минимальное количество съеденных домашних животных. Они будут следующие: количество лошадей — 10, коров — 8, овец — 3. Решив уравнение $(0,48 \times 450) + (0,38 \times 300) + (14 \times 60) = (10023/3) \cdot 2$, определим максимальное количество съеденных домашних животных. Они будут следующие: количество лошадей — 21, коров — 17, овец — 6.

С другой стороны, одним из условий занятия скотоводством в исследуемое нами время должно быть стабильное воспроизводство домашних животных. Только в этом случае мы можем считать, что население употребляло в пищу в основном молодых животных и тем самым состав стада был достаточно стабилен. В этом случае общее количество домашних животных будет варьировать в выделенных нами пределах: от 30 до 63 лошадей, от 24 до 51 коров, от 6 до 12 овец.

Определение экономического потенциала скотоводства раннесредневекового населения

Таким образом, можно предположить, что семья в раннем средневековье состояла из супружеской пары, их детей и иногда их родителей. Всего в семье могло быть 5 – 6 человек, а в коллективе около 16 – 34 семей. Тогда, по самым смелым предположениям, одна семья могла существовать только при наличии в ее хозяйстве не менее 1 коровы и 1 лошади. Вместе с тем, потенциал скотоводства средневекового населения позволял увеличить минимально необходимое количество особей домашних животных в хозяйстве одной семьи раннесредневекового населения. Поэтому каждая вторая семья могла владеть, помимо 1 коровы и 1 лошади, дополнительно 1 коровой и (или) 1 лошадей, каждая третья семья — 1 овцой (козой).

Анализ материалов этнографии и археологии с их последующей корреляцией.

В нашем распоряжении есть несколько работ посвященных исследованию традиционного хозяйства и сопутствующих компонентов жизнедеятельности тюркского населения Тарского Прииртышья (тарские татары бассейна р. Тары — «...одна из тюркоязычных групп, входящая в состав тоболо-иртышской группы сибирских татар») [12]. Эти исследования в своей основе опираются на архивные документы — переписных книг ревизий населения с конца XVII до начала XX вв., записей путешественников и исследователей указанного времени, а также материалов историко-этнографических и комплексных археолого-этнографических экспедиций омских исследователей, проведенных на территории Среднего Прииртышья (Тарский район Омской области) в конце XX — начале XXI вв. [13].

Большая часть тарских татар проживала в бассейне рек Тары, Уя, Оши. Вместе с тем ряд этнографов расширяют ареал их расселения вплоть до устья р. Оми [14]. В конце XVII в. исследователи выделяют наличие системы постоянных поселений у этой группы татар, с их относительно равной площадью («в среднем поселения состояли из 19 семей») и относительно однородным этносоциальным составом населения (ясачные татары), а также основных видов хозяйственной деятельности [15].

Соотношение домашних животных (по этнографическим материалам)		
Вид животных	Количество особей домашних животных (шт.)	Доля от общего количества особей домашних животных (%)
Лошадь	24	32,5
КРС	30	40,5
МРС	20	27

Нельзя оставить без внимания вопросы изменения природно-географической среды в исследуемый период. Исследователи утверждают, что особенности природы Омского Прииртышья оказали влияние на процесс освоения территории. Это обусловило то, что в процессе освоения территории, развития земледелия и других отраслей хозяйства усиливается антропогенное воздействие на ландшафтные районы. Начало освоения лесостепных пространств Прииртышья связано с деятельностью русских переселенцев в Сибирь в конце XVII – XVIII вв. [16]. До этого времени мы можем говорить об относительной неизменности природных условий исследуемой территории.

Реконструкция скотоводства у средневекового населения Тарского Прииртышья по этнографическим материалам предполагает установление численности населения одного (или нескольких) поселений; определение поголовья стада домашних животных (размер стада), которое содержало изучаемое население, и структуры стада домашних животных (долевое соотношение тех или иных видов животных) (по архивным материалам). Затем, исходя из полученных данных мы проведем расчет количества поголовья скота, съеденного населением в единицу времени; определение получаемого «объема биомассы» животного происхождения (чистого мяса домашних животных) и его норм потребления населением в единицу времени.

Последующие расчеты требуют выделение такого поселения, в котором этносоциальная структура наиболее однородна, а это ясачные татары. Ясачные татары относились к категории обычных плательщиков ясака – «повинности в пользу государства».

1. В 1698 и 1701 гг. в д. Усть-Тарской (Тартамак), расположенной «на устье р. Тара», проживало 23 семьи ясачных татар, в хозяйствах которых исследователи отмечают наличие нескольких видов скота [17]. На всех жителей д. Усть-Тарской приходилось 20 десятин пахотной земли в поле, перелог и лесом поросшей земли на 100 десятин, сенных покосов на 2 тысячи копен, а также «... они владеют на прокормление рыбными ловлями, реками, и озерами, и речными для ясачного промысла и на лугах сенными покосами и скотскими выгонами...» [18].

При условии, что средняя семья состояла из 5 человек, общая численность усть-тарского населения этого времени могла составлять 115 человек. Стадо домашних животных состояло из 24 голов лошадей, 30 голов крупного рогатого скота и 20 голов мелкого рогатого скота. Долевое соотношение количества особей различных видов домашних животных приведено в таблице (табл. 4).

2. Использовалось мясо двухгодовалого приплода, тогда количество съеденных животных коллективом в 115 человек ясачных татар равно: 1/3 части поголо-

вья лошадей, 1/3 части поголовья крупного рогатого скота и 1/2 части поголовья мелкого рогатого скота. Либо 8 лошади, 10 коров, 10 овец.

3. При условии, что средний вес живой лошади равен 450 кг, коровы — 300 кг, овцы — 60 кг; а 1/3 часть живого веса одной особи животного на вторичный продукт (кости, внутренности, шкура животного), тогда от домашних животных могли получать X чистого мяса в год. Либо $(450 \cdot 2/3) \cdot 8$ — вес чистого мяса получаемого от поголовья лошадей (кг), $(300 \cdot 2/3) \cdot 10$ — от поголовья крупного рогатого скота (кг), $(60 \cdot 1/2) \cdot 10$ — от поголовья мелкого рогатого скота (кг). Таким образом, решив уравнение: $(450 \cdot 2/3) \cdot 8 + (300 \cdot 2/3) \cdot 10 + (60 \cdot 1/2) \cdot 10 = X$, мы рассчитаем вес чистого мяса (кг), получаемого и употребляемого коллективом в 115 человек в год. «Объем биомассы» животного происхождения (чистого мяса домашних животных) равен 4800 кг.

4. Определим нормы потребления мяса домашнего скота населением в единицу времени (год/сутки). Если численность усть-тарского населения равна 115 человек, а вес чистого мяса употребляемого им в год равен 4800 кг, тогда 1 представитель (человек) исследуемого коллектива мог съедать в сутки Y кг мяса домашних животных. Решив уравнение: $(115 \cdot Y \cdot 365) = 4800$, получим значение неизвестного Y. Таким образом, нормы потребления мяса домашнего скота населением Тарского Прииртышья на рубеже XVII – XVIII вв. могли быть следующими: один человек в сутки съедает 0,114 кг мяса.

Сопоставим и сравним полученные результаты анализа археологического и этнографического материала. При относительном равенстве численности этнографического и средневекового населения, мы отмечаем неравенство в выявленных нормах потребления мяса домашних животных.

Структура стада исследуемых сообществ по видовому составу домашних животных одинакова, но мы отмечаем определенное изменения долевым соотношении этих видов животных. Мы констатируем относительное сохранение уровня количества крупного рогатого скота, некоторое снижение доли лошадей в стаде домашних животных (в среднем на 15%), что отчасти компенсируется увеличением доли мелкого рогатого скота (в среднем на 10%). С другой стороны, выход мяса овцы не может в полной мере компенсировать уменьшение количества лошадей.

Такая ситуация могла быть связана с изменениями в жизни населения XVII-XVIII вв. Население Тарского Прииртышья «предполагаемый недостаток» в рационе питания мяса, получаемого от скотоводства, могло компенсировать и заменять другими видами продуктов, прежде всего получаемых в ходе торговых контактов с русскими переселенцами (мука, чай, соль, сахар и т.д.). Это позволяет сделать предварительные выводы о том, что значимость продуктов скотовод-

ства в структуре питания населения Тарского Прииртышья с эпохи раннего средневековья до рубежа XVII – XVIII вв. имела тенденцию к уменьшению.

Таким образом, при определении количества животных (размер стада) необходимо учитывать то, что реальный размер стада будет несколько меньше, так как расчеты велись по максимальным параметрам. Анализ палеодиет древнего населения и норм потребления продуктов питания требует учесть взаимозаменяемость определенного вида продуктов особенно при жизнеобеспечивающих ресурсах комплексного хозяйства. Например, люди не всегда употребляют мясо в оговоренном количестве (его можно заменить рыбой или мясом диких животных), в жизненном цикле исследуемого сообщества могли быть периоды голода, о чем свидетельствуют сообщения исследователей XVIII – XIX вв., часть животных погибла от болезней, хищников, тонуло.

Исследовав хозяйственный потенциал скотоводства средневекового населения Тарского Прииртышья можно сделать следующие выводы:

— структура стада домашних животных Мурлинского комплекса памятников следующая — лошадей — 48%, крупного рогатого скота — 38%, мелкого рогатого скота — 14%;

— для обеспечения себя продуктами питания средняя семья (5 – 6 человек) должна была иметь в своем хозяйстве 1 корову и 1 лошадь. Однако расчеты показывают, что каждая вторая семья могла владеть дополнительно 1 коровой и (или) 1 лошадью, каждая третья семья — одной головой мелкого рогатого скота.

Эти данные соотносятся со сведениями письменных источников конца XVII – начала XVIII вв. и этнографическими свидетельствами конца XIX – начала XX вв. [19].

Библиографический список

1. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. Культуры лесного Прииртышья. Потчевашская культура // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1987. - Т.17. — С. 191; Шемякина А.С. К вопросу о хозяйстве в лесном Прииртышье в I тыс. н.э. // Из истории Сибири. — Томск: Томск. ун-т, 1976. - Вып. 21. - С. 186-191.; Шемякина А.С. Особенности хозяйства потчевашского населения в условиях лесостепной зоны // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск: Томск. ун-т, 1979. — С. 79-80.
2. Гречко О.Н. Распространение памятников потчевашской культуры в Прииртышье // XVII Уральское археологическое совещание. — Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. — С. 234 – 235.
3. Плахута Д.О., Скандаков И.Е. Городище Атачка I потчевашского времени // Исторический ежегодник. — Омск: Омск. ун-т, 2000. — С. 156.
4. Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-1. — С. 5 – 6; Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. (Иллюстрации к работам на Мурлинском городище I (№ 1-100)) // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-2. — Рис. 1, 9, 53-а – 57, 59, 66 – 69; Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. (Иллюстрации к работам на Мурлинском городище I

(№ 101-161)) // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-3. — Рис. 155 – 161; Шемякина А.С. Указ. соч. — 1976. — С. 186.

5. Матющенко В.И. Там же. Ф. II. Д. 38-1. — С. 41-45; Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. (Иллюстрации к работам на памятниках Мурлинка II и Мурлинка III, археологической разведки в окрестностях д. Айткулово (№ 162-331)) // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-4. - Рис. 162; Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. (Полевая документация (чертежи, дневники) памятника Мурлинка II) // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-8.

6. Матющенко В.И. Указ соч. Ф. II. Д. 38-1. — С. 46 – 52; Матющенко В.И. Указ соч. Ф. II. Д. 38-2. - Рис. 1; Матющенко В.И. Там же. Ф. II. Д. 38-4. — Рис. 248; Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях д. Айткулово Тарского района Омской области в 1983 г. (Полевая документация (чертежи, дневники) памятника Мурлинска III) // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 38-9.

7. Тихонов С.С. Анализ структуры населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы : дис. ... канд. ист. наук: NB : 07.00.06. : защищена 27.05.93. ВВ : утв. 27.05.93. ВВ / Тихонов Сергей Семенович. - Новосибирск, 1993. — С. 111.

8. Гречко О.Н. Палеодемографическая оценка численности потчевашского населения (по материалам исследования Мурлинского городища I, Мурлинского II и III поселений) // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень : «Вертог Бук», 2007. — Вып. 3. — С. 185 – 186.

9. Тихонов С.С. Указ соч. — С. 46 – 49, 76 – 77.

10. Тихонов С.С. Там же. — С. 113.

11. Тихонов С.С. Там же. — С. 113.

12. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). — Омск: Издательский дом «Наука», 2006. — С. 16.

13. Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII – XX веках. — Омск: Издательский дом «Наука», 2006. — С. 37 – 61, 97 – 142; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Там же. — С. 16-22; Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. — Новосибирск: Наука, 1996. — Т. 1. — С. 188 – 197.

14. Корусенко С.Н. Там же. — С. 38; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Указ. соч. — С. 16.

15. Корусенко С.Н. Указ. соч. — С. 37 – 45; Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 192.

16. Кутузова Г.И., Большаник П.В. Ландшафтная обусловленность процессов освоения и историко-географическое районирование Омского Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск: Омск. ун-т, 1997. — С. 12 – 18.

17. Корусенко С.Н. Указ. соч. — С. 41 – 42, 114 – 115; Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 190.

18. Корусенко С.Н. Указ. соч. — С. 115 – 118; Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 190.

19. Корусенко С.Н. Указ. соч. — С. 37 – 61, 97 – 142.; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Указ. соч. — 190 с.

ГРЕЧКО Ольга Николаевна, аспирантка сектора археологии.

Статья поступила в редакцию 01.09.08 г.

© О. Н. Гречко

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСЛЯЦИИ МОДЫ В СССР В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

В 1950–1960-е годы население страны могло познакомиться с официально одобренным «советским стилем» в одежде. Для этого используются средства массовой информации и кинематограф. Политика открытости периода «оттепели» способствовала проникновению западных тенденций моды в СССР и возникновению иных направлений социалистической моды.

В последнее время растет интерес историков к советскому образу жизни, составной частью которого являлся костюм. Мода и социализм, на первый взгляд, совершенно несовместимые понятия. С самого начала отношения социализма к моде отличались враждебностью, считая ее «эстетическом пережитком» прошлого. Наилучшей одеждой для нового человека считалась утилитарная, лишённая бесполезных украшений спецодежда. В середине 1930-х годов был сформирован иной подход к моде с возвращением к некоторым символам традиционной моды. Цель — создание особого, единого для всех советского стиля в одежде с его основными характеристиками: скромность, простота и чувство меры. Весь процесс моделирования и производства одежды был подчинен централизованному контролю. Функция трансляции одобренного стиля в одежде была возложена на средства массовой информации и кинематограф. Смена идеологических вех произошла с утверждением у власти Н. С. Хрущева. Политика открытости способствовала смягчению официального отношения к западной моде, проникновению западных тенденций моды с Советский Союз. Это способствовало возникновению иных направлений в моде, отличных от образцов, регламентированных социалистической модой.

В настоящей статье предлагается рассмотреть механизмы трансляции моды в СССР в период «оттепели», когда происходит встреча социалистической и западной моды и окончательно формируется «советский стиль» в одежде.

Признав возможность существования моды в социалистическом обществе, руководство страны стремится к ее регламентации. Пропагандистом «советского стиля», получившим официальное одобрение, являются средства массовой информации, в первую очередь это специализированные журналы и буклеты.

Уже после войны постепенно налаживается выпуск модных журналов. К 1948 году преимущественно усилиями Московского дома моделей в СССР регулярно выпускался «Журнал мод» (тираж 50 тыс. экземпляров), а также более оперативные рабочие альбомы под название «Модели одежды» (тираж 70 тыс. экземпляров) [1]. Со временем ассортимент альбомов расширялся, их уже издают другие дома моделей, такие как Ленинградский, Киевский, Рижский. Например, Ленинградский дом моделей выпускал дважды в год тиражом 25 тыс. экземпляров «Альбом мод» с рисованными иллюстрациями, регулярно издавался журнал «Мода для полных женщин» тиражом 26 тыс. экземпляров под редакцией В. Г. Камин-

ской. Тот же дом моделей выпускал сборник «Блузы — юбки» тиражом 80 тыс. экземпляров под редакцией Т. Ивановой [2]. В сибирском регионе рисованные альбомы мод издаёт Новосибирский дом моделей. Альбомы мод распространялись через розничную торговлю по всей стране, в Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина сохранились альбомы мод, изданные различными моделирующими организациями, швейными и торговыми предприятиями.

Самыми осведомленными советскими изданиями о моде в СССР были эстонский журнал «Силуэт» и латвийский «Ригас модес», издававшиеся на двух языках, русском и латышском. Журналы распространялись по подписке и через сеть киосков «Союзпечать», но даже при значительном тираже их невозможно было купить. Главными достоинствами журнала «Силуэт» были точная информация о наиболее «приемлемых» для советского образа жизни тенденциях моды, качественные модные фотографии.

Странички моды существуют в периодических женских изданиях, таких как «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина». Здесь регулярно печатались модели одежды, разработанные ведущими домами моделей, экспериментальными лабораториями и ателье. К ним предлагались выкройки платьев, которые можно шить в домашних условиях, столь же регулярно появлялись и заметки о том, как следует себя вести и одеваться.

В стране издавались только советские журналы мод. Положение начало меняться во второй половине 1950-х годов. В декабрьском журнале «Советская женщина» за 1956 год опубликовано обращение Александры Гримм, журналистки, «в прошлом моделистки лучших парижских домов мод готового платья» с предложением информировать читателей о французских модах [3]. С 1957 года журнал начинает публикации этих материалов. Были представлены фотографии известного немецкого фотографа середины XX века Вилли Майвальда и модели Домов Жака Гриффа, Жана Пату и Люсиль Мангэн. Таким образом, начиная с 1956 года в модных публикациях чувствовался большой интерес к западным модам. Журнал «Силуэт» в специальном разделе «Со всего света» публикует перепечатанные «пиратским» образом фотографии из последних французских и английских журналов мод [4]. В 1959 году Всесоюзный институт ассортимента изделий легкой промышленности (ВИАлегпром) начинает издавать новый журнал «Модели сезона». В нем сочетались рисунки и фотографии женской, детской и мужской моды. Особенно в нем рекламировались советские модели

одежды, демонстрировавшие на IX Международном конгрессе моды в Бухаресте в 1959 году. В 1960-е годы ВИАлегпром выпускает журнал «Мода стран социализма», а для служебного пользования тиражом 200 экземпляров брошюру «Мода за рубежом», составленную Л. Монаховой и И. Андреевой, в которой кратко излагались основные европейские тенденции моды и прилагались фотографии, перепечатанные из журналов «Vogue», «L'Officiel», «L'art et la mode», «Femme chic», «La Donna». В Общесоюзном доме моделей также для служебного пользования составлялись обзоры французских журналов мод с описанием основных модных тенденций [5]. В 1958 году тиражом 110 тыс. экземпляров Ленинградским домом моделей был выпущен журнал «Иностранные модели одежды», в котором без указания авторства модельеров, но с указанием страны производителя были опубликованы цветные и черно-белые фотографии моделей одежды из Италии, Франции и Финляндии. В 1957 году возобновилось русскоязычное издание журнала «Америка», который послужил мощным источником информации о стиле жизни в США для советских людей [6].

В конце 1950-х годов в СССР начинают продаваться модные журналы социалистических стран, издаваемые на русском языке. Доступны советским модницам были болгарский журнал «Божур» и «Одивани», очень популярные польские журналы «Swiat Mody», «Pzejatulka» и «Kobieta i zyse». Среди портных успехом пользовались журналы из ГДР «Mode und Schnitt», «Für Dich».

Современная исследовательница А. Тихомирова в работе, посвященной особенностям моды и практикам потребления одежды в советской провинции, отмечает, что провинциальные женщины чаще предпочитали недорогие, совершенно незрочные внешне «Альбомы мод» различных, в том числе и республиканских, домов моделей. Для них были характерны схематично, на серой бумаге нарисованные модели и выкройки и лишь технологическая информация по самостоятельному производству вещи. На этом основании делается вывод, что гляцевые журналы (в частности, «Журнал мод») женщины из провинции считают нужными только для портных, шьющих на заказ [7]. Но скорее женщины не имели достаточного опыта использования таких журналов в своей повседневной жизни. Выписать или купить журналы мод в провинции было сложно, поэтому существовала практика их покупки в Москве. При проведении нами опроса среди жительниц г. Омска было выявлено, что женщины вспоминали «Журнал мод» наравне с «Крестьянкой» и «Работницей» [8]. Упомянулись и более редкие для Сибири журналы, такие как, журнал «Одивани», который отличался практичными моделями, а фотографии позволяли более точно представить, как это модель будет выглядеть на человеке и журнал «Америка» [9].

Для знакомства населения с модными тенденциями важную роль играли ателье. Непосредственно общаясь с клиентами, закройщики знакомили их с модным ассортиментом, кроем, цветовой палитрой и оформлением тканей. В ателье имелись отечественные журналы и альбомы мод. В исключительных случаях (в ателье люкс, высшей категории), изучив зарубежные журналы мод, закройщик мог рекомендовать их той или иной заказчице, предварительно откорректировав их в соответствии с требованиями «советской моды» [10].

Уже в послевоенное время получила распространение практика публичных демонстраций коллекций

домами моделей, где также продавались выкройки, давались рекомендации по подбору тканей. Но первоначально наибольшее распространение получили стационарные выставки новых моделей на манекенах или в виде стендов с прикрепленными к ним швейными и трикотажными изделиями, снабженными товарными ярлыками. Такие выставки одновременно использовались для изучения общественного мнения. Для этого распространялись специальные анкеты, с помощью которых собирались замечания и пожелания посетителей. Информация затем обрабатывалась дифференцированно, с учетом социального положения, образования и профессии посетителя. Тем самым сотрудники домов моделей, в обязанности которых было вменено «изучение спроса потребителей на модную одежду», выполняли фактически работу в области социологии моды [11].

Во второй половине 1950-х годов получают распространение модные показы на «живых манекенах». Обычно они проходили на сценах клубов и домов культуры. На высокой трибуне стоял искусствовед, который называл номер модели и, рассказывал о тканях, крое и цели создания модели, а милостивые девушки ходили по ковровой дорожке с большими номерами моделей в руках. Такой показ моделей был воспроизведен в художественном фильме «Девушка без адреса» (1957 г.). Практика показа моделей с номерами существовала и в парижских домах высокой моды вплоть до середины 1950-х годов.

Модные направления для всей страны задавал Всесоюзный институт ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды. На его показы в Москву съезжались представители домов моделей со всей страны. Получив «центральную установку», они возвращались домой, и создавали свои коллекции. Показы моделей были распространены в столице и провинциальных городах, осуществляли их не только дома моделей, но и фабрики, выпускающие массовые изделия. Не редко они выезжали с показами на предприятия и в сельскую местность, проводили показы на открытых площадках городов. Например, журналистка А. Соломина описывает воспоминания сотрудника Алтайского дома моделей в начале 1960-х годов: «В 1962 году в Барнауле можно было увидеть манекенщиц, прогуливающихся по Ленинскому проспекту в прежде невиданных пончо. Так Алтайский дом моделей знакомил барнаульских женщин с новинками модной одежды». [12]

Об одном из таких показов в г. Омске можно прочитать в заметке П. Требилова «Для вас, девушки»: «Сотни омичек посетили выставку швейных и трикотажных изделий, выпускаемых предприятиями города. Внимание зрителей привлекли изделия швейной фабрики № 4 «Большевичка» и фабрики № 3. На выставке была организована демонстрация моделей летней верхней одежды, созданных Новосибирским домом моделей. Всего было показано 75 моделей мужской, женской и детской одежды. Эти же модели новосибирцы с успехом демонстрировали в Москве, в павильоне легкой промышленности на ВДНХ. Понравились изделия Новосибирского дома моделей и омичам. <...>. «Пусть эти образцы одежды скорее идут в массовый пошив» — с такими пожеланиями покидали выставку омичи» [13].

В 1962 году Госместпром разрабатывает «Типовое положение по организации и проведении смотров швейных изделий, выпускаемых ателье и мастерскими промышленности местного подчинения РСФСР по индивидуальному заказам населения». Задачей смотров являлся обмен опытом по созданию лучших

моделей одежды, а также привитие эстетических вкусов населению. На выставках рекомендовалось организовать консультацию специалистов закройщиков (модельеров) по вопросам конструирования и моделирования одежды [14] по окончании выставки провести демонстрацию моделей на живых манекенах силами предприятий [15].

Первая такая выставка в г. Омске была проведена в период с 24 по 30 июля 1962 года. Комиссия по отбору на смотр-выставку швейных и трикотажных изделий индивидуального пошива рассмотрела и приняла изделия 14 предприятий, из всех представленных изделий с оценкой «отлично» и «хорошо» было принято 72 изделия [16]. Выставку освещала местная пресса. В газете «Омская правда» была опубликована статья Э. Ушаковой «Красиво, просто, изяшно». В статье приведено обращение начальника управления бытового обслуживания Омского облисполкома Л. И. Рудзинской к собравшимся: «Мы надеемся, что настоящая выставка поможет улучшить связь заказчиков с работниками швейной промышленности, принесет большую пользу населению. Все критические замечания и пожелания будут учтены» [17].

С этого времени такие выставки становятся регулярными.

Важной вехой в формировании модных предпочтений в советском обществе стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в 1957 году в Москве. Фестиваль молодежи продолжался две недели. Тысячи советских девушек и юношей впервые могли познакомиться с настоящими иностранцами. Поражал прежде всего внешний облик иностранных гостей: все они были одеты по-разному: пестро, удобно, спортивно и нарочито небрежно. Известный музыкант Алексей Козлов признавал: «Чувствовалось, что люди, приехавшие к нам оттуда, вовсе не придают такого значения своей внешности» [18]. «Мы только тогда и увидели, как выглядят люди, — вспоминала киноактриса Наталья Фатеева. — Они поражали всех своей яркостью — индийские ткани, шотландские килты, латиноамериканские сомбреро, яркая одежда. Праздник для нас длился все лето» [19].

В рамках Всемирного фестиваля проводился и VIII Международный конгресс моды. Показы модных иностранных фирм сыграли большую роль в изменении мировоззрения создателей отечественной моды. Египетские, итальянские, финляндские, французские, шведские фирмы привезли для показа в Советском Союзе практичные и приемлемые в повседневной жизни модели одежды. Журнал «Работница» в редакционной статье о показе международных мод на фестивале так описывает это событие: «Некоторые делегации привезли новые образцы одного из интереснейших видов прикладного искусства — моделирования современной женской одежды. Участникам фестиваля, а главное, его участницам было интересно увидеть, как одеваются их подруги в разных странах мира, и какие новинки они готовят к сезонам 1958 года. Впервые мы увидели в Москве такую разнообразную коллекцию парижских мод, привезенную на фестиваль гостями из Франции. 32 парижских дома мод показали 60 новых моделей женского верхнего и легкого платья, предназначенных для серийного выпуска в сезонах 1958 года» [20].

Помимо показов в домах моделей и журналов важное значение в формировании модных предпочтений советских потребителей играли советское и зарубежное кино. Именно кино было проводником моды для провинции, а наряды актрис — прямыми образцами для подражания. Женщины в кинотеатрах зарисовывали туалеты героинь, чтобы затем повторить их в домашних условиях, у частной портной или в ателье [21].

При проведенном нами опросе женщины г. Омска в качестве наиболее популярных кумиров кино выделяют Л. Орлову, Л. Гурченко, Н. Мордюкову, Э. Быстрицкую, И. Макарову [22]. Безусловно, самой элегантной женщиной в СССР считалась Любовь Орлова. Но самый запоминающийся модный образ конца 1950-х годов создала Людмила Гурченко, чья героиня из «Карнавальная ночь» (1956 г.) заразила весь СССР диоровским стилем «new look».

Во время Московского фестиваля впервые демонстрировались шедевры итальянского кинематографа. Это официальное мероприятие, так же как и закупаемые на Западе с одобрения Отдела по культуре ЦК КПСС фильмы, стали мощными каналами неофициального проникновения западной моды в СССР [23]. Итальянское влияние стало характерной чертой моды 1960-х годов. Кинофильмы Витторио Де Сики, Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, а так же культовый фильм 1953 года «Римские каникулы» У. Уайлера, показанный в СССР, как и другие, с опозданием, возбудили интерес ко всему итальянскому, что непосредственно отразилось на отечественной моде.

Западная мода проникала и распространялась по территории СССР и через советских граждан, выезжающих за границу в деловые, творческие и туристические поездки. После смерти И. В. Сталина железный занавес стал понемногу приоткрываться. Сначала за границу выпустили на соревнования советских футболистов. Затем на гастроли поехал Большой театр — вся труппа с оркестром. Затем цирк, ансамбль танца И. Моисеева, ансамбль «Березка». На протяжении всех 1950-х годов выездные артисты и спортсмены служили каналами проникновения в страну западных модных веяний, — они привозили не только новые идеи и впечатления, но и товары на продажу, которые распространялись через знакомых или сеть комиссионных магазинов.

Культурное проникновение извне было обусловлено общеисторическим контекстом оттепели, благодаря которому торговые отношения Советского Союза с зарубежными странами интенсифицировались. Торговые договоры стали одним из официальных каналов появления западной моды в СССР. Большая часть зарубежных товаров оседала в столице, но так как существовала практика общения с московскими родственниками и их окружением, кратковременные и длительные командировки в Москву, поездки на отдых и в турпоходы западная мода распространялась по стране.

Таким образом, признав возможность существования моды и в социалистическом обществе, партийно-государственный аппарат в 1950 — 1960-е годы стремится сформулировать концепцию социалистической моды, подходящей к условиям советской жизни. Для знакомства население страны с официально одобренным «советским стилем» в одежде, используются средства массовой информации и кинематограф. Особенностью модных публикаций в прессе и выступлений искусствоведов на показах одежды в этот период времени является их педагогическая направленность. Они определяли нормы, которым должны были следовать граждане, обладающие хорошим вкусом.

Западные модные тенденции подвергались цензуре, но политика открытости периода «оттепели» способствовало их проникновению в СССР. Информация о модных направлениях, как и сами вещи, ста-

новятся все более доступными, набирают силу неофициальные практики одежды, что способствовало возникновению неофициальной социалистической моды. И хотя официальный дискурс так и не отказался от своих требований к костюму и продолжил пропагандировать эту эстетику в журналах мод, он должен был адаптироваться к более быстрому течению времени, отказавшись в определенной степени от контроля за внешним обликом советских граждан.

Библиографический список

1. Журавлёв С., Гронов Ю., Власть моды и Советская власть: История противостояния // Историк и художник. — № 3. — 2006. — С. 113.
2. Васильев А. Русская мода 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 322.
3. Гримм А. Парижские коллекции // Советская женщина. — № 12. — 1956. — С. 44–45.
4. Васильев А. Русская мода 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 322.
5. Васильев А. Русская мода 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 322.
6. Васильев А. Русская мода 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 293.
7. Тихомирова А. В 280 километрах от Москвы: особенности моды и практик потребления одежды в советской провинции (Ярославль, 1960–1980-е годы) // Неприкосновенный запас. — № 5. — 2004. — С. 104.
8. Виниченко И. В., Тузова И. А., Рыженко В. Г. Формирование источниковой базы для изучения женского костюма периода «оттепели» // Современные тенденции и перспективы развития образования в высшей школе. Форум «Омская школа дизайна» / V Международная научно-практическая конференция: сб. ст.; под общ. ред. ректора ОГИС, профессора Н. У. Казачуна. — Омск: Омский государственный институт сервиса, 2007. — С. 31.
9. Из личной беседы с Л.Г. Шороховой.
10. Захарова, Л. Советская мода 1950-60-х годов: политика, экономика, повседневность // Теория моды. — № 3. — 2007. — С. 68.

11. Журавлёв С., Гронов Ю., Власть моды и Советская власть: История противостояния // Историк и художник. — № 3. — 2006. — С. 113.
12. Соломина А. Алтайская мода перебьет любую! // Свободный курс. — 2008. — 14 февраля // <http://www.altapress.ru/12102/>
13. Требилов П. Для вас, девушки // Молодой сибиряк. — 1960. — 13 июля.
14. ГАОО. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 60. Л. 16
15. ГАОО. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 60. Л. 1
16. ГАОО. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 60. Л. 4
17. Ушакова Э. Красиво, просто, изящно // Омская правда. — 1962. — 29 июля.
18. Аджубей А. И. Те десять лет: [Воспоминания о Н. С. Хрущеве]. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 244.
19. Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 298.
20. Показ международных мод на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов // Работница. — № 11. — 1957. — С. 32.
21. Захарова Л. Советская мода 1950-60-х годов: политика, экономика, повседневность // Теория моды. — № 3. — 2007. — С. 70.
22. Виниченко И. В., Тузова И. А., Рыженко В. Г. Формирование источниковой базы для изучения женского костюма периода «оттепели» // Современные тенденции и перспективы развития образования в высшей школе. Форум «Омская школа дизайна» / V Международная научно-практическая конференция: сб. ст.; под об. ред. ректора ОГИС, профессора Н. У. Казачуна. — Омск: Омский государственный институт сервиса, 2007. — С. 31.
23. Захарова Л. Советская мода 1950-60-х годов: политика, экономика, повседневность // Теория моды. — № 3. — 2007. — С. 71.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры «Конструирование швейных изделий».

Статья поступила в редакцию 19.06.08 г.

© И. В. Виниченко

Книжная полка

Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. к 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / под ред. Н. Г. Суворовой. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — 600 с. (переплет).

Сборник статей объединяет авторов, работающих в рамках региональной истории Российской империи. Статьи связывает большая имперская тематика, которая в современной исторической науке приобрела особую актуальность. В отдельной главе представлены новые исследовательские подходы в изучении Российской империи. Азиатский регион Российской империи рассмотрен в различных контекстах: социальном, экономическом, этническом.

Сборник издается к 50-летию профессора Омского государственного университета А. В. Ремнева. В нем представлены биографический очерк и библиографический список научных и учебно-методических работ юбиляра.

Адресован исследователям истории Российской империи, может быть использован при подготовке учебных курсов, для написания диссертаций и дипломных работ, в качестве учебного пособия при чтении специальных курсов по региональной и национальной истории.

По вопросам приобретения — (3812) 67-32-55

E mail: karpova@univer.omsk.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: К 20-ЛЕТИЮ С МОМЕНТА СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В статье рассматривается деятельность национально-культурных объединений татар Тюменской области, выделяются этапы национального движения татар данного региона, приводятся цели и особенности национального движения татар на каждом из этапов. На основании проведенного автором исследования делается вывод о перспективах национального движения татар Тюменской области на дальнейшее развитие.

В Тюменской области проживают представители около 140 народов. Татары в Тюменской области — крупнейшая после русских национальность. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в этом регионе проживает 242325 татар, не считая 7890 человек, назвавших себя сибирскими татарами [1]. Необходимо отметить, что татарское население Тюменской области этнически не гомогенно. Наиболее заметно выделяются поволжские/казанские и сибирские татары, и именно с деятельностью последних связан всплеск татарского национального движения, начавшийся в области с конца 1980-х гг. XX в. В данной статье пойдет речь об этапах данного национального движения, его целях на каждом этапе, а также итогах деятельности основных национально-культурных объединений татар Тюменской области (учитывая тот факт, что большинство национально-культурных объединений базируются в областном центре — г. Тюмени). Материал для статьи был собран в ходе работы в национально-культурных объединениях татар г. Тюмени и г. Тобольска, бесед с лидерами татарского национального движения Тюменской области, со специалистами Лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера РАН, а также чиновниками комитета по делам национальностей и департамента образования Тюменской области.

Несмотря на существование в СССР институциональных структур обеспечения национальной жизни (национальные республики, учреждения образования, культуры и т.д.), конечной целью государства провозглашалось сближение наций, стирание их различий и формирование единой исторической общности — советского народа. Исследователи считают, что в советское время татарская национальная культура в регионах России и тогдашнего СССР фактически прекратила свое существование [2]. Перестроечные веяния вернули народу интерес к своей культуре. Люди стали объединяться в общественные и культурные организации, постепенно интерес к национальной культуре приобретал осмысленные формы и организованные структурные элементы. Об этом наглядно свидетельствует появление многочисленных самостоятельных коллективов, которые возникли и

стали обретать популярность не только в своих регионах, но и за их пределами.

В условиях начавшихся в стране демократических преобразований и политических реформ, особенно в конце 1980-х — начале 1990-х гг., среди коренных сибирских татар наблюдается рост национального самосознания, живой интерес к своему происхождению, истории развития своей культуры и родного языка, к деятелям науки и культуры из сибирских татар, оставившим заметный след в истории своего народа. Стремление к возрождению своей национальной культуры, языка и государственности постепенно приобрело характер национального. С этими тенденциями связан первый этап национально-культурного движения татар в Тюмени, который длился с конца 1980-х гг. до 1996 г. На начальном этапе основными участниками национального движения татар были «представители различных социальных слоев коренных сибирских татар — ученые, преподаватели высших учебных заведений, учителя, работники государственных учреждений и культуры, рабочие, колхозники и т.п.» [3].

В 1988 г. в Тюменской области был создан комитет национального возрождения сибирских татар во главе с поэтом Б. Сулеймановым. С самого начала Комитет ставил вопросы о создании национально-территориальной автономии сибирских татар, о признании сибирских татар коренным народом, а также о создании письменности на народно-разговорном языке сибирских татар. Благодаря активной деятельности членов Комитета национального возрождения Б. Сулейманова и А.Г. Гаитова вышеозначенные проблемы получили широкий резонанс в Тюменской области, а затем в других областях Западной Сибири, а также в Татарстане. С усилиями этих людей во многом связано возрождение интереса к истории, традициям и языку своего народа среди сибирских татар.

В 1988 — 1989 гг. происходило создание центров национальной культуры в Тюмени, Тобольске, общественных организаций татар в городах Тюменского Севера: Нижневартовске, Нефтеюганске, Сургуте. В Тюменской области возникли коллективы татарской художественной самодеятельности, на радио и телевидении началось вещание на татарском

языке. Начиная с осени 1990 г. при поддержке Администрации области в Тюмени началось издательство газеты «Янарыш» («Обновление»), материалы которой печатаются на татарском и русском языках. Заслуга появления данной газеты принадлежит активистам из числа сибирско-татарской интеллигенции: Б. Сулейманову, А. Гаитову, Г. Ниязовой и др. В 1991 г. была создана Тюменская областная татарская молодежная организация (существовала до 1999 г.)

Летом 1989 г. в Тюмени был организован «круглый стол» «Сибирские татары между прошлым и будущим» по инициативе газеты «Тюменская правда», на котором присутствовали ученые из Москвы, Казани, Тюмени, Тобольска, работники культуры, просвещения, журналисты, профработники. Толчком для дискуссии стал выход в свет статьи поэта Б. Сулейманова «Сибирские татары — кто мы?» [4]. В данной статье, подробно рассматривая историю сибирских татар, автор затрагивает такие проблемы, как изучение татарского языка в национальных школах и преподавание истории своего народа, создание сибирско-татарской письменности и др. Активно дискутировался вопрос о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири и о территориальной автономии в рамках Российской Федерации.

Итак, к началу 1990-х гг. в Тюменской области действовало значительное число татарских национально-культурных объединений. В этой связи было принято решение создать единую татарскую организацию, объединяющую все национально-культурные объединения татар и регулирующую их деятельность. В сентябре 1990 г. в Тюмени была созвана учредительная конференция татар Тюменской области, принявшая решение о создании Ассоциации татар Тюменской области. В декабре 1990 г. состоялся учредительный съезд Ассоциации татар Тюменской области — организации, объединяющей все татарские общественные организации области — на которой были приняты программа и устав. Председателем Ассоциации был избран И.К. Рафиков. Программа Ассоциации татар Тюменской области определяет данную организацию как «добровольное объединение, включающее представителей татар, проживающих в Тюменской области, и лиц иных национальностей, способствующих сохранению и возрождению языка, культуры, национальных обычаев, традиций и веры» [5].

Проблема статуса сибирских татар в то время (как, впрочем, и сейчас) стояла очень остро, поэтому одной из первоочередных задач в программе Ассоциации признавалось признание статуса коренной национальности сибирских татар. В качестве гарантии национального самоопределения сибирских татар предусматривалось создание национально-территориальной автономии в виде образования национальных сельских советов и районов. Так, А.Г. Гаитов предлагал создать национально-территориальную автономию для сибирских татар на юге Тюменской области в 8 районах, а также в 5 прилегающих районах Омской области [6]. Для прочих татар предусматривалось предоставление статуса национально-культурной автономии [7]. Выдвигаемые членами Ассоциации претензии вполне можно понять: ведь, как показывает практика, при отсутствии статуса народа и при отсутствии обозначенной его именем территории на исконной части проживания данный народ обречен в итоге на медленное вымирание.

Главной целью Ассоциации являлось направление национального движения в организованное русло и объединение национальных общественных органи-

заций. Однако не все представители татарского национального движения приняли создание новой организации с воодушевлением. По словам заместителя председателя Комитета возрождения сибирских татар А.Г. Гаитова, создание Ассоциации «Сыбыр» было продиктовано боязнью властей, что национальное движение выйдет из-под контроля.

Первый этап национального движения татар был весьма насыщен событиями, а главной его целью было возрождение интереса к проблемам сибирских татар. Национальные лидеры сибирских татар выдвигали политические требования и активно боролись за их выполнение.

Если рубеж 1980-х — 1990-х гг. был временем образования первых национальных обществ, то 1990-е гг. стали временем институализации национального движения. Это стало основным содержанием второго этапа национального движения татар, который можно ограничить рамками 1996 — 2005 гг. Этот этап совпал по времени с появлением новых по сути общественных объединений. В 1996 г. был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», который положил начало формированию национально-культурных объединений нового типа — национально-культурных автономий — как формы экстерриториального самоопределения этнических общностей.

В соответствии с законом, 18 сентября 1998 г. по инициативе местных национально-культурных автономий на учредительном съезде татар Тюменской области была создана Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области. Сразу же необходимо отметить, что в самом названии национально-культурной автономии заложено характерное позиционирование сибирских татар в данном регионе, не встречающееся более нигде в Западной Сибири.

Основной целью НКА, согласно уставу, являлось содействие возрождению, сохранению самобытности, развитию родного языка, образования, национальной культуры, традиций и обычаев татар Тюменской области. Среди задач, стоящих перед национально-культурной автономией сибирских татар и татар Тюменской области, были такие как оказание содействия органам государственной власти в обеспечении нормального функционирования учреждений национального образования, культуры, студий; помощь в работе творческих союзов, профессиональных и самодеятельных коллективов, кружков по изучению национального культурного наследия; проведение культурных и просветительских мероприятий; пропаганда достижений татарской культуры, расширение контактов и связей с татарами других регионов и стран; создание СМИ на татарском языке и т.д.

В процессе деятельности у НКА сибирских татар и татар Тюменской области развились многочисленные связи, сохранившиеся до настоящего времени и помогающие решать поставленные задачи. НКА так или иначе сотрудничает со многими организациями и учреждениями: с областным краеведческим музеем, Центром сибирско-татарской культуры г. Тобольска, музеем с. Ембаево, областной научной библиотекой им. Д.И. Менделеева, средствами массовой информации Тюменской области, татарской газетой «Янарыш», татарской радиопередачей «Дусларга сукмак», татарской телепрограммой «Очрашулар», Всемирным конгрессом татар, с Федеральной национально-культурной автономией татар, центрами национальных культур городов и районной области, а также автономной некоммерческой организацией «Дворец наци-

ональных культур «Строитель», в котором существует отдел татарской культуры [8].

Несмотря на некоторую критику деятельности НКА со стороны ряда представителей татарского национально-культурного движения, можно отметить, что ее деятельность способствует сохранению и развитию татарской культуры, языка, традиций, этнического самосознания, а также обеспечению межнационального согласия в области. В состав Совета национально-культурной автономии татар входят представители многочисленных татарских национально-культурных объединений, занимающие различные позиции в обществе, благодаря чему для татар Тюменской области НКА в какой-то степени является координатором национально-культурной деятельности.

Для второго этапа, как и для первого, характерно требование национально-территориальной автономии для сибирских татар [9]. Однако политическая активность деятелей татарского национального движения на этом этапе снижается, что, тем не менее, не означает полное снятие национально-политической составляющей национального движения. Однако необходимо констатировать, что на втором этапе происходит смещение приоритетов национального движения татар в сторону национально-культурной деятельности. Цели национального движения татар на данном этапе можно свести к тем, которые были записаны в уставе НКА сибирских татар и татар, проживающих в области.

На втором этапе продолжается активная работа по культурному обслуживанию татарского населения в сельских районах и северных автономных округах. Центры татарской культуры работают в Вагайском районе, в Тобольске, Ялуторовске, в Тюменском районе (с. Ембаево), в гг. Нижневартовск, Сургут, Салехард, Ноябрьск, Нефтеюганск.

Значительным явлением для татарского национального движения стало образование на этом этапе Региональной татарской общественной организации «Наследие» (в других источниках — Тюменского областного общественного благотворительного фонда «Наследие»), возглавляемой Л.А. Шамсутдиновой. В отличие от уже описанных национально-культурных объединений, организация «Наследие» базируется в г. Тобольске, поскольку в этом городе проживает ее лидер. Основной целью деятельности данного национального центра является возрождение сибирско-татарской идентичности путем изучения национальной истории и возрождения национальной культуры. Активисты «Наследия» ратуют за восстановление преподавания татарского литературного языка в сельских школах, за восстановление национальных татарских школ на селе в районах компактного проживания татар (что планируется осуществить в ближайшей перспективе), создание системы полного цикла обучения в средней школе на родном языке в Тюмени и Тобольске и т.п. Важной составляющей деятельности организации также является внедрение в научное сообщество актуальных проблем, стоящих перед татарским национальным движением, а также инкорпорация в сознание политической и интеллектуальной элиты региона татарского исторического наследия, культуры, законности этнокультурных, социальных и этнополитических интересов татарского населения региона. В марте 2006 г. организация начала выпуск газеты «Мирас», размещающей материалы как на татарском, так и на русском языках. Организация «Наследие» позиционирует себя независимо и отдельно от национально-

культурной автономии татар, проводя свои мероприятия совершенно самостоятельно.

Таким образом, на протяжении первого и второго этапов развития татарского национального движения в Тюменской области были созданы татарские национальные организации, НКА, сформировались устойчивые группы национальных активистов, с чьими усилиями связаны эти успехи, функционировали СМИ на татарском языке. Движение за национальное возрождение, начавшееся в конце 1980-х гг., приостановило процесс русификации среди татар.

С 2005 г., по нашему мнению, начинался новый (третий) этап развития татарского национального движения в Тюменской области. Особенностью данного этапа является смена лидеров татарского национального движения. По мере старения одних участников национального движения и смены жизненных стратегий других происходило истончение и без того немногочисленного слоя национальных энтузиастов, а значит и снижение их воздействия на предполагаемую ими социальную среду (татарское население). Изменилась и сама татарская среда. Увеличилось количество татар, проживающих в городах, повысился их образовательный уровень, увеличились социокультурные и социально-экономические различия между поколениями. Вместе с тем продолжался процесс аккультурации и ассимиляции татар с окружающим населением. Назрел кризис татарского национального движения, однако разразиться в полной мере ему не дало то обстоятельство, что в недрах татарского национального движения сформировалась новая генерация национальных активистов 20 — 40-летнего возраста. Именно они начинают играть сейчас все более заметную роль в перестройке татарского национального движения в Тюменской области.

Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области, на данном этапе продолжает свою активную деятельность. К настоящему времени в ее состав входит 10 городских и районных национально-культурных автономий. Среди наиболее значимых мероприятий, проводимых НКА, организация областного и районных праздников «Сабантуй», детского смотра-конкурса «Утренняя звезда», научно-практической конференции «Сулеймановские чтения», «Дней татарской культуры» Тюменской области. При этом ошибочно было бы полагать, что деятельность НКА сибирских татар и татар Тюменской области сводится к организации праздников и мероприятий. Это всего лишь внешняя сторона работы данного национально-культурного объединения, причем немаловажная, поскольку для большинства обывателей именно участие национальных коллективов в концертах, фестивалях и праздниках является критерием успешной работы.

В рамках Совета НКА сибирских татар ведется постоянная работа по разрешению внутренних проблем татарского национально-культурного движения (насколько это возможно). В рамках «Дней татарской культуры» НКА проводит «крутые столы», выездные концерты, семинары, мастер-классы в местах компактного проживания татарского населения. На выездных заседаниях НКА освещаются не только успехи, достигнутые на местах, но и конкретные проблемы в области национальной культуры, образования. Члены Совета НКА сибирских татар работают также над совершенствованием самого механизма функционирования национально-культурной автономии. В ходе анализа работы НКА они выдвигают конкретные предложения по совершенствованию де-

тельности своей организации (к примеру, введение оплачиваемых штатных единиц на освобожденной основе, создание предпринимательской структуры для обеспечения жизнедеятельности и финансовых расходов национально-культурной автономии и др.)

Интереснейшим явлением современного этапа национально-культурного движения татар Тюменской области стало образование 20 апреля 2007 г. Тюменской региональной общественной организации «Конгресс татар Тюменской области» (КТТО). По мнению многих представителей татарской общности, а также специалистов Лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера РАН, данная организация является альтернативой существующим татарским национальным объединениям и к тому же позиционирует себя как таковая. К сожалению, по причине непродолжительного существования о «Конгрессе татар Тюменской области» известно немного. На сайте организации можно почерпнуть информацию о структуре КТТО, проведенных за время его существования мероприятиях, и не более того. Остаются неясными цели и задачи, преследуемые Конгрессом. Но, судя по тому, что одним из лидеров КТТО является влиятельный в области татарский бизнесмен, можно сделать предположение, что с помощью вновь созданной организации ее лидеры будут добиваться повышения своего авторитета в глазах татарской общности и, наиболее вероятно, преследовать политические цели.

Таким образом, третий этап национального движения татар Тюменской области связан со значительными изменениями внутри самой национальной среды. Требование национально-территориальной автономии, характерное для первого и второго этапов, уже не звучит со страниц печати и в лозунгах национальных лидеров. Однако на третьем этапе на первый план выдвигается инициатива по включению сибирских татар в список коренных малочисленных народов Сибири на основании данных Всероссийской переписи населения 2002 г., звучащая в резолюциях съездов НКА сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области. В целом же основой деятельности национально-культурных объединений татар остаются национально-культурные мероприятия.

Можно также констатировать, что к настоящему времени в рамках татарского национального движения сформировалось единое мнение по одному важному вопросу. Так, участники татарского национального движения считают неверным закрепление государствообразующего статуса лишь за русским народом и недоумевают, почему требование толерантности вменяется в обязанность лишь нерусскому населению, а проявление его национального возрождения трактуется как национализм.

Итак, с момента создания первых национально-культурных объединений татар в Тюменской области прошло 20 лет. Национальное движение татар за это время прошло три этапа развития, каждый из которых имел свои цели и особенности. К настоящему моменту в недрах национального движения татар выросло новое поколение лидеров, пришедших на смену Б. Сулейманову и А. Гаитову. Также можно констатировать, что по сравнению с первым этапом, на котором цели национального движения татар в основном носили политический характер, на втором и третьем этапах данного движения произошло смещение целей в сторону обслуживания национально-культурных потребностей татар региона. Однако это не означает, что будущее татарского национального движения предрешено, т.к. современные национальные активисты не менее деятельны, чем их предшественники, и так же активно ратуют за сохранение национального языка, традиций и обычаев татарского народа. Именно поэтому татарское национальное движение в Тюменской области имеет перспективы дальнейшего существования.

Библиографический список

1. Национальный состав и владение языками, гражданство. — М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1) — С. 91.
2. Закиров Р.З. Формирование этнической и культурной идентичности татар в XX веке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Р.З. Закиров. — Казань, 2007. — С. 34.
3. Исхакова Т.М., Валеев Ф. Т.-А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» ИЭА РАН. — М., 1996. — С. 5.
4. Сулейманов Б. Сибирские татары — кто мы? // Тюменская правда. — 1989. — 22 июня. — С. 2.
5. Исхакова Т.М., Валеев Ф. Т.-А. Указ. соч. — С. 22.
6. Гаитов А.Г. Об автономии сибирских татар // Сибирские татары: история и современность : материалы науч.-практ. конф. 17-18 июня 1990 г.). — Тобольск, 1990. — С. 47-48.
7. Исхакова Т.М., Валеев Ф. Т.-А. Указ. соч. — С. 19.
8. Зиганшин Р.С. Мы — татары // Национальные культуры региона. XI Вып. — 2006. — С. 29.
9. Садыков К.С. Возможности национально-культурной автономии в возрождении сибирских татар : материалы науч.-практ. конф. «Сулеймановские чтения-99». — Тюмень, 2000. — С. 72-73.

ЧЕПИЛКО Анна Александровна, аспирантка сектора этнографии.

Статья поступила в редакцию 23.06.08 г.

© А. А. Чепилко

ОСОБОЕ МЕСТО ПРАЗДНИКА «ПАСКИ» В ПРАВОСЛАВНОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ У РУССКИХ В ПРЕДБАЙКАЛЬЕ

В статье впервые рассмотрено празднование Пасхи в Предбайкалье в XIX — начале XX в. в семьях русских старожилов. Автор излагает полевой материал, сохраняя образную речь сибиряков, постепенно восстанавливая картину праздника. Поясняет церковную символику, обращаясь к духовной литературе. Вы узнаете, как ребёнок в православной семье учился хранить верность пасхальным традициям предшествующих поколений. Результаты исследования представлены на Всероссийских конкурсах педагогических программ в сфере образования и культуры. Статья предназначена для этнографов, историков, филологов, руководителей фольклорно-этнографических ансамблей, интересующихся русской традиционной православной культурой.

К «Паске» (так называли в Предбайкалье этот праздник старожилов в XIX — начале XX в.) крестьяне готовили себя не только духовно, телесно, но и наводили тщательный порядок в своих жилищах, во дворах за неделю до праздника, к Вербному воскресенью. Дети были первыми помощниками во всех хозяйственных делах, об этом нам с трепетом рассказывали коренные сибирячки, вспоминая детские годы, как велик был праздник «Паска» у русского православного народа. «Каждую палочку надо вымать», «всю посуду», — единогласно утверждали старожиловы. А молодая женщина, родившаяся уже в советское время, вспоминала: «Раньше мама говорила: «К Пасхе должна каждая щепка в доме омыться», — все «вышеркает...чугунки, сковородники...песком, все протвени, на которых пекла и ... всё стирает». «Мыли все стены в аграде», кроме тех, «...что оне к даждю», а их обычно обшивали досками, «...к солнцу мыли», — поясняли сибирячки, — «особенно эту сторону. К Паске всё перемоют. Всё чтоб чисто было. У амбара стены мылись (уличные). Всё вышаркашь до бела...наличники вымашь, набелишь их» [3].

На чистоту и опрятность сибирского жилища указывали ученые [7, с. 65; 8, с.208]. Таким образом, девочек матери приучали к аккуратности, соблюдению порядка в доме. «Весили занавески на окна только в праздник, поясняла старожилка, — а в будние дни на подоконниках стояли цветы. Крайние половики (в зале) только к Паске раннее слали. Половики раньше сами ткали, везде половики набивали...на гвоздочки, штоб они ни стягивали. Теперь все убрали, чиста Вербной воскресенье встречали. Пойдём в церкву, понесем пихту...и...вербочку. Батюшка освятит их». «Деточки, ребятишечки» традиционно ломали веточки вербы, а мать «нарезала» её покупными цветочками, сделанными из бумаги в виде розочек... «всяки разны: и голубинька, и розовинька, и красинька», привязывая провололочкой «на каждый от кусточек». «Вербочка» стояла «акала» иконки в течение года. На второй год «иё сымали» и сжигали в печке говоря: «Господи, благослови!». На данном примере, в детях

воспитывалось благоговейное отношение ко всему, что освещалось в храме. Внутри украшали избу, «как цвяточек была красива», — рассказывали сибирячки. Специально к «Паске» из деревни, «кто на конях...вырадят... нароком (т.е. обязательно) в тайгу за пихтой». Раньше пихту, на каждой веточке которой был бумажный цветочек, «вяночкам» приколачивали «на стянам» и обрамляли ею в доме иконы, фотографии, зеркала. А также пихту использовали для украшения и в церкви. Её старались не убирать до Троицы, а если начинала желтеть, то «её сымали» и сжигали в печке. Можно предположить, что ветви вечнозеленого дерева олицетворяли у русских бессмертие христианской души.

После того, как был наведен порядок в доме, во дворе, сибиряки приступали к подготовке праздничного пасхального стола. По мере своих способностей и возможностей каждый член семьи принимал в этом посильное участие, особенно дети. В «Великий Четверг» традиционно в Предбайкалье женщины выпекали две ковриги. «Одну с крестом, а вторую без креста. Ложили ковриги друг на друга, ковригу с крестом ложили сверху», — вспоминали бабушки. Затем «ковригу с крестом выносили в амбар в засек и ложили в семенной хлеб», и берегли до посевной. В день выезда в поле её резали дома на две части, одну часть везли в поле, «ели сами и давали лошадям», другую часть съедали дома. А нижнюю ковригу (без креста) отдавали батюшке в день «Паски» [3].

Выпечка двух ковриг, их соединение, с изображением креста на верхней ковриге напоминает подражание церковной двухсоставной (имеет верхнюю и нижнюю части) просфоре, которой, по учению Православной церкви, напоминает «о единстве двух природ, Божественной и человеческой, в Господе Иисусе Христе» [10, с. 5] или старинном обряде принесения двух квасных хлебов в праздник Пятидесятницы [11, с. 588].

В обычае выпечки старожилами двух ковриг в Пасху находим объяснение у духовных учителей. По их учению крест связал небо и землю, соединил Бога

и человека. «Христос, принимая смерть не на земле, а в воздухе (на кресте), упраздняет враждебные силы, наполняющие среднее место между небом и землей» [6, с. 2]. Эта традиция между домом старожила-сибиряка, как малой церкви и храма, подтверждает глубокую веру крестьян в крест как орудие спасения. По примеру родителей, дети с раннего возраста приучались видеть в кресте путь к Богу и через него возможность бороться и избавляться от бесов, своих грехов. А то, что нижнюю ковригу отдавали священнику, в этом прослеживается видоизмененный древний обычай, когда лучшие хлебы христиане приносили в храм, ведь слово «просфора» в переводе с греческого означает «приношение» [10, с. 5]. Христиане данной традицией учили своих чад почтительно относиться к священнику и делиться с ним лучшим хлебом, даром Господним.

Также к Пасхе стряпали два («один побольше, другой поменьше») или три («большой — хозяин, средний — хозяйка, маленький — ребенок») кулича. Сведения рассказчиц в отношении употребления куличей расходятся. По утверждению некоторых, один кулич съедали в Пасху, а другой оставляли на родительский день; а по рассказам других — куличи «старались в Пасхальную неделю вообще не трогать». А также в этот день стряпали «ватрушки, шанежки, калачики», «печенье...пирогі рыбны». Для лучшей сохранности «стряпушки» складывались в корзину и «подвешивались» за веревочку на «вышке». А в д. Нижний Кукунут «вареником настряпают, блины». Не стряпали в Великий Четверг только приженники (пирогі) с осердием и луком. Вероятно потому, чтобы они были свежими. Хозяйки обычно вставали утром «до свету» перед Пасхой, чтобы их испечь на противне в русской печи. «Когда их вытаскивали из печи, обильно поливали топленным маслом. Держали в глиняном горшке (мотигле), а сверху покрывали влажной тряпочкой и сковородой (крышек не было). Держали теплыми до окончания обедни». Делали «свой сладкий сыр» (т.е. творог), иногда с изюмом, перемешывая его с тремя яичными желтками, хорошо растолченным сахаром или сахарином, «клали» сливочное масло или сметану. Ложкой на его поверхности «выдавливали крест» или выкладывали в специальный деревянный сосуд, сделанный из четырех дощечек, который прижимал содержимое. Затем это блюдо выносилось в погреб, когда застывало, то ставили его «в угловичок под иконы».

Традиционно в Предбайкалье «...в Великий Четверг... яички красят всё к Паске». «Яйца красили... ведрами» луковым пером «...где-то до 100 яиц». Затем их убирали в подполье или вылаживали в хлебную чашку, в которой выпекали хлеб или на тарелку. Но в некоторых населенных пунктах варили и красили «яйца разными цветами красок» в субботу. «До Паски яйца ис ни давали. Вот и копили». «Ну, яйца — это как Христос воскрес, на Паску», поэтому есть их не разрешалось. Яйца с пасхального стола в Паску раздавали детям, «кто в гости придет, яички».

Из мясных блюд на пасхальном столе был обязательно копченый окорок, в который для запаха добавляли гвоздику. «Его обкладывали цветной вдвое сложенной по краям, мелко нарезанной бумагой. По четырем углам по цветку из этой же бумаги» [3]. На традицию украшения этого блюда в Предбайкалье свидетельствовала сибирский этнограф [1, с.53]. Окорок «стоял», всю Пасху его не ели. Часть отрезали в родительский день и съедали дома, так как на кладбище раньше еду и вино не носили, а оставшуюся часть окорока доедали в посевную.

К Великому празднику запекали в печке поросенка-асосок (молочный поросенок, сосущий молоко), а если не было, то брали его в долг друг у друга. А также жарили мясо, «котлет наварят», готовили холодец. Похлебку (т.е. суп) варили «канный день» всю Пасхальную неделю. По воспоминаниям старожилов, все испеченное и сваренное в Четверг «ставилось» на угловичок или стол под иконами в горнице или иногда так называемой большой комнате. Эта традиция в Предбайкалье, по воспоминаниям сельской жительницы, бытовала ещё в её детские годы, т.е. в 40-е годы: «Паску делали...и она стояла...в переднем угле, на уголке, на уголочке. А сейчас ни у кого не увидишь». По христианскому преданию, в Великий Четверг был последний тайный ужин (Тайная Вечеря) Христа с учениками по случаю еврейской Пасхи. Вероятно, в память об этом ужине русские старожилы готовили блюда Пасхального стола. В этот день на стол обязательно ставилась полная солонка соли. «Без соли стол пустой, — поясняла бабушка. — Хлеб-соль есть — стол полный». Возможно, «четверговую соль» связывали с подачей Христом Иуде «смоченного» в соли куса хлеба, а может быть крещёные считали «солью земли» апостольскую проповедь, которая должна «осолить» прогнивший мир [9, с. 6]. Тщательная подготовка к Пасхе помогала юным чадам постичь не только религиозный, но и нравственный смысл этого праздника.

События Страстной недели (седмицы) — последней недели в жизни Иисусу Христа — подробно читались в храмах. Родители, если не могли присутствовать сами, то обязательно отправляли детей в церковь слушать «страсти». А некоторые крестьяне ездили даже в г. Иркутск. Вот что об этом рассказала нам 99-летняя бабушка: «Мы с Егорьевной ездили в Иркутск, слушать страсти, как читали. Читали оне мужичины. По полной церкви та собирались» [3]. Этот рассказ иллюстрирует строгое соблюдение старожилами всех событий Священного Писания в дни Страстной недели.

Обращают на себя внимание воспоминания сибиряков об огне, который верующие приносили домой из храма. Об этом обычае находим упоминание и у ученых [4, с. 13; 2, с. 93]. В одних населенных пунктах это событие происходило в Великий «Четвериг», в других — «с субботы на воскресенье», т.е. в Пасху. Примечательны рассказы об огне коренных сибирячек. «Огонь выносили в Великий Четвериг..., ну, дают там в церкви обедню служат, а все со свечами стоят. Ну, домой несут огонь... приносили кресты делали на матне в избе...крест этот поцелительный. Человек заболит, его скоблят и в воде разводят, поят. Ранее врачей вед не было». По народному поверью, пламя, взятое от лампад в Чистый четверг, которое горело во время чтения священниками 12 отрывков из четырех соноптических Евангелий, обладает огромной целительной силой.

А в Усть-Орде молодые парни и девчата накануне праздника сами делали цветные фонарики, четырехцветные квадратные (цвета: розовый, синий, красный, оранжевый) и округлые одноцветные. Вероятно, эти фонарики использовались для принесения огня из храма домой, так как в другие праздники о фонариках сибиряки не упоминали. Можно предположить, что эта традиция русских была связана с олицетворением сошествия Благодатного Огня на гроб Господень в иерусалимском храме Воскресения Христа в Великую Субботу. На примере этой святыни, унесенной из храма домой в виде зажженных свечей, ребенок приучался верить в воскресение Христово и целебную силу Благодатного огня.

С субботы на воскресенье «на Пасху не спали ране. Пока заутрени, не печь не топили, никово. Холодно было (в доме)», — вспоминала бабушка. Эту традицию в Предбайкалье подтверждали и другие старожилы: «Паска только начинатца, первый день мы не спали вовсе. В церкву ходили, Боху малилис. К заутрени я каждый год ходила, все постилась накануне Паски... Иисус Христос быв мертвый. У нас в церкви быв он весь исколотый, изрезанный, гробница стояла. Выносили гробницу посереде Паски. А в Христов день Иисус Христос воскресе пели его насупротив. Всю Паску звоняли кому ни лень, ходили звонили... ой, на все колока (колокола), как забьют». А в с. Усть-Орда, по сообщению другой христианки: «Посреди церкви висел иконостас со ста подсвечниками. Свечи зажигали только в большие праздники. Находилось специальное приспособление, которое называли плащаницей, и считалось, что там лежит мощи Христовы. Место было застелено бордовым бархатом, и сверху лежал золотой крест. Никто не подходил, боялись». В этом рассказе о плащанице Христовой подчеркивается пример воспитания детей русских в страхе Божиим перед церковной святыней, благоговейного отношения ко всей утвари храмовой, находящейся в Доме Божиим. В юных чадах родителями вкоренялась та мысль, что осквернение святыни несет смерть, причем смерть вечную.

Вокруг церкви в Пасху совершали крестный ход. «Батюшка нес крест, шел понамарь (подсобный), молодые парни или мужчины несли иконы. Заутрени отойдет, били три маленьких колокольчика: «Тилинь-тилинь-тилинь», — а затем ударял три раза большой колокол, и начиналась обедня. Ещё молились полтора-два часа. Покупали свечи кто сколько мог и ставили к иконам Богородице, Иисусу Христу. Затем выходил батюшка, христосовался и всех благословлял... Затем мы шли домой. Тятя зажигал в горнице перед иконами лампадку и по три свечи с обеих сторон, читал молебен, мы молились стоя, а затем кланялись. После сядили за стол в прихожей».

По сообщению пожилой женщины, в их деревне церкви не было, и они перед Пасхой ходили с ночевкой всей семьей в другое село. Ей тогда было лет восемь или девять: «Один раз, на всю жиз запомнила, пастилас я, ис хачу, там же утрам рана в пять часов нада в церкву...и ни дали ис...пашли Богу малилис...ис ахота, мы плачим: «Кагда нас причастят?» (Та штоб в магазин убязгать-та)...причастили, батюшка паставил нас на коленки, ну, прашения прасил у нас, всё ну прощали...». Подобные сведения подчеркивали, что Пасха — это не просто праздник, это — суть христианства. А суть христианства — это жертвенность телесная и духовная во имя ближнего и Бога.

В первый день Пасхи, по воспоминаниям старожилов, обязательно всей семьей разговлялись «яичкам». В этот день «делать ничо не делали, только за скотом. Эта яда вся готова была, наделана. Кто в гости прийдёт — яички». «Ну, приходили старушки: «Христос воскрес!» — а ты отвечаешь: «Во истину воскрес!». Христосовались. Целовались. Угощают там раньше бурдук, кулага, катлеты, ну печенья...эти спускаю. Ну, ка всей радне хадили в гости». «Целую неделю отдыхали, — вспоминала бабушка, — ходили в гости... входя в дом, вначале пели: «Христос воскрес!» — а затем говорили три раза: «Христос воскрес!». Пили чай, а вино не пили, может, где-то парни потихоньку выпьют, чтоб не видели родители. А в Пасху пили только по рюмочке кагора, когда приходили из церкви». До Вознесения в Предбайкалье русские праздновали Пасху и при встрече говорили друг другу: «Христос

воскрес!» Праздновался праздник степенно, сдержанно, старожилы его ещё называли «Христов день». Совершаемые в ходе праздника обряды становились школой духовно-нравственного воспитания чувств как для детей, так и для взрослых.

«Первое в Паску и в первый день Паски батюка ходив». Об этой традиции встречаем упоминание и у других старожилов-сибиряков. Например, в с. Усть-Орда после молебна батюшка («отец Василий») шел в каждый дом, с ним ходили «соломщики» и крестьяне, которые помогали носить иконы. Впереди была икона Пресвятой Богородицы, прикрепляли её «на шест с кисточками». Входя в дом, батюшка пел молитву и затем говорил: «Христос воскрес!». Все стояли и молились. Иконы «ставили» на лавки, табуретки. Батюшка всё кропил святой водой. До прихода священника крестьяне «налаживали» на большой стол. Обязательно готовили две деревянные выдолбленные из березы чашки с зерном, ставя их друг на друга. После освящения семенную пшеницу из верхней части хозяин высыпал в свой сусек, а из нижней чашки зерно подростки высыпали в мешок батюшке. «Соломщики» грузили на «возок» священнику продукты, которые духовный отец увозил в город Иркутск и отдавал в монастырь, приют или раздавал бедным. В этих обычаях ребятишек русские воспитывали на двух моментах. Первый: все семена перед посадкой должны благословляться с помощью чтения специальных молитв и освящаться; второй — кроме духовной жертвы, должна быть у христианина жертва материальная, выражающаяся в милосердии, а значит, любви к ближним.

На Пасхальной неделе ребятишки яйца катали «всяка разна», «рыли лунки и катали мяч», скакали в «Скакульки», «Просу сеели». У каждого во дворе была верёвочная качеля «с досточкой» для детей. А парни делали «на лужку» большую качелю, ставя следы. Садилась на «качулю» по пять — шесть человек, а иногда «две девки сядут, а ребята станут на доску, за верёвки держатся и раскачивают, раскачают, раскачают»:

Ты качай, качай, качеля.
Отчего будут румяны,
Ты раскачивай, качай.
Когда на сердце печаль.

Взрослые играли в городки и в бабки, «и в лапту все вместе с ребятишками, с дивчонки и взрослые играли тоже». А также «маленьки и больши» (имеется в виду взрослые) играли в «Разлучку», «типерь «Тавкушка» называца». А на «лужанке» пели «На стульчике купчик»:

На стульчике купчик,
Ты кого купчик любишь,
На стульчике купчик,
Ты кого купчик любишь?
Ванечка — голубчик,
Кого приголубишь,
Ванечка — голубчик.
Кого приголубишь?

Бабушки рассказывали нам, что на второй день Пасхи выходили на полянку старухи «песни поют, интересно было». «А ране рабаты ходили с кампанией с гармонией...на полянку». Из вышеприведенных игровых традиций видно, что родители помогали детям в их адаптации и сплочению с другими членами православной общины.

Заканчивалась Пасхальная неделя, по воспоминаниям долгожительницы, вот как: «...в воскресенье роняли качулю, не было уж, растащали всё» [3]. Опи-

сание праздников «Вербно воскресенье» и «Паски» находим у сибирского ученого [5, с. 36 – 41].

Таким образом, праздник «Паска» был праздником праздник для верующих. Чистота, порядок, наводимые христианами накануне Пасхи в жилищах, и украшение их воспитывали в детях веру в подражание жизни раю небесному на земле. Приготовление пищи сибиряками для пасхального стола в Великий Четверг, слушание «страстей» в церкви, благоговейное отношение к Благодатному огню, участие в Пасхальной службе (полунощница, утренняя, литургия), покаяние, причастие, христосование, целование, хождение священника с иконами по домам прихожан, принесение материальной жертвы неимущим, сдержанность в праздновании Пасхальной недели – всё это говорит о том, что жизнь семьи русского старожила Предбайкалья, начиная с малых лет, подчинялась тому ритму православного праздника, который был выработан церковью.

Статья послужит основой для изучения традиционной православной культуры русских старожилов Сибири. Исследовательский материал может быть использован в учебном процессе вузов и школ, в преподавании спецкурсов, лекций и семинаров по истории, этнографии, филологии и культурологии. А также при создании трудов по истории религиозных конфессий.

Библиографический список

1. Авдеева-Полевая, К.А. Записки и замечания о Сибири [Текст] / К.А. Авдеева-Полевая // Записки Иркутских жителей / Сост. М.Д. Сергеев. – Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 53.
2. Базилишина, М.Р. Мифы. Обряды. Праздники [Текст] / М.Р.Базилишина // Народная культура Приангарья; Обл. центр народн. тв-ва и досуга. – Иркутск: Изд-во гос. учреждения Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», 2001. – Вып. 1,2. – С. 93.
3. Белобородова, Н.М. Полевые исследования 1994 – 2006 гг. [Текст] / Н.М.Белобородова.

4. Виноградов, Г. Детский народный календарь [Текст] / Г.Виноградов. – Иркутск: ВСОРГО, 1924. – С. 13.

5. Виноградов, Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния [Текст] / Г.С. Виноградов. – Иркутск, 1918. – С. 36 – 41.

6. Диакон Кураев, А. Почему нужен был крест? [Текст] / А. Кураев, диакон. – Православная Бурятия. – 2006. – № 17 (138). – С. 1 – 2.

7. Лебедева, А.А. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII-XX в.в.) [Текст] / А.А.Лебедева, В.А.Липинская, Л.М.Сабурова, А.В.Сафьянова // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири; Отв. ред. В.А.Александров, АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1974. – С. 65.

8. Липинская, В.А. Жилище русского населения восточных окраин Алтайского края (конец XIX - начало XX в.) [Текст] / В.А.Липинская, А.В.Сафьянова // Хозяйство и быт западного сибирского крестьянства XIX – начала XX в.; Отв. ред. В.А.Александров; Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 208.

9. Митрополит Вениамин (Федченков). Веселая благодать Пасхи [Текст] / Вениамин (Федченков) // Православная Бурятия. – 2008. – № 7 (176). – С. 6.

10. О просфоре и ладане [Текст] / Автор - сост. О.А.Казаков; Отв. ред. А. Блинский. – СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2001. – С. 5.

11. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2006. – С. 588.

БЕЛОБОРОДОВА Нина Михайловна, аспирант кафедры истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ), учитель музыки МОУ «Усть-Ордынская СОШ №2» им. И. В. Балдынова Иркутской области, Эхирит-Булагатского района.

Статья поступила в редакцию 02.06.08 г.

© Н. М. Белобородова

УДК 930.1

С. В. ГОЛОВИЗНИН

Омский терминологический центр –
Институт терминологии и перевода

Е. М. ШТАЕРМАН О СИСТЕМЕ КЛАССИЧЕСКОГО РАБСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В статье представлен анализ исследования Е.М. Штаерман классического рабства в Риме с позиций определяющего значение форм собственности. Такой подход исследовательницы востребован и изучается в современной отечественной историографии античности.

В советской историографии проблема классического рабства в античных обществах Греции и Рима занимала одно из ведущих мест в исследованиях специалистов. Было потрачено много сил на то, чтобы доказывать именно рабовладельческий характер ан-

тичных обществ в противовес авторам немарксистских концепций, которые находили в древности феодальные и капиталистические отношения. При этом советские антиковеды в 30-40-х гг. XX в. сумели создать такие широко известные мифы о том, что в

римских необъятных латифундиях безжалостной эксплуатации подвергалось огромное количество рабов, которые, не выдержав зверских истязаний, поднялись на революционную борьбу и сокрушили Западную Римскую империю.

Ситуация существенно улучшилась в 50-80-х гг., когда система классического рабства в Риме подверглась переоценке специалистов с большим упором на материал источников, а не марксистские социологические схемы в интерпретации И. В. Сталина. Широкое использование источников различного плана позволило специалистам дать более объективную характеристику рабства и его роли в экономическом развитии древних обществ [1. С. 353].

Важный вклад в изучение данной проблемы внесла исследовательница Е. М. Штаерман (1914–1991), разработавшая ряд теорий с позиций марксизма, в том числе и по проблеме классического рабства в Древнем Риме. Её оценки системы римского рабства представляют интерес для истории, исторической науки, ибо дают возможность на примере творчества крупного ученого-романиста составить представление о том, как изучалась эта фундаментальная тема в советской историографии со всеми её достижениями и недостатками.

Капитальное исследование системы классического рабства в Риме Е. М. Штаерман особенно активно проводила в 60–70-х гг. XX в. [2. С. 191]. В методологическом плане данная проблема была тесно увязана у неё с использованием категории формы собственности, занявшей центральное место в построениях по римской истории. Для Е. М. Штаерман история Рима выступает как история становления, расцвета и упадка античной гражданской общины, основанной на античной форме собственности. Но в античной экономике для исследовательницы существуют также и другие формы собственности: общинная, экзимирированная, государственная, которые определяют собой соответствующие им типы хозяйств и классовой структуры.

Изначальная многоукладность римской экономики предполагала собой дуализм, который выражался в сосуществовании рабовладельческого и нерабовладельческого укладов [3. С. 18–19]. Рабовладельческий уклад был связан с античной формой собственности и городской гражданской общиной; нерабовладельческий уклад включал в себя крестьянские общины и крупную земельную собственность с зависимыми колонами, клиентами и должниками.

Согласно выводам Штаерман, до III в. до н. э. городская гражданская община и античная форма собственности были связаны с крестьянским землевладением и институтом патриархального рабства, что свидетельствовало о достаточно замедленном ходе экономического развития Рима. Римский полис выступает как замкнутый коллектив свободных граждан-собственников земельных наделов, осуществляющих самоуправление и несущих службу в ополчении. Экономическая обстановка резко меняется во II в. до н. э., когда благодаря, в частности, обширным завоеваниям, в Италию хлынуло огромное количество рабов и была выстроена система классического рабства, пришедшая на смену рабству патриархальному.

Е. М. Штаерман, опираясь на материал источников, дала свою оценку классическому рабству в Риме, развеяв многие мифы советской историографии 30–40-х гг. по этому вопросу.

Прежде всего, исследовательница отмечает, что основной причиной перехода к классическому

рабству, как социально-экономической системе, направленной на получение прибавочного продукта, являются не завоевательные войны, а развитие производительных сил римского общества, требовавших дополнительной рабочей силы в условиях запрещения долгового рабства. Ведущей производственной ячейкой в Италии становится не латифундия с натуральным хозяйством, а средняя по размеру вилла, связанная с городским рынком, где использовалось несколько десятков рабов. Экономическая рентабельность вилл, где тратилось меньше средств на надзор за рабами и действовала простая кооперация труда, превосходила крестьянские хозяйства и латифундии с колонами.

По мнению Е. М. Штаерман, эксплуатация рабов в виллах не могла достигать больших пределов по той причине, что на основе производственной деятельности невозможно было получать прибавочный продукт в большом объеме. Значительные финансовые состояния сколачивались римскими дельцами в торгово-ростовщической сфере, на откупках, подрядах и т. д.

После прекращения широких завоеваний Рима, главным средством обеспечения вилл рабочей силой, как утверждает Е. М. Штаерман, являлось естественное воспроизводство, ибо нельзя говорить о том, что существование всех рабов в рабских фамилиях было невыносимым и грозило постоянным взрывом классовой борьбы против своих хозяев [4. С. 15].

Важным аргументом в пользу своих положений Е. М. Штаерман считает такой факт, как социальное расслоение класса рабов в период Поздней Республики. В данное время понятие класс и сословие в отношении рабов уже не совпадают, ибо оказывалось, что реальное производственное положение раба не соответствовало его юридическому статусу. Этот статус заключался, прежде всего, в том, что рабы стояли вне гражданской общины и являлись полной собственностью своего владельца, создавая для него своим трудом прибавочный продукт.

Е. М. Штаерман не согласилась с утверждением А. В. Мишулина и С. И. Ковалёва о том, что положение рабов ухудшалось с возрастом их численности [4. С. 94]. В конечном счете, положение рабов определялось их положением в производстве. В ремесле, так же как и в земледелии, рабский труд был характерен для мелких и средних предприятий. Положение рабов-ремесленников существенно отличалось в лучшую сторону от положения сельских рабов. Рабы-ремесленники имели возможность получить пекулий-мастерскую, работать по найму, скопить деньги и стать отпущенником и т. д. Из этой среды формировался слой рабов-предпринимателей, которые в составе пекулия могли иметь не только средства производства, но также и собственных рабов.

В данном случае Е. М. Штаерман подчеркивает, что наличие таких явлений в экономической жизни Рима во II–I вв. до н. э. не свидетельствуют о разложении рабовладельческого способа производства. Хозяева ремесленных мастерских стремились экономическими способами стимулировать производительность рабского труда с целью увеличения получаемого прибавочного продукта. Такие же способы поощрения производительности рабского труда практиковались и в виллах, когда за хорошую работу сельские рабы могли получать лучшую пищу, работу и т. д.

Особую социальную группу рабов составляли городская прислуга и рабы, занимавшиеся интеллектуальным трудом. Они занимали особое привилегиро-

ванное положение, имели пекулий и были далеки от рядовых рабов [4. С. 117, 129].

Таким образом, согласно положениям Е. М. Штаерман, с установлением системы классического рабства, рабовладельческий уклад во II в. до н. э. — IV в. н. э. стал играть ведущую роль в римской экономике. Противостоящий ему нерабовладельческий уклад, представленный крестьянскими хозяйствами и латифундиями, в силу своей экономической малоэффективности отошёл пока на задний план. При этом исследовательница считает, что крупное землевладение с колонами и клиентами существовало в Риме уже в VI — IV вв. до н. э., и с переходом к классическому рабству концентрация латифундий усилилась, но они по-прежнему продолжали сохранять нерабовладельческий характер.

В построении Е. М. Штаерман экономического дуализма в период расцвета рабовладельческих отношений послужил основой для постановки вопроса о формировании четырёх основных классов-сословий, что вызвало немало возражений в советской историографии [5. С. 165]. Классы рабов и рабовладельцев были связаны с рабовладельческим укладом в городах и выступили на первый план в противовес классам колонов и земельных магнатов, представлявших нерабовладельческий уклад в сельской местности. Колоны обрабатывали наделы на частных и государственных землях и обязаны были платить ренту крупным землевладельцам или государству в лице императора. При этом владельцы частных латифундий не являлись членами городского коллектива и были подчинены непосредственно государству.

Распространение рабства в большой степени способствовало упадку мелкого и среднего землевладения крестьянских общин, которые, однако, никогда не исчезали, подвергаясь сильному воздействию рабовладельческих отношений классического типа [6. С. 92].

В этой связи Е. М. Штаерман даёт своё толкование причин кризиса полиса и падения Римской республики, экономическую основу которой составляло крестьянское землевладение. Главную причину кризиса полиса исследовательница видела не в упадке рабовладельческого способа производства, как это было свойственно советской историографии 30-40-х гг., а в широком распространении системы классического рабства, ставшем основой римской экономики. Товарная вила в силу своей экономической рентабельности оттеснила крестьянские хозяйства, в результате чего значительные массы крестьян в Италии оказались безземельными, создав обстановку опасного социального кризиса [4. С. 32]. В условиях начавшейся борьбы между крупным и мелким землевладением, единая ранее римская гражданская община распалась на бедных и богатых, погрузившись в пучину ожесточенных гражданских войн. Их непосредственным результатом стало образование Римской империи, которая выступает для Штаерман, прежде всего, как итог перераспределения земельной собственности, когда в условиях военной диктатуры наряду с крупной земельной собственностью могла существовать и мелкая собственность на территории городских и крестьянских общин.

Таким образом, Е. М. Штаерман в своих исследованиях подчеркнула огромное значение воздействия классических рабовладельческих отношений на процесс разложения и трансформации античной формы собственности и античной гражданской общины. Это проявилось, прежде всего, в классовой поляризации римского общества, широком распространении част-

ных хозяйств и простого товарного производства. При этом установление Империи не привело к прекращению кризиса полиса, а лишь временно его ослабило, что выразилось в компромиссе сосуществования крупного и мелкого землевладения. Насколько долго мог продлиться этот компромисс, зависело от эффективности функционирования рабовладельческого уклада как ведущего в римской экономике.

Начавшийся процесс сокращения рабовладельческих товарных вила в Италии в I в. н. э. Штаерман связывает, прежде всего, с возросшей экономической конкуренцией западных провинций. Более дешёвая продукция ремесла и сельского хозяйства из Галлии и Испании стала поступать в итальянские города, значительно подорвав позиции местных производителей. Однако угасание системы классического рабства в Италии не означало пока ещё кризиса рабовладельческого способа производства в целом. В оценке Е. М. Штаерман в самой Италии в I в. н. э. использование рабского труда в сельском хозяйстве достигло своего максимального предела. При этом рабский труд широко использовался и в товарных вилах и в латифундиях [7. С. 30 — 31], что в определенной степени противоречит её положению о том, что в латифундиях использовался только труд колонов, и они всегда представляли собой нерабовладельческий уклад.

Оживление хозяйства и процесс урбанизации римских провинций подготовили почву для распространения очагов классического рабства по всему Средиземноморью. Рабский труд находил самое широкое применение в ремесленном производстве, горном деле, сельском хозяйстве и т. д. В этой связи Е. М. Штаерман подчеркивает, что в I — II вв. н. э. рабовладельческий способ производства был ещё прогрессивен, на основе рабства было возможно дальнейшее развитие экономики и культуры [7. С. 42].

Всеобщий кризис рабовладельческого способа производства Е. М. Штаерман относит ко второй половине II — III вв. н. э. Основную причину упадка Римской империи в III в. она видит в том, что её производительные силы исчерпали возможности развития в рамках рабовладельческих производственных отношений. Во времена ранней Империи была достигнута высшая производительность рабского труда в товарной виле среднего размера. Для дальнейшего повышения производительности рабского труда требовалось углубление специализации производства, и повышение квалификации все большей части рабов. Но не заинтересованные в своём труде рабы не отвечали возросшим производственным задачам. Производительность рабского труда достигла своего апогея.

Е. М. Штаерман подчеркивает, что падение производительности рабского труда было не абсолютным, а относительным; она начала отставать от возросших общественных потребностей. Эксплуатация рабов становилась всё менее выгодной [8. С. 17]. В силу экономической необходимости на первый план выдвигается работник, более заинтересованный в своём труде, нежели раб. В условиях поздней античности это могли быть только мелкие производители, большинство которых составляли колоны-держатели наделов в крупных имениях.

Согласно Е. М. Штаерман, кризис рабовладельческих хозяйств в III в. привел к столкновению двух основных форм земельной собственности в Римской империи: муниципальной и экзимированной. Противостояние собственников товарных вила на городских территориях связанных с античной формой собственности и владельцев экзимированных латифундий с колонами на рубеже III и IV вв. завершилось

победой последних, что выразилось в поглощении крупным землевладением мелкого и среднего [8. С. 472]. На этом основании Е. М. Штаерман делает вывод о том, что в начале IV в. с гибелью рабовладельческого уклада античная форма собственности и античная гражданская община прекратили своё существование. В период доминаты ведущую роль в экономике стал играть протофеодалный уклад в виде салютусов с зависимыми колонатами и крестьянскими общинами.

Таким образом, в концепции римской истории Е. М. Штаерман система классического рабства играет ведущую роль. Связывая рабовладельческий уклад только с античной формой собственности, исследовательница саму структуру рабовладельческих производственных отношений рассматривает, прежде всего, в плане воздействия их на процесс разложения античной формы собственности, её трансформации, а затем полного упадка. Само понимание Е. М. Штаерман особенностей классического рабства в Риме сыграло большую роль в переоценке отечественными специалистами этого сложного экономического явления в античном мире по сравнению с периодом 30 — 40-х гг. Не все положения Е. М. Штаерман были безоговорочно приняты в отечественной историографии, в том числе и её установка на жесткую детерминированность форм собственности с определенной системой производственных отношений [9. С. 295].

Однако поставленный Е. М. Штаерман вопрос о новом взгляде на природу классического рабства в тесной связи с формами собственности, находит живой отклик у современных специалистов, которые стремятся использовать её богатый опыт для дальней-

ших более качественных разработок данной проблематики.

Библиографический список

1. Историография античной истории; под ред. В. И. Кузицина. — М., 1980.
2. К 60-летию Е. М. Штаерман // Вестник древней истории. - 1975. — № 2.
3. Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития / Е.М. Штаерман. — М.: Наука, 1978.
4. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике / Е.М. Штаерман. — М.: Наука, 1964.
5. Кузицин В. И. Рец.: Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития / В.И.Кузицин. — М., 1978 // Вестник древней истории. — 1980. — № 4.
6. Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме / Е.М. Штаерман. — М.: Наука, 1996.
7. Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия) / Е.М.Штаерман, М.К. Трофимова. — М., 1971.
8. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
9. Неронова В. Д. Поздняя Римская империя // История древнего мира. Т. 3. М.: Наука, 1989.

ГОЛОВИЗНИН Сергей Валентинович, преподаватель социально-гуманитарных дисциплин Омского терминологического института, соискатель кафедры истории и теории религии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Статья поступила в редакцию 17.06.08 г.

© С. В. Головизнин

УДК 93

И. В. БЕЛОКОНЬ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ТУРКЕСТАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ А. Н. КУРОПАТКИНА

А. Н. Куропаткин — один из видных российских государственных деятелей конца XIX — начала XX вв. Являясь влиятельным идеологом имперской экспансии России в Туркестане, он излагал свои взгляды в контексте геополитических идей своего времени, обеспечивая транзит и адаптацию западных политических теорий в российскую имперскую идеологию.

Рассмотрены взгляды А.Н. Куропаткина на геополитику Российской империи, на формы и методы реализации правительственного курса в отношении Средней Азии в XIX веке

Дифференцированный подход к проблеме оценки экономической и политической значимости присоединяемых в XIX в. к России центрально-азиатских территорий, обуславливался многими факторами. Геоэкономический массив азиатских владений на юго-восточных рубежах Российской империи по всей своей протяженности имел различные климатические зоны и был этнически неоднородным. В связи с этим процесс вовлечения новых имперских окраин

в общий ход экономического развития российского государства происходил постепенно, с различной интенсивностью, но целенаправленно по пути их «слияния» с «коренной» Россией [1]. Мотивацией для экспансии, а затем освоения новых территорий, служило не только стремление установить стратегический контроль за важным регионом континента, но и оценка потенциальных возможностей использования его ресурсов, а также наличие пригодных для заселения земель. «На протяжении XVIII — XIX вв. Российская империя последовательно формировала образ осваиваемого азиатского пограничья, отвечающий жизненным интересам и потребностям госу-

дарственной власти. Данный образ нашел наиболее полное выражение в теории «естественных границ», обосновывающей неизбежность расширения имперского пространства. В процессе поиска эффективной модели административного структурирования региона Российское государство последовательно изменяло его юридический статус от окраинной (чужеродной) территории до внутренней окраинной провинции, имманентной имперскому пространству» [2].

Именно в Туркестане российская политика была более всего схожей с европейской колониальной моделью управления, чего имперские политики и идеологи упорно не хотели признавать в отношении других азиатских окраин. Это проявлялось в следующих формах: в формальной (непрямое управление) политической зависимости колонии от России, в использовании в хозяйственной деятельности местной дешевой рабочей силы на экономических отсталых территориях, утверждение норм российской налоговой и таможенной политики, что вело к созданию благоприятных условий для продвижения российских товаров на колониальные рынки. Вместе с тем, официальный Петербург занимал сдержанную позицию в отношении разрастающейся периферии на южных границах. Центр, как правило, принимал к сведению, а затем констатировал уже свершившиеся факты реализации многих военных проектов, целью которых был контроль за порядком в приграничных районах. Хотя, безусловно, тема Средней Азии постоянно находилась в поле зрения столичной политической элиты, а приобретение новых земель, несомненно, повышало международный статус России и способствовало поддержанию внешнеполитического престижа страны.

С ростом активности внедрения в Среднюю Азию обозначилась потребность в построении особого идеологического обоснования азиатской политики на государственном уровне. В свою очередь, геополитическое видение региона менялось по мере обогащения практического опыта, научного «завоевания» Центральной Азии. Формирование идеологии как системы взглядов и идей о геополитическом положении России в Азии во второй половине XIX в. базировалось на целом спектре концепций, предлагаемых видными военными и государственными деятелями. Какие-то из них безусловно принимались государственными чиновниками и общественным мнением, а какие-то вызвали оживленную дискуссию. С появлением в российском имперском пространстве новых окраин и зависимых азиатских владений, возникла потребность в их научном изучении по всем направлениям: физико-географическом, этнокультурном, военно-стратегическом и др. Для выполнения поставленных задач в 1867 г. при Главном штабе создается Азиатская часть, которая функционировала как автономное подразделение военного ведомства. Позднее, в 1896 г. в Министерство внутренних дел поступило обращение «о разрешении Императорскому Русскому географическому обществу открыть в составе одного отдела под наименованием Туркестанского» [3]. Разрешение было получено. Туркестанский отдел ИРГО создавался «...для успешного осуществления целей по исследованию областей, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а равно Бухары, Хивы и соседних областей Китая и Афганистана» [4]. Первоначально, главными мотивами к развитию отношений с государствами Средней Азии являлась коммерческая выгода от торговых операций, устранение угрозы от набегов кочевников и своеобразная

идеология «защитного империализма». Постепенно в идеологии России в Средней Азии появляются новые элементы. Во второй половине XIX в. ставятся задачи по упрочению положения империи по всем направлениям, наряду с цивилизационными, военно-стратегическими аргументами, появляются и новые колониационные мотивы, стремление найти экономическое обоснование расширения имперских границ на этом направлении [5].

Современники и непосредственные участники тех событий по-разному объясняли необходимость присоединения азиатских территорий. Так, широко известный полководец тех лет, возглавлявший походы в Среднюю Азию, М.Д. Скобелев видел возможность путем утверждения России в Азии решить вопросы геополитического характера. М.Д. Скобелев считал, «что присутствие наше здесь, во имя русских интересов, может быть оправдано стремлением способствовать отсюда разрешению в нашу пользу восточного вопроса; иначе овчинка не стоит выделки и затраты на Туркестан будут непроизводительны» [6]. Военно-стратегические мотивы являлись частью целого комплекса исходных целей имперской экспансии в юго-восточном направлении. Существовали и другие версии в определении актуальности движения России в глубь азиатского материка.

Потребность в формировании четко обозначенной, защищенной государственной границы, вовлекала Россию, в своего рода, поэтапное движение к «естественным» рубежам (природным ландшафтными образованиями: к горам, к рекам и пр.). Каждый раз, создавая пограничную линию укреплений с заставами, российская сторона рассчитывала оградить себя от набегов кочевников. Однако за пределами линии укреплений, как правило, начинался новый этап движения к югу. Поскольку граница не выполняла своих функций — размежевания и охраны территорий, а становилась плацдармом, откуда направлялись новые экспедиции в глубь степей с целью пресечения нападения «шаек азиатцев». Кочевники, проживавшие в районе границы, принимали российское подданство, тем самым обязывая русских оказывать им покровительство и защиту от враждебных посягательств соседних племен. Россия получала новые земли, новых подданных, что сопровождалось очередным переносом пограничной линии укреплений дальше на юг. Таким образом, достижение «естественных границ», казалось, приведет к установлению оптимального рубежа, защищенной пограничной полосы, что играло важную роль в геополитической риторике империи.

О движении России к «естественным» рубежам размышлял знаменитый исследователь, путешественник, генерал-майор М.И. Венюков. В своей статье «Водворение русской власти в Средней Азии» он определил основную причину продвижения в Азию, как естественное колониационное движение русского народа. «Каждый народ зависит от своей территории: так, народы, поселившиеся в горах, сложились в небольшие государства; напротив, население равнинных стран стремится к образованию обширных государств, с более-менее определенными естественными границами. Такое стремление заключается и в русском народе с самого начала его истории. Постепенно, шаг за шагом, мы продвигались или к таким естественным границам, как моря и горы, или к государствам прежде нас окрепшим и сложившимся в известных территориальных границах» [7]. Приведенная точка зрения М.И. Венюкова объясняет причину перманентного движения русских к естествен-

ным рубежам как следствие тесного взаимодействия природы и человека. Он усматривал зависимость между генетическими особенностями нации и воздействием на их формирование среды обитания, а именно природно-климатических условий и ландшафта. М.И. Венюков провозглашал историческое право русского племени на такое движение, усматривая в нем возможность своеобразного реванша арийских народов, «которые долгое время были под владычеством народов тюркского и монгольского корня» [8]. Стремление к «естественным границам» трактовались М.И. Венюковым как некое предназначение для русского народа свыше.

В 1880-х гг. А.Н. Куропаткин (принимал активное участие в присоединении Средней Азии к России, а затем занял пост начальника Закаспийской области (1890 – 1898 гг.), пост военного министра страны с 1898 по 1904 гг., а в 1916 г. был назначен генерал-губернатором Туркестанского края) [9] неоднократно обращался к теме взаимоотношений России и Азии, активно черпая свои аргументы как из цивилизационного, так и колониального дискурса. В своих работах он писал о том, что «движение России на восток, в Среднюю Азию, началось тотчас после свержения Монгольского ига, с покорения в 1472 году Иваном III Перми, затем Вятки» [10]. Причина движения указывалась им следующая: «с целью замирения степи и установления правильных торговых отношений с среднеазиатскими оседлыми владениями» [11]. Империя рассчитывала посредством укрепленной и обустроенной границы обеспечить надежную охрану рынка сбыта российских товаров. В последующих своих работах А.Н. Куропаткин не раз обращался к вышесказанным доводам [12]. Рассматривая причины «расширения» России в юго-восточном направлении, он указывал на уязвимость южных границ России со стороны степи и беспокойство, доставляемое кочевыми племенами русским жителям окраин и инородцам, ставших подданными империи. «Если северная граница была защищена Ледовитым океаном, то южная совершенно беззащитна и подвержена непрерывным нападениям кочевых племен. Новых поселенцев и покорившихся инородцев кочевники грабили и угоняли в неволю» [13]. Междоусобные стычки между племенами негативно отражались на жизни приграничного населения. А.Н. Куропаткин отмечал, что еще Петр I предпринимал попытки наладить отношения с обитателями степей. В своем известном научном труде «Задачи русской армии» (СПб., 1910) он предпринял очередную попытку выделить различия между западным «классическим» и российским «особым» методами колониационного процесса. А.Н. Куропаткин счел целесообразным обратиться к аргументам видных экспертов Генерального штаба А.И. Макшеева и М.И. Венюкова, которые делали акцент на имеющихся отличиях между русским опытом и европейским. Запад, по мнению А.И. Макшеева, изначально колонизировал чужие территории исключительно с целью обогащения метрополии, русские же наоборот, на первом этапе больше тратили на колонии, нежели от них получали. Россия относилась к новым территориальным приращениям, как к собственной части, достойной равных прав на развитие и благосостояние наравне с другими ее регионами. Взаимоотношения между метрополией и колониями выстраивались с учетом обоюдных интересов. Более того, «...значительная часть инородцев на востоке России до сих пор еще не несет общегосударственной воинской повинности» [14]. Со временем, при таком гуманном подходе «весь восток Европы и Север

Азии» создали «одно органичное целое». Очевидно, он приветствовал расширение границ России и негативно относился к критике со стороны противников этого процесса. «В построении такого колоссального здания экономические стремления имели слабое значение, а между тем все возражения против такого движения на Восток делаются на основании западно-европейской экономической теории, выработанной чуждою нам практикой колониальной системы» [15]. В свою очередь, М.И. Венюков также поддерживал идею о том, что «и в общегосударственном смысле северная Азия является не мятежною колонией, которая истощала бы свою метрополию усилиями на поддержание политических уз, а простым продолжением империи, политическое могущество которой только черпает в завоеванной стране новые силы» [16]. Сам А.Н. Куропаткин выражал недовольство по поводу чрезмерной опеки колоний центром. Он призвал отменить особые привилегии различных народностей, которые не распространяются на русских. В тех же случаях, когда отмена льгот не выгодна для «русского племени», нужно заменить ее особым налогом. Речь шла прежде всего об обязанности воинской повинности. В России (особенно на национальных окраинах), по его мнению, русским предоставлено меньше прав, в сравнении с правами других народностей. А.Н. Куропаткин характеризовал отношение к коренному населению так, «мы даже не вмешиваемся в их самоуправление в их суд — управляйтесь и судитесь, как знаете, только сидите мирно, подати платите исправно. Ни в душу, ни в карман мы к ним не залезаем — веруйте, в кого хотите, живите, как желаете. Мы их не эксплуатируем, соков из них не выжимаем, как поступают с ними просвещенные мореплаватели в Индии и в Африке и везде, куда их нелегкая заносит, и туземцы вполне благодушествуют» [17]. Российская политика в его конструкциях представляла менее паразитической и несла с собой прогрессивные изменения. Великобритания осуществляла классический вариант колониальной политики, в основе которой лежали прежде всего экономические выгоды. Идеологи русского процесса колонизации, а среди них наиболее влиятельным был, несомненно, голос А.Н. Куропаткина, проводили сравнение технологий освоения, именно, в отношении английских колоний. В силу того что Индия и Средняя Азия находятся по соседству на одной части света, а Россия и Англия являлись противниками в отстаивании своих геополитических интересов в азиатском регионе.

Исследователи новейшей истории при сравнительном анализе двух типов колониальной политики также фиксируют различия. Колониальная политика Англии была направлена, подчеркивают они, прежде всего на удовлетворение экономических потребностей страны. Свой контроль над колониальной периферией Британия обеспечивала при помощи сотрудничества с господствующим классом Индии. Отсталость экономики, примитивный труд индийского населения способствовали усилению колониальной зависимости. Действия британских властей и бизнеса, хотя и способствовали экономическому и даже социальному развитию Индии, но при этом сопровождались мощным прессингом налогообложения, потребительским подходом и жесткой эксплуатацией со стороны английских колонизаторов. Столь прагматичное отношение колонизаторов объясняется тем, что Великобритания не планировала давать колонии статус территориально-административной единицы государства. Англия — островное государство, и ее границы как метрополии были географически жест-

ко очерчены, проходили по естественным рубежам. Поэтому отсутствовала необходимость расширять территорию до определенных пределов, а затем приобретенные пространства преобразовывать в территориальные составляющие страны. Народонаселению британских островов хватало земли для расселения в других колониях, прежде всего в Северной Америке и Австралии. Поэтому Индия не рассматривалась как территория, куда можно было бы направить переселенческие потоки. Огромное расстояние от туманного Альбиона до Индии, различия цивилизаций двух стран, тяжелые климатические условия для европейцев, сводили на «нет» привлекательность колонии для массового переселения. Британской короне от Индии нужны были только энергетические ресурсы и экономическая выгода. Российское же присутствие позитивно повлияло на экономическое и социокультурное развитие Средней Азии. В то время как Британская колония — Индия, оставалась только сырьевым придатком Англии.

Последствия колонизации для британской Индии и российской Средней Азии были разными и носили контрастный характер. Оценивая результаты колониальной политики России, А.Н. Куропаткин отмечал положительные изменения. Позитивные преобразования, происшедшие, в частности, в Закаспийской области гарантировали в первую очередь безопасность жителей. Наблюдался прогресс в сельском хозяйстве, промышленности и мелкотоварном производстве, улучшении быта туземцев. В связи с продуктивным освоением края происходило увеличение доходных статей российской государственной казны. Русская торговля в Средней Азии, увеличиваясь с каждым годом, подавляла всякую конкуренцию. «Введение правильного и сообразного с местными условиями управления, а также не обременение сразу налогами населения поставило нас в дружеские к нему отношения, что с особенной очевидностью сказало в добровольных присоединениях мервцев, сарыков и солоров. Принятые нами военные меры в связи с проведением железной дороги обеспечили значение области в военном отношении. Для более прочного закрепления края за Россией надлежит развить поселение в нем коренного русского населения, но в этом встречается почти непреодолимое препятствие в отсутствии свободной воды в области» [18]. С проведением железной дороги, появились новые рынки для сбыта продукции отечественной промышленности, к тому же на выгодных для России условиях. Произошел рост объемов и динамики туземной торговли. Данный факт указывал на рост активности местных производств и увеличение благосостояния края. Населению была предоставлена возможность участвовать в управлении и общественной жизни Туркестанского края, реализовывать свои гражданские права. Военно-народное управление возглавлялось русскими военными чинами, которое исполняло свои функции заинтересованно и авторитетно, утверждал Куропаткин.

Таким образом, на основании явных качественных изменений, произошедших во всех сферах жизни азиатских окраинах России, А.Н. Куропаткин делал традиционный вывод о том, что русское владычество для среднеазиатских колоний являлось несомненным благом. Вместе с тем Куропаткин излагал свои взгляды в контексте геополитических идей своего времени, обеспечивая транзит и адаптацию западных политических теорий в российскую имперскую идеологию, что должно было служить модернизации идейного обоснования имперской политики на ее азиатском направлении.

Библиографический список

1. Васильев, Д.В. О политике царского правительства в Русском Туркестане: (к вопросу о «русификации») / Д.В. Васильев // Сборник Русского исторического общества. — М., 2002. — Т. 5 (153). — С. 58 — 70.
2. Безвиконная, Е.В. Административное пространство «азиатского пограничья» Российской империи в XIX веке / Е.В. Безвиконная // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. : к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. — Омск, 2005. — С. 141.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1927. «Об учреждении Туркестанского отдела Географического общества».
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1927. Л. 4.
5. Правилова, Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801 — 1917 / Е.А. Правилова. — М. : Новое издательство, 2006. — 456 с.
6. Цит. по: Глущенко Е.А. Герои империи: портреты российских колониальных деятелей / Е.А. Глущенко. — М. : XXI век — Согласие, 2001. — С. 253.
7. Водворение русской власти в Средней Азии // Военный сборник. — 1868. — № 8. — С. 248.
8. Ремнев, А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова. / А.В. Ремнев // Исторические записки. — М., 2001. — Т. 4 (122). — С. 350.
9. Белоконь, И.В. Алексей Николаевич Куропаткин: вехи биографии (1848 — 1925 гг.) / И.В. Белоконь // Исторический ежегодник ; под ред. А.В. Якуба. — Омск, 2000. — С. 54 — 62. Она же. Геополитические характеристики как составные анализа могущества государства (по материалам А. Н. Куропаткина) / И.В. Белоконь // Омские исторические чтения. — Омск, 2003. — С. 71 — 74. Она же. А.Н. Куропаткин и его роль в хозяйственном освоении Закаспийской области (1890 — 1898 гг.) / И.В. Белоконь // Вестник Томского государственного университета: общенаучный периодический журнал: бюллетень оперативной научной информации. Сер. : Проблемы отечественной истории и историографии (XVII — XX вв.). — Томск, 2006. — № 124, декабрь. — С. 85 — 92.
10. Куропаткин, А.Н. Поступательное движение России в Среднюю Азию. Причины, вызвавшие это движение / А.Н. Куропаткин // Терехов, А.А. Статистический очерк Афганистана / А.А. Терехов. — СПб., 1887. — С. 8.
11. Там же. С. 8.
12. На данный тезис А.Н. Куропаткин ссылается также в своих работах: «Завоевание Туркмении» (СПб., 1889), «Задачи русской армии» (СПб., 1910).
13. Куропаткин, А.Н. Задачи русской армии / А.Н. Куропаткин. — СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1910. — Т. 2. — С. 95.
14. Там же. С. 106.
15. Там же. С. 106.
16. Венюков, М.И. Россия и Восток / М.И. Венюков // Собрание географических и политических статей. — СПб., 1877. — С. 114 — 115.
17. Куропаткин, А.Н. Задачи русской армии / А.Н. Куропаткин. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1910. — Т. 2. — С. 139.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1480. Л. 17 — 18. «Материалы для отчета о деятельности военного министерства в азиатских округах за 10 лет (с 1881 — 1891 гг.)».

БЕЛОКОНЬ Ирина Васильевна, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории, председатель профсоюзного комитета студентов ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Статья поступила в редакцию 15.07.08 г.

© И. В. Белоконь